

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

Том 9 (75). № 2

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2023

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,
протокол № 5 от 23.06.2023 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Орехов В. В. – д. филол. н., проф. (главный редактор)	Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф. (заместитель главного редактора)	Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
Храбскова Д. М. – к. филол. н., доц. (заместитель главного редактора)	Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
Александрова И. В. – д. филол. н., доц.	Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.	Петров А. В. – д. филол. н., проф.
Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.	Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
Гудзова (Дзыга) Я. О. – д. филол. н., доц.	Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.	Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.	Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.	Смеюха В. В. – д. филол. н., доц.
Керимов И. А. – д. филол. н., проф.	Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.	Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.	Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
Лучинский Ю. В. – д. филол. н., проф.	Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.	Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
	Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
	Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц. (ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки); с 21.02.2023 – по специальностям: 5.9.1 Русская литература и литература народов Российской Федерации; 5.9.2 Литературы народов мира; 5.9.3 Теория литературы; 5.9.6 Языки народов зарубежных стран; 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика; 5.9.9 Медиакommunikation и журналистика.

Адрес редакции: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Академика Вернадского, д. 4.

Подписано в печать 23.06.2023 г. Формат 70x100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 16,7. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в Издательском доме

Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Адрес издательства и типографии: 295051, г. Симферополь,

бул. Ленина, 5/7. <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2023 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 82.09

ФЕНОМЕН ПУШКИНА В ГЕОПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА. О СНОСЕ ПАМЯТНИКОВ ПУШКИНУ НА УКРАИНЕ

Антонов Г. Н.

*АО «СПМБМ «Малахит»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: admiral_antonov@inbox.ru*

Статья представляет собой попытку осмыслить феномен варварского уничтожения памятников А. С. Пушкину на Украине. По убеждению автора, эти акты вандализма, возведенные украинскими властями в ранг государственной политики, необходимо видеть в контексте глобального геополитического противостояния, на острие которого оказалась Россия и русская культура. Статья демонстрирует, что тотальное «выдавливание» русской культуры началось на Украине задолго до 2014 г. и военной спецоперации, объявленной в 2022 г., и было изначально нацелено на разрыв духовных связей между Украиной и Россией. Эта деструктивная деятельность имеет эффект переформатирования ценностных ориентиров украинского общества, укрепления националистической идеологии, доходящей до фашизма. Такое положение вещей несет в себе угрозы безопасности России и должно встретить консолидированный ответ российской науки и российского общества.

Ключевые слова: памятники А. С. Пушкину, вандализм, русское слово, национализм, геополитика.

ВВЕДЕНИЕ

Выбор исследовательских целей и задач определяется многими факторами. Одним из наиболее важных, безусловно, является востребованность специфического круга профессиональных знаний. Так, автор настоящей статьи в силу информационного фонда и возможностей, которые давала основная профессия, стремился дополнить наши представления об А. С. Пушкине сведениями о том, какое место в жизни и творчестве поэта занимали русский морской флот и флотские знакомства [1, 2 и др.].

Однако существуют факторы, которые важнее частных исследовательских установок, и именно они не позволяют отдельным научным сферам, да и всей науке в целом утратить единство, дают научному процессу то или иное направление. Речь идет о необходимости солидарного ответа со стороны научного сообщества на запросы современности. Порою может возникнуть ощущение, что эта солидарность «диктуется» административным образом, а порою – что она рождается стихийно, неосознанно. То и другое, разумеется, имеет место в научной жизни, но главным все же остается способность научного сообщества осмыслить важность и природу новых вызовов, а потому всякий исследователь время от времени отвлекается от своего специфического круга проблем и задумывается о самых общих вопросах, обсуждает эти вопросы с коллегами, «сверяет часы» с современным общественным состоянием и историей.

Вызовы, с которыми мы столкнулись в последний год, беспрецедентны. Наука обязана дать на них консолидированный ответ, воплощенный не только в отдельных

решениях, но в общем понимании учеными целей и задач, в общем представлении о требованиях профессионального долга.

Сознанием этой необходимости и продиктована настоящая статья, посвященная, по существу, той «идеологии», которая должна объединить усилия науки и общества перед лицом современных угроз.

Поводом для изложенных здесь размышлений послужил вандализм, развернувшийся на Украине в отношении и памятников А. С. Пушкину, и русской культуры в целом.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Геополитический контекст

События на Украине следует воспринимать в глобальном контексте и видеть в них результат действий, предпринимаемых главными геополитическими игроками.

Уже давно не осталось сомнений, что геополитические решения США и подконтрольных им «мировых держав» основываются на энергетических интересах и представляют собой борьбу за районы, богатые углеродными ресурсами. В политической плоскости эта борьба реализуется в процессах «глобализации», выстраивающих модель «однополярного мира». Однако с начала XXI в. государства, обладающие углеродными ресурсами, начали эффективно уклоняться от императивов так называемого «золотого миллиарда».

По военно-политическим, экономическим и другим объективным причинам на острие противостояния оказалась Россия. Президент России В. В. Путин в 2007 г. официально провозгласил несогласие с политикой «однополярного мира». С этого момента против России – как лидера непокорных энергетически богатых государств – началась борьба, включающая политические и экономические санкции, вмешательство во внутренние дела с опорой на искусственно возвращенную «грантовую» оппозицию, с использованием исподволь заложенных деструктивных решений по деидеологизации образования, ликвидации института патриотического воспитания и т. д.

Осознав недостаточность применяемых средств так называемой гибридной войны («мягкой силы»), США спланировали, организовали и начали против России реальные боевые действия, в которых Украине отвели роль «частной военной компании». Украину перевооружили, оснастили самыми передовыми средствами огневого поражения, связи, всех видов разведки, целеуказания (с космическим компонентом), включили систему боевого управления вооруженных сил Украины в структуру НАТО. Для использования мобилизационного ресурса Украины объединенному Западу удалось решить триединую задачу разрыва родственной связи русских и украинцев: на уровне истории, религии и культуры. Для этого был использован фактор национализма, позволивший осуществить проект «антироссия» и организовать войну против России «до последнего украинца».

В процессе ликвидации культурных связей главная роль была отведена борьбе с языком (лишение русского языка статуса государственного, а позднее и запрет его использования) и ликвидации объективного представления о значимости и величии личности А. С. Пушкина и его творчества.

Война против рукотворных памятников

*Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа [9, т. III, с. 424]*

Это строки А. С. Пушкин написал в августе 1836 г., отложив на время работу над «Медным всадником». При жизни поэта стихотворение не появилось в печати. Оно было опубликовано В. А. Жуковским в первом посмертном полном собрании сочинений поэта в 1841 г. И с тех пор всем русским миром это стихотворение воспринимается как своеобразное завещание, как подытоживающее размышление на одну из самых сложных тем мировой и русской культуры: на тему памяти потомков о личности и творчестве поэта, творца национального языка и национального духа.

Но вот сегодня мы наблюдаем массовый варварский снос рукотворных памятников А. С. Пушкину. Причем памятников, которые имеют биографическую «привязку» и самостоятельную художественную и историческую ценность.

Как известно, А. С. Пушкин в период с 1820-го по 1824 год довольно много ездил по тогдашней российской провинции – Украине [6, 7]. 14 мая 1820 г. молодой дипкурьер Министерства иностранных дел Александр Пушкин проездом впервые посетил город Чернигов. 4 августа 1824 г., уже став знаменитым поэтом, после долгого пребывания в Одессе [11] А. С. Пушкин по дороге с юга России в Михайловское снова побывал в Чернигове.

Фото 1. Бюст Пушкина в Чернигове до сноса

В ту пору государства с названием Украина ещё не существовало, и Чернигов закономерно должен был восприниматься Пушкиным как провинциальный русский город с богатой и древней историей. Первое летописное упоминание Чернигова датируется 907 годом. Тогда это был один из крупнейших городов Древней Руси.

В XIV в. Чернигов был захвачен княжеством Литовским, но через полтора столетия вошел в состав Русского государства. В XVII в. город на весьма недолгий срок попадал под контроль Речи Посполитой, но вскоре был возвращен Россией в качестве западного форпоста. Отметим при этом, что в ходе Полтавской битвы черниговские казаки сохранили верность присяге и сражались на стороне Петра I. Словом, для Пушкина и его современников Чернигов был старинным и славным русским городом.

В 1900 году, на деньги, собранные жителями, в память о пребывании гения русской поэзии в Чернигове на высоком гранитном постаменте был установлен бронзовый бюст Пушкина. Этот памятник пережил революцию 1917 г., гражданскую войну и войну Отечественную, но зимой 2007 г. он был обезглавлен. Тогда власти Украины объявили, что это дело рук неизвестных вандалов. В 2009 г. под давлением общественности памятник восстановили. Однако 30 апреля 2022 г. этот бюст был полностью снесен силами 119-й бригады территориальной обороны. И уже никто на Украине не скрывал, что памятник поэту снесли с ведома властей.

Фото 2. Чернигов. Постамент снесенного памятника Пушкину

Снос бюста Пушкина в Чернигове был не первым и не единственным случаем вандализма. Снос памятников Пушкину начался на Украине задолго до специальной военной операции России, объявленной в феврале 2022 г. Но если поначалу это варварство подвергалось (по крайней мере, публично) осуждению со стороны властей, то с 2014 г. оно приобрело совершенно узаконенный и системный характер. Оно осуществляется в рамках реализации национальной украинской программы декоммунизации. По неполным данным, по состоянию на февраль 2023 г. на Украине ликвидировано около 50 памятников и бюстов, посвященных светочу русской поэзии. Своеобразный старт массовому уничтожению памятников Пушкину на Украине был дан 27 мая 2022 г. в Закарпатском Мукачево и сопровождался комментарием муниципальных властей в местных СМИ: «Сегодня наконец-то снесли

памятник эфиопскому москалю»! Это выглядит тем более дико, что в Закарпатье существовала давняя традиция чтить память поэта – еще в бытность этой области в составе Чехословакии [10]. Снос памятников Пушкину и подобные акты варварства лежат далеко за гранью не только политики, но и адекватного человеческого сознания.

11 ноября 2022 г. по решению горсовета снесли бюст Пушкина в Житомире. Это был третий памятник поэту, установленный на территории Российской империи после Москвы [4, с. 12–17] и Одессы еще в 1899 году.

Фото 3–4. Житомир. Демонтаж бюста А. С. Пушкина

Во время Великой Отечественной войны жители Житомира сняли бюст и прятали его до прихода Советских войск, а потом водрузили на место. Но в ноябре 2023 г. бюст поэта не спасло даже то, что он был внесен в список памятников монументального искусства Украины национального значения.

Среди украинских городов, где снесли памятники нашему национальному поэту, – и Киев, где Пушкин также бывал [5, с. 5]. О судьбе киевских памятников необходимо сказать особо. Самый грандиозный на Украине памятник был сооружен в микрорайоне Шулявка возле входа в парк им. А. С. Пушкина (скульптор А. А. Ковалёв, архитектор В. Г. Гнездилов). Название свое парк получил еще в 1899 г., в честь столетия со дня рождения поэта. Тогда киевлянами на площади 20 га было высажено около 50 тысяч деревьев и кустарников. Памятник – статуя высотой 3,5 м на постаменте из чёрного лабрадорита (общая высота памятника 7,6 м) – был установлен 2 июня 1962 г. На лицевой стороне постамента надпись «Пушкину. Украинский народ», а на тыльной – выбиты имена скульпторов: А. Ковалёв и В. Гнездилов.

В конце 2022 г. памятник был осквернен, однако никто не был привлечен к ответственности. Напротив, власти стали на сторону вандалов и приступили к официальному решению вопроса о сносе памятника. Монумент входил в реестр объектов культурного наследия. В мае 2023 г. украинское министерство культуры сняло с двух скульптур Пушкина в центре Киева этот статус. На заседаниях межведомственной рабочей группы в мае 2023 г. принималось решение о демонтаже памятника поэту в Шулявке, что соответствовало принятому (в мае 2023 г.) депутатами Киевского горсовета решению «Об организационно-правовых мерах по устранению памятных объектов, связанных с культурой и историей России и СССР, из публичного пространства города Киева». Решения были «поддержаны» мэром города В. Кличко, в том числе о демонтаже памятника Пушкину в микрорайоне Шулявка, о чем 2 июня торжественно сообщило украинское издание «Вести». К слову говоря, 26 мая принято решение о замене бюста Пушкина на бюст поэта Василия Стуса на станции Киевского метро «Университет».

Фото 5. Памятник А. С. Пушкину в микрорайоне Шулявка, оскверненный в конце 2022 г.

А первым – 11 октября 2022 г. – в центре Киева был снесен старейший памятник Пушкину, установленный в честь 100-летия со дня рождения поэта в 1899 г. на средства преподавателей и учеников Киево-Печерской гимназии, что отражено в надписи на постаменте: «Александр Сергеевичу Пушкину. Киево-Печерская гимназия. 1799–1899»). Бронзовый бюст поэта был изготовлен мастером Склавони по проекту скульптора Р. Р. Баха и привезен из Петербурга.

Фото 6–7. Этого памятника Пушкину, установленного в 1899 г. в Киеве, уже не существует

Памятники Пушкину снесены также в Запорожье, Жмеринке, Конотопе, Николаеве, Николаеве, Полтаве, Тульчине, Ужгороде, Тернополе, Харькове, Черновцах.

Вандализм как государственная идеология

Очевидно, что повсеместный снос памятников Пушкину на Украине это не «перегиб» со стороны государства, обусловленный военными действиями. Это свидетельство упадка общества и следствие целенаправленной государственной политики последних лет. И ответственность за это несет не русская культура, а украинский национализм, трансформировавшийся в фашизм.

Причем следует учитывать, что на Украине националистическая идеология оказалась цепью, скрепившей разного рода официальные и неофициальные общественные организации радикального толка с властными структурами, крупным бизнесом и западными «партнерами». Таким образом, в распоряжении националистов оказался и государственный бюджет Украины, и деньги олигархов, финансовая помощь со стороны Запада. Напомним, что еще администрацией президента В. Ф. Януковича были легализованы лагеря подготовки бойцов

националистических ячеек, что способствовало созданию боевых структур и их сращиванию с властью.

Националистическая, откровенно шовинистская партия «Свобода», получая неограниченное госфинансирование и ресурсы, в короткий срок создала ячейки по всей Украине. Из её недр вышли батальоны «Азов», «Айдар», «Днепр», «Волынь» и другие военные формирования фашистского толка – наследники недобитых бойцов УПА и ОУН, бесславно проигравших в середине XX в. все свои бои, в том числе и подпольно-диверсионные, отличавшиеся изощренной жестокостью не только по отношению к солдатам Советской Армии, но и мирному населению, включая стариков, женщин и детей.

Нынешние украинские националисты не скрывают, что являются последователями тех, кто хлебом-солью встречал гитлеровские войска в Киеве, кто сжег дотла Хатынь и сотни других непокорных сел Белоруссии, кто с конца 1941 г. частями фельд-жандармерии стояли у стен Ленинграда вместе с бригадами и полками Германии, Испании, Италии, Болгарии, Австрии, Румынии, Чехии и других демократических стран Европы, осуществляя блокаду, творя чудовищный геноцид жителей многомиллионного города.

Прикрываясь программой декоммунизации, по сути своей ставшей идеологией проекта «антироссия», на Украине стали массово переименовывать улицы и проспекты, школы и библиотеки, парки, скверы и институты. Киевский музей Пушкина вдруг стал музеем истории городской культуры и быта XIX в. Проспект Пушкина в Днепропетровске стал именоваться проспектом Бориса Джонсона. Причем это решение выглядит еще и не самым абсурдным, поскольку власти Днепропетровска всерьез обсуждали необходимость переименования проспекта Пушкина в проспект С. Бандеры. Мэр города заявил в СМИ: «Существует немедленная потребность в переименовании проспекта, названного именем русского шовиниста, имперца и одного из творцов нацистской русской культуры Пушкина» [8].

Повторим, что уничтожение памятников началось на Украине задолго до начала СВО. За последние тридцать лет на Украине снесли более 2,5 тысяч памятников и бюстов, и это памятники не только деятелям советского периода. Это памятники людям, принадлежащим нашей общей с украинцами истории: Суворову, Кутузову, Потемкину, Ушакову, наконец, Екатерине II, основательнице Одессы. В этом ряду и памятники Чкалову, маршалам Победы: Жукову, Коневу, Толбухину, Рокоссовскому, памятник на могиле командующего войсками 1-го Украинского фронта, освобождавшего Киев, генерала Н. Ф. Ватутина. Снесли даже памятник уроженцу Днепропетровска Герою Советского Союза рядовому Александру Матросову. Все эти снесенные монументы и памятные знаки сегодня на Украине называют «советским хламом»!

В ходе не завершенной ещё кампании декоммунизации и дерусификации на Украине переименовано 987 населенных пунктов, 52 тысячи улиц и площадей получили другие названия. Теперь они носят имена Мазепы, Бандеры, Шухевича, Мельника и других националистов, известных предательством, жестокостью и подлостью.

Вытеснение русского языка и русской литературы из школьных и вузовских образовательных курсов на Украине также началось задолго до начала военной спецоперации и носило повсеместный и бескомпромиссный характер [3, с. 88, 171]. Однако в последнее время давление в этой сфере превысило все воображимые границы. 11 июня 2022 г. Министерством образования и науки Украины было принято решение об изъятии из школьных программ произведений Пушкина.

Из библиотек изъято более 11 миллионов книг русских и советских классиков. Один миллион этих книг публично сожжен на площадях некоторых городов. Немецкий поэт Генрих Гейне когда-то сказал: «Там, где сжигают книги, впоследствии сжигают и людей». К великому сожалению, именно это и происходит сейчас на Украине.

В написанных мною словах нет ненависти или злорадства. В них боль за искорёженную правду нашей общей страны, нашей общей истории, нашей общей славянской культуры и нашей православной веры. Самым горестным примером того, как на Украине коверкают нашу историю, является установка гигантского бронзового памятника Мазепе в Полтаве. И совершенно кощунственно звучало заявление бывшего тогда президентом Украины Петра Порошенко о том, что памятник Мазепе – это символ украинского сопротивления. Общеизвестно, что в историю Мазепа вошел как предатель, наказанный судьбой за измену присяге и долгу. Именно под Полтавой Пётр I разбил в 1709 г. армию шведского короля Карла XII и примкнувшего к нему Мазепы. После поражения под Полтавой Мазепа бежал в Османскую империю, по пути предав своего шведского повелителя, и умер в забвении.

Очевидно, что огромная часть населения Украины сейчас тотально психопатезирована. У нее подавлена функция логики и критического мышления. Жителям Украины посредством мощнейшего информационно-психологического воздействия изменили исторические и ценностные ориентиры, внушив ненависть ко всему русскому. Специалисты по информационным войнам США и НАТО фактически реализовали на Украине эксперимент по массовому зомбированию населения с целью тотального насаждения нацистской идеологии. И делалось это по аналогии с тем, как развивались события в Германии в 1930–1937 годах.

Лечиться-ли это? Я думаю – да! И не только войной. Полагаю, что именно Пушкин и должен помочь нам вернуть населению Украины объективное представление о реальности. И вспоминаются в связи с этим известные строки поэта из поэмы «Полтава»:

Тиха украинская ночь.

Прозрачно небо. Звезды блещут... [9, т. V, с. 33].

Никто в начале XXI в. не прогнозировал, что США и страны НАТО развяжут против России новый вид войны – гибридную войну. Объявленная цель этой войны – уничтожение русской цивилизации. Совсем недавно это казалось немыслимым. Но война со всем русским стала реальностью, и в нее втянут весь мир. Так, в США армянина И. К. Айвазовского, рождённого в российском Крыму, возвращенного русскими императорами и принадлежащего к русской культуре, признали украинцем! То французское посольство в Центрально-Африканской Республике

признает гения русского народа А. С. Пушкина деятелем французской культуры «с непонятными русскими корнями»!

А тем временем на Украине продолжают рушить бюсты и памятники поэту, соскребать со стен зданий памятные доски и барельефы с упоминанием о нем.

Казалось бы, реакцию на происходящее нам подсказывает сам Пушкин строками стихотворения «Памятник»:

*Веленью божию, о муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца [9, т. III, с. 424].*

Однако эти строки программируют творческие установки поэта, но не мировоззрение читателя или исследователя. Независимость творчества от внешних оценок позволяет создать величайшие духовные ценности, и это – великая миссия творца. Но равнодушие народа к сохранению этих духовных ценностей ведет к их утрате, так что сбережение созданного творцом и памяти о нем – удел читателя и ученого.

ВЫВОДЫ

Уничтожение памятников А. С. Пушкину на Украине – планомерная деятельность, нацеленная на истребление любых атрибутов, указывающих на тесную связь между украинской и русской культурами. Этот вандализм в отношении материальных объектов, возведенный на Украине в ранг государственной политики, нацелен на коренное изменение духовных, нематериальных основ. Речь идет о стремлении украинских националистов в конечном итоге разрушить то, что А. С. Пушкин называл «нерукотворным памятником», – пушкинское слово, впитанное национальным сознанием и воспринятое как общенародное достояние. Именно этот «нерукотворный памятник» является одним из важнейших объединяющих начал для восточнославянского менталитета и мешает превращать Украину в «Антироссию». В контексте этих деструктивных замыслов следует воспринимать и вытеснение русского языка, и агрессивные изменения в топонимике, и изъятие из оборота текстов русской классики, и так называемое «переписывание истории». Это элементы «гибридной войны», охватившей буквально все сферы жизни. И сколь уж это война, то всякий из нас на своем месте должен, подобно воину, осознать «свой маневр» и действовать во имя победы, во имя сохранения и материальных, и нерукотворных памятников, фиксирующих в истории великие и малые вехи нашего духовного пути. Этим должны сегодня определяться наши научные и общественные цели и задачи.

Список литературы

1. Антонов Г. Н. Морские рисунки в графике Пушкина. – СПб.: Сад искусств, 2010. – 120 с.
2. Антонов Г. Н. Пушкин и флот. – СПб.: Дорн, 2006. – 272 с.
3. Аржанцева Т. В. и др. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. – 199 с.

4. *Гдалин А. Д.* Памятники Пушкину: История. Описание. Библиография. Т. 1. Россия. Ч. 1: Санкт-Петербург, Ленинградская обл. – С.-Пб.: Академический проект, 2001. – 511 с.
5. *Заславский И. Я.* Пушкин и Украина: Украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве. – Киев: Вища школа, 1982. – 152 с.
6. *Косарик Д.* Місця перебування Пушкіна на Україні // О. С. Пушкін. Статті та матеріали. – Київ, 1938. – С. 151–152.
7. *Косарик Д.* Пушкін на Україні / За ред. М. О. Цявловського. – Київ: Мистецтво, 1937. – 61 с.
8. Пушкин ещё вернётся в Днепропетровск на своём танке // Рамблер / новости. 28 мая 2022 г. Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/48732393/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. – (Дата обращения: 25.05.2023).
9. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. – М.: АН СССР, 1937–1949.
10. *Сулимко А. И.* Памятники А. С. Пушкину в Закарпатье: история, описание, библиография. – Житомир: Волянь, 2012. – 248 с.
11. *Щербина Л. А.* Пушкин в Одессе: Хроника 1823–1824 гг. – Одесса: Астропринт, 2004. – 464 с.

References

1. Antonov G. N. *Morskie risunki v grafike Pushkina* [Marine drawings in Pushkin's graphics]. St. Petersburg, Sad iskusstv Publ., 2010. 120 p.
2. Antonov G. N. *Pushkin i flot* [Pushkin and the fleet]. St. Petersburg, Dorn Publ., 2006. 272 p.
3. Arzhanceva T. V. i dr. *Prepodavanie russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Teaching the Russian language in the Crimea: historical and ethno-cultural context: collective monograph]. Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2022. 199 p.
4. Gdalin A. D. *Pamjatniki Pushkinu: Istorija. Opisanie. Bibliografija. T. 1. Rossija. Chast' 1: Sankt-Peterburg, Leningradskaja obl.* [Monuments to Pushkin: History. Description. Bibliography. T. 1. Russia. Part 1: St. Petersburg, Leningrad region]. St. Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2001. 511 p.
5. Zaslavskij I. Ja. *Pushkin i Ukraina: Ukrainskie svjazi pojeta, ukrainskie motivy v ego tvorcestve* [Pushkin and Ukraine: Ukrainian connections of the poet, Ukrainian motives in his work]. Kyev, Vishha shkola Publ., 1982. 152 p.
6. Kosarik D. *Miscja perebuvannja Pushkina na Ukraini* [Pushkin's places of stay in Ukraine]. O. S. Pushkin. *Statti ta materialy*. Kyev, 1938, pp. 151–152.
7. Kosarik D. *Pushkin na Ukraini* [Pushkin in Ukraine]. Kyev, Mistectvo Publ., 1937. 61 p.
8. *Pushkin eshho vernjotsja v Dnepropetrovsk na svojom tanke* [Pushkin will return to Dnepropetrovsk on his tank]. *Rambler / novosti*, 28 maja 2022 g. Available from: https://news.rambler.ru/world/48732393/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 25.05.2023).
9. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenij: V 16 t.* [Complete works: In 16 vol.]. Moscow, AN SSSR Publ., 1937–1949.
10. Sulimko A. I. *Pamjatniki A. S. Pushkinu v Zakarpat'e: istorija, opisanie, bibliografija* [Monuments to A. S. Pushkin in Transcarpathia: history, description, bibliography]. Zhitomir, Volyn Publ., 2012. 248 p.
11. Shherbina L. A. *Pushkin v Odesse: Hronika 1823–1824 gg.* [Pushkin in Odessa: Chronicle of 1823–1824]. Odessa, Astroprint Publ., 2004. 464 p.

**THE PUSHKIN PHENOMENON IN THE GEOPOLITICS OF THE 19th CENTURY.
ON THE DEMOLITION OF MONUMENTS TO PUSHKIN IN UKRAINE**

Antonov G. N.

The article is an attempt to comprehend the phenomenon of the barbaric destruction of monuments to Alexander Pushkin in Ukraine. According to the author, these acts of vandalism, elevated by the Ukrainian authorities to the rank of state policy, must be seen in the context of the global geopolitical confrontation, at the forefront of which Russia and Russian culture are. The article demonstrates that the total “squeezing out” of Russian culture began in Ukraine long before 2014 and the military special operation that began in 2022, and was originally aimed at breaking the spiritual ties between Ukraine and Russia. This destructive activity has the effect of reformatting the value orientations of Ukrainian society, strengthening the nationalist ideology, reaching the point of fascism. This state of affairs poses a threat to Russia's security and should meet with a consolidated response from Russian science and Russian society.

Keywords: Monuments to A. S. Pushkin, vandalism, Russian word, nationalism, geopolitics.

УДК 82.09

НОВАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ» (КОНЦЕПЦИЯ, СРОКИ, ОБЪЕМЫ, УЧАСТНИКИ)

Багно В. Е.

*Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург, Россия*

Последняя академическая «История русской литературы» вышла в свет 40 лет назад. Она остается востребованной и во многом сохраняет актуальность, однако необходимость создания новой академической «Истории русской литературы» назрела уже давно. И это обусловлено не только тем, что необходим более широкий хронологический охват (прежняя «История...» завершается 1917 годом). За несколько десятилетий появился огромный массив новых научных данных, со многих тем сняты идеологические запреты, многие сферы литературной жизни требуют вовлечения в круг явлений, определяющих ход историко-литературного процесса. Но главное, что история литературы сегодня понимается уже иначе, нежели полвека назад. Соответственно, новая академическая «История...» должна строиться на новой концепции. Разработкой такой концепции Пушкинский Дом занялся в 2017 г. В настоящей статье раскрываются основные принципы работы над новой академической «Историей русской литературы» и оценивается степень завершенности различных частей этого фундаментального труда.

Ключевые слова: история русской литературы, концепция истории литературы, Пушкинский Дом, циклы в истории русской литературы.

ВВЕДЕНИЕ

На вопрос, нужна ли новая академическая «История русской литературы», каждый может отвечать по-своему, но даже при положительном ответе сами ответы будут разными, поскольку замыслы могут радикально отличаться один от другого.

В ноябре 2015 г. в Пекинском Педагогическом университете был организован круглый стол на тему «Национальные истории русской литературы». Речь шла и об академических «Историях русской литературы», подготовленных сотрудниками Пушкинского Дома, и о разных типах «Историй русской литературы», в разное время опубликованных в России, Германии, Англии, Франции, Италии, Испании, Японии, Китае и Корее. Не скрою, мне было приятно слушать от наших коллег, известных русистов из этих стран Европы и Азии, что, с одной стороны, до сих пор подготовленные в Пушкинском Доме «Истории русской литературы», имеющиеся в научном обороте, несмотря на то, что во многом они устарели, используются ими в работе, а с другой – что, с их точки зрения, существует насущная потребность в новой академической «Истории русской литературы».

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В 2017 г. Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН приступил к разработке концепции новой академической «Истории русской литературы».

Знаменательно, что эта идея почти одновременно родилась и начала осуществляться в трех странах, ее инициаторами были не только единомышленники, но и друзья, при этом мы никак не согласовывали свои действия. Все три «Истории...» близки к завершению, однако ни один том до сих пор не опубликован.

Первыми заявили о проекте наши китайские коллеги, инициатором был самый выдающийся русист-литературовед Китая профессор Лю Вэньфэй, который получил на свой проект серьезную государственную поддержку. Они готовят 6-томную «Историю...», каждый том поручен одному известному исследователю, представляющему русистику пяти китайских университетов. В Италии 4-томную «Историю...» задумали два выдающихся русиста Стефано Гардзонио и Мария Плюханова; к реализации проекта подключился также Марко Сабатини.

В отличие от наших итальянских и китайских друзей и коллег мы решили пойти по другому пути, и у нас уже сейчас над различными разделами и главами работают 120 авторов, представляющих в основном Пушкинский Дом, но также ИМЛИ, СПбГУ и различные университеты России и мира.

Все главы и разделы, по возможности, были предложены литературоведам, которые являются признанными авторитетами именно в этой области, в том числе и в тех случаях, если они не являются сотрудниками Пушкинского Дома. Среди них, кроме пушкинодомцев (Дмитрия Буланина, Марии Виролайнен, Аллы Грачевой, Александра Лаврова, Сергея Николаева и других известных ученых Пушкинского Дома), над изданием работают Константин Азадовский, Анатолий Алексеев, Андрей Арьев, Михаил Вайскопф, Стефано Гардзонио, Александр Долинин, Екатерина Дмитриева, Олег Лекманов, Дина Магомедова, Андрей Немзер, Игорь Пильщик, Мария Плюханова, Вадим Полонский, Абрам Рейтблат, Милена Рождественская, Роман Тименчик.

Во время нескольких заседаний рабочей группы в Пушкинском Доме в 2017 г. мнения высказывались абсолютно разные. Как выяснилось, они во многом совпадали с мнениями, высказывавшимися нашими учителями и старшими коллегами в 1969–1970 гг. во время заседаний Ученого совета Пушкинского Дома, посвященных концепции последней пушкинодомской «Истории русской литературы» в 4-х томах. Тогда выступали Д. С. Лихачев, М. П. Алексеев, П. Н. Берков, Е. Н. Куприянова и другие. Тогда же высказывалось мнение, что «нарративу» надо предпочесть издание справочного типа. В частности, мой учитель, академик М. П. Алексеев высказал следующее соображение: «Я мечтаю о справочной книге, которую можно назвать “Основы русской литературы”, представляющей среднее между библиографией и справочником, чтобы каждый изучающий русскую литературу – преподаватель, студент, профессор, научный работник – считал бы необходимым такую книгу держать на столе, а не на полке. Это была бы идеальная “История русской литературы”».

Кстати, теперь у нас не на полке, а на столе есть прекрасный, правда, до сих пор не заверченный, справочник «Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь». А помимо того, «Словарь книжников и книжности Древней Руси», «Словарь русских писателей XVIII века» и много других замечательных справочных изданий. Так что М. П. Алексеев был прав. Впрочем, с другой стороны, он хорошо знал своих коллег и понимал, на что они способны и что их влечет в нарративе.

Как показывают стенографические отчеты заседаний Ученого совета Пушкинского Дома за 1969–1970 годы, концепция всем нам известной последней академической истории, ставшей уже почти «классической», рождалась в самых

ожесточенных спорах и претерпела в процессе работы кардинальные изменения: от 7-томной истории новой русской литературы – до восьми томов, которые должны были охватывать всю историю русской литературы, включая советскую. В конечном счете была подготовлена 4-томная «История...» [2], последний том которой охватывал период рубежа веков: «Литература конца XIX – начала XX века (1881–1917)».

С момента начала работы над последней академической «Историей...» прошло более 50 лет, а с начала выхода – 40 лет, за которые многое кардинально изменилось не только в нашей стране, но и в нашей науке. Не говоря о снятии идеологических барьеров, за истекшие годы осуществлены значительные конкретные исследования и накоплено колоссальное количество новых знаний, имеющих непосредственное отношение к истории литературы на всех этапах ее существования, в том числе в областях, которые ранее традиционные «Истории...» оставляли в стороне. Только под грифом нашего Института вышли около 20 томов энциклопедических словарей справочников. Кроме вышеперечисленных изданий можно упомянуть десятки томов собраний сочинений, Летописи жизни и творчества, био- и библиографии, указатели, специализированные сборники и проч. Особенно важно отметить, что в этих трудах появился целый ряд имен, которые ранее рассматривались как «второстепенные» или вообще игнорировались.

Однако для того, чтобы начинать работу над новой «Историей...», необходима новая концепция, на основе которой она бы осуществлялась. Одним из основных упреков, выдвигавшихся в отношении предшествующих «Историй...», являлся позитивистский, эволюционистский характер заложенной в их основу концепции, которая неизбежно подразумевала идею прогресса в художественном развитии. Сложно не согласиться с тезисом В. Н. Топорова, что «наиболее ценное в литературе часто оказывается наименее “историчным”», а конструируемые в истории литературы «в качестве объяснения единства» нередко «синтезируют факты таким образом, что при этом теряется их полнота и глубина» [4, с. 4].

По нашему замыслу, предполагалось отойти от традиционных моделей истории литературы, строившихся либо на «лучших» образцах (вершинных достижениях), либо, напротив, на наиболее эмпирически-характерных массовых («средних») явлениях. Мы решили отказаться от принятой ранее периодизации, во многом носившей условный характер, в пользу предложенного В. Н. Топоровым в 1985 г. (т. е. после выхода в свет последнего тома пушкинодомской четырехтомной «Истории...») более фундаментального понятия историко-литературной циклизации (статья «К вопросу о циклах в истории русской литературы»). Предложенные ученым понятия «узлов» и «циклов» представляются в настоящее время оптимальным способом упорядочения материала при описании тех разноприродных элементов, из которых складывается историко-литературный процесс, «более емкой рамкой, чем направление, школа, стиль». Ключевыми при таком построении становятся переходные периоды, эпохальные по значению, но короткие по времени, которые совмещают в себе свертывание предыдущей структуры и завязь новой и осуществляют связь соседних циклов. Так, не вызывает сомнения, что в истории русской литературы с подобными переходными периодами мы сталкиваемся,

например, когда рассматриваем стык XVII и XVIII веков, отделивший древнерусскую словесность от литературы нового времени, или XVIII и XIX веков, или же XIX и XX веков. В предложенную В. Н. Топоровым концепцию полностью вписывается и следующий «стык», о котором он не писал: XX и XXI веков, ознаменованный началом и концом перестройки, который нашел своеобразное преломление в русской литературе. Суть предлагаемого подхода заключается в переакцентировке внимания с «законченных» и «самодовлеющих» периодов на переходные.

Наиболее ценное в идее Топорова – само выделение «узлов», то есть моментов, связанных не с эволюцией, не с динамикой определенной литературной традиции (цикла), а с радикальным переструктурированием ее глубинных оснований.

Одним из основополагающих при переакцентировке внимания на переходные периоды может стать тезис, высказанный Ю. М. Лотманом в связи со спецификой «пограничных» культур, о том, что в них помимо «своего» и «чужого» языка, непременно возникает «пограничный» язык общения. Тем же, по-видимому, отличаются переходные эпохи от непереходных – сосуществованием в них, разумеется, небесконфликтным, помимо «прежнего» языка и «грядущего», еще и «пограничного» языка общения.

Не меньшее значение имеет и представление о сосуществовании, прежде всего в переходные эпохи, различных эстетических тенденций, подобных тем, которые возникают в любого рода «узлах», когда соединяются два фрагмента, два явления, лишь формально представляющие единое целое; представление о культурных эпохах, которые продолжают в творчестве значительного числа писателей в новое время, когда, казалось бы, их «эпоха» хронологически осталась в прошлом.

Так, древнерусская письменность продолжала свою жизнь в среде староверов и в XVIII и даже в XIX столетиях, тем самым эта эпоха не закончилась в конце XVII в. Этому феномену будет посвящена отдельная глава. Другая тема, которая меня недавно заинтересовала, – это, если хотите, жизнь русского модернизма «после смерти». Благодаря тому, что русские поэты эпохи модернизма были лишены в конце 1920-х – 1930-е годы возможности печатать свои оригинальные произведения, они вынуждены были уйти в переводческую «нишу», по удачному выражению Е. Г. Эткинда. Однако благодаря тому, что они укрылись в переводческих «катакомбах» и продолжали творить, возникла великая петербуржско-ленинградская школа художественного перевода.

Несколько обостряя разговор, я должен сказать, что подготовка академической «Истории русской литературы» – это не вполне академическое занятие. Большая часть моих коллег – замечательные специалисты в какой-то области, блистательные текстологи и комментаторы. Они зачастую не склонны к тем обобщениям, которые необходимы в «Истории...». С точки зрения многих из них, это «популяризация», которая им неинтересна. С другой стороны, преподаватели вузов часто готовы к участию в работе, но они подчас не вполне ощущают границы между учебным пособием и научным трудом. Как ни парадоксально, идеальный авторский подход – это, согласно концепции Топорова, – «узел», переходное явление, так сказать, «пограничье» между академическим и преподавательским видением вещей.

Я очень надеюсь, что определяющим в новой «Истории...» станет выявление в творчестве того, что А. Н. Веселовский назвал «личным почином» в дополнение к литературному «преданию». Веселовский был убежден, что историку литературы не дано познать тайны личного творчества, между тем как он вполне в силах вплотную приблизиться к их разгадке, по методу исключения, как бы отсекая все то, что унаследовано творцом в области идей и формы: от предания, традиции, навыков, школы. Так, в его лекциях «Теория поэтических родов в их историческом развитии» читаем: «Я отнюдь не мечтаю поднять завесу, скрывающую от нас тайны личного творчества, которыми орудуют эстетики и которые подлежат скорее ведению психологов. Но мы можем достигнуть других отрицательных результатов, которые, до известной степени, укажут границы личного почина. Понятно, что поэт связан материалом, доставшимся ему по наследству от предшествующей поры; его точка отправления уже дана тем, что было сделано до него. Всякий поэт, Шекспир или кто другой, вступает в область готового поэтического слова, он связан интересом к известным сюжетам, входит в колею поэтической моды, наконец, он является в такую пору, когда развит тот или другой поэтический род. Чтобы определить степень его личного почина, мы должны проследить наперед историю того, чем он орудует в своем творчестве...» [цит. по: 3, с. 29–30]. Для Веселовского было очевидно, что оригинальность, уникальность, своеобразие (литературы, автора или произведения) не постулируются, а доказываются, познаются в сравнении данного явления с явлениями, ему родственными. Свообразие – вопрос не веры, а знания. Нам представляется, что взгляды Веселовского, его убеждение в том, что для определения «личного почина» в литературе необходимо изучение «предания», должны стать основополагающими в работе над новой академической «Историей русской литературы».

Впервые в общий историко-литературный процесс будет в полной мере вписана литература XX века, включая значительные явления в литературе русской эмиграции, поскольку все предыдущие академические «Истории...» были доведены лишь до 1917 года.

Впервые в «Истории русской литературы» достойное место должна занять переводная литература, служившая, по замечанию М. Л. Гаспарова, «связующим фильтром между русской и мировой литературой» [1, с. 143]. При этом, хотя художественный перевод является неотъемлемой и важнейшей частью русской литературы, все наши общие историко-литературные труды страдают известной односторонностью и все «Истории русской литературы» описывают исключительно оригинальную литературу, не обращая внимания на переводную. Тем самым история национальной литературы представляется с позиций «производителей», т. е. писателей, принимавших непосредственное участие в ее создании. Но если встать на позицию читающей публики, то мы увидим, насколько велик вклад переводной литературы в становление национального самосознания.

Впервые в каждом томе большое внимание будет уделено рецепции зарубежных литератур в России, сыгравших особенно большую роль в переходные эпохи. Каждое поколение в своем стремлении сказать новое слово в литературе пыталось в инонациональных импульсах найти опору и оправдание своим эстетическим

устремлениям, увидеть предтеч в деятелях культуры далеких эпох и других народов. В то же время, наряду с переводимыми текстами, осуществлялся и «перенос» верований, идей, чувств, обычаев, знаний, бытовых привычек, стереотипов и т. д. В переходные эпохи этот процесс усиливается и убыстряется.

Чрезвычайно показательна в этом отношении эпоха русского модернизма. Русские декаденты, символисты и акмеисты опирались на европейских «учителей» для решения новых задач, но при этом исправляли, дополняли и творчески переосмысливали их.

В отличие, например, от литераторов XVIII – начала XIX вв. они не воспринимали себя учениками знаменитых западноевропейских писателей и мыслителей. Едва ли не все они пытались найти, более того, успешно находили «скрытое», предназначенное для них содержание в шедеврах мировой литературы, в творчестве Сафо, Франциска Ассизского, Данте, Новалиса, Бодлера, Шопенгауэра, Ницше, Уайльда. Применение этого «тайного знания» позволяло творить новое искусство.

Помимо переводной литературы, предполагается включение таких областей, которые ранее выпадали из традиционной истории литературы: массовая литература, детская литература и т. д. Большое внимание будет уделено идее фольклоризма в литературе. В контексте литературы второй половины XIX столетия достойное место займет творчество представителей традиционалистских тенденций. При рассмотрении литературы советского периода будет поставлен вопрос о «нишах» подцензурной литературы (детская, переводная литературы и т. д.), в которых укрывались от идеологического давления и цензуры (или которые создавали) выдающиеся писатели.

В ходе многочисленных дискуссий и споров редколлегия пришла к решению, что новая академическая история русской литературы будет состоять из 8 томов (в 12 книгах).

1. *Древнерусская письменность. XI–XIV вв.*
2. *Древнерусская письменность. XV–XVII вв.*
3. *XVIII век.*
4. *«Золотой век» (в двух книгах).*
5. *Эпоха реализма (в двух книгах).*
6. *Эпоха модернизма (в двух книгах).*
7. *Русское зарубежье.*
8. *Литература советского периода (в двух книгах).*

Общий объем – 440 а. л.

Своеобразие новой «Истории...» заключается в том, что строится она по «эпохам». Причем, когда заканчивается одна, следующая за ней уже давно началась, и они сосуществуют на протяжении долгого времени.

Следуя академическим традициям соблюдения временной дистанции в гуманитарных исследованиях, «История...» доводится до 80-х годов XX столетия.

Каждый том состоит из трех больших разделов.

Раздел I содержит монографическое концептуальное описание историко-литературного процесса эпохи в его динамике.

Раздел II состоит из отдельных глав, посвященных важнейшим факторам, характеризующим литературную жизнь эпохи (центры книжности, литературные общества, периодика, книжное дело, цензура и т. п.).

Раздел III содержит персоналии и произведения (если речь идет о древнерусской письменности), т. е. главы, посвященные отдельным авторам и произведениям, сыгравшим особую роль в истории русской и мировой литературы. Если творчество писателя имеет выдающееся значение для двух эпох (Бунин, Горький, Мережковский и др.), то персональные, посвященные автору главы включаются в содержание обеих.

Главным разделом в каждом томе является второй. Среди глав, включенных во второй раздел разных томов «Истории...», многие из которых уже написаны (правда, далеко не все отредактированы) есть, например, следующие:

– *О начале славянской письменности и древнерусской литературы. Библиейские апокрифы и вопросы их изучения. Пространство древнерусского текста.*

- *Монастырские книжные центры Древней Руси.*
- *Древнерусская литература после Древней Руси.*
- *Эволюция языка книжности и письменности.*
- *Типы читателей, роль чтения и круг чтения в XVIII в.*
- *Литературные институции 1810–1830-х гг.*
- *Культура салонов и литературная жизнь Золотого века*
- *Массовая литература эпохи Золотого века.*
- *Литературные салоны и кружки 1840–1880-х гг.*
- *Провинциальные литературные центры (том «Эпоха модернизма»)*
- *Книгоиздательская деятельность и литературная периодика (том «Эпоха модернизма»)*
- *Отражение литературной жизни в газетах начала XX века.*
- *Формирование национального литературного канона для детей в начале XX века.*
- *Центры русской эмиграции.*
- *Литературные объединения, литературные группировки (том «Литература советского периода»).*
- *Издательское дело, цензура и пропаганда (том «Литература советского периода»).*
- *«Самиздат» и «тамиздат».*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Любопытно и даже знаменательно, что, судя по стенограмме заседаний Ученого Совета Пушкинского Дома в 1969 и 1970 гг., темы жарких дискуссий, в которых ранее участвовали те, кого мы считаем своими учителями, и те, кого не считаем, во многом повторились, как если бы не прошло полвека. Создавать не «нарратив», а справочное издание? Нужны ли персоналии? Если нужны, то сколько их может быть в одном томе – десять, тридцать, пятьдесят. Помню, как академик А. В. Лавров, когда я попросил его предложить свой список персоналий для тома «Эпоха модернизма»,

предложил 800 имен. На мой вопрос, что мы с этим будем делать, ответил «Я упомянул всех, кого я вспомнил, а вы решайте, кто вам нужен».

Но не все споры повторились. Какие-то были новыми. Например, поскольку наши предшественники решили в конечном счете закончить свою «Историю...» годом Октябрьского переворота, не могло быть спора о том, не выделить ли в отдельный том «Русский авангард».

Авторская работа над томом «Эпоха модернизма» должна быть завершена в 2023 г. Предполагается, что отредактирован этот том будет в 2024 г., а опубликован в 2025 г. В том случае, если будет решена проблема с привлечением приглашенных ученых, авторская работа над остальными томами может быть закончена в 2024–2025 гг. и с 2025 г., по мере подготовки, тома будут выходить из печати.

Для сравнения: научно-исследовательская и редакторская работа (до начала издательского цикла) над предыдущей пушкинодомской 4-томной «Историей русской литературы», задуманной в 1969 г., заняла в общей сложности более 10 лет. Первый том был опубликован в 1980 г., последний – в 1983 г. От замысла до воплощения и издания последнего тома, прошло 14 лет. Для такого рода и такого масштаба работы это не долго, но мне бы хотелось, чтобы мы завершили наш труд значительного быстрее.

Список литературы

1. *Гаспаров М. Л.* Как писать историю литературы // Новое литературное обозрение. – 2003. – № 59. – С. 142–146
2. История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Редкол.: Н. И. Пруцков (гл. ред.), А. С. Бушмин, Е. Н. Куприянова, Д. С. Лихачев, Г. П. Макогоненко, К. Д. Муратова. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980–1983.
3. *Симони П. К.* Список учено-литературных трудов академика А. Н. Веселовского // Памяти академика Александра Николаевича Веселовского: по случаю десятилетия со дня его смерти. – Петроград: Отд. рус. яз. и словесности Рос. акад. наук, 1921. – С. 1–68.
4. *Топоров В. Н.* К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII–XX вв. Тезисы научн. конф. – Таллин, 1985. – С. 4–10.

References

1. Gasparov M. L. *Kak pisat' istoriju literatury* [How to write the history of literature]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2003, no. 59, pp. 142–146.
2. *Istorija russkoj literatury: V 4 t.* [History of Russian literature: In 4 vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1980–1983.
3. Simoni P. K. *Spisok ucheno-literaturnyh trudov akademika A. N. Veselovskogo* [List of scientific and literary works by Academician A. N. Veselovsky]. *Pamjati akademika Aleksandra Nikolaevicha Veselovskogo: Po sluchaju desjatiletija so dnja ego smerti.* – Petrograd, 1921, pp. 1–68.
4. Toporov V. N. *K voprosu o ciklah v istorii russkoj literatury* [On the issue of cycles in the history of Russian literature]. *Literaturnyj process i razvitie russkoj kul'tury XVIII–XX vv. Tezisy nauchn. konf.* Tallin, 1985, pp. 4–10.

**NEW ACADEMIC "HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE"
(CONCEPT, TERMS, VOLUME, PARTICIPANTS)**

Bagno V. E.

The last academic "History of Russian Literature" was published 40 years ago. It remains in demand and largely retains its relevance, however, the need to create a new academic "History of Russian Literature" is long overdue. And this is due not only to the fact that a wider chronological coverage is needed (the former "History ..." ends with the era of 1917). For several decades, a huge array of new scientific data has appeared, ideological prohibitions have been lifted from many topics, many areas of literary life require involvement in the range of phenomena that determine the course of the historical and literary process. But the main thing is that the history of literature today is understood differently than half a century ago. Accordingly, the new academic "History ..." should be based on a new concept. Pushkin House started developing such a concept in 2017. This article reveals the basic principles of work on the new academic History of Russian Literature and assesses the degree of completion of various parts of this fundamental work.

Keywords: History of Russian literature, the concept of the history of literature, Pushkin House, cycles in the history of Russian literature.

УДК 81'367: 821.11 – 1.653.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА «COGITO RISIBILE» В ТЕКСТАХ ФАБЛИО

Вышенская Ю. П.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: clemence_isaure@rambler.ru*

В статье исследуются процессы формирования стиля в тексте художественного поэтического произведения эпохи перехода европейского Средневековья к Возрождению (XIV–XV вв.). Понимание категории поэтического стиля как дискурсивного феномена обуславливает выстраивание основы методологической базы на фундаменте положений концепции широких и узких дискурсов. В настоящей статье широкий дискурс интерпретируется как метадискурс средневековой культуры, узкой модификацией которого выступает литературный французский дискурс. Собственно лингвистические проблемы изучаются во взаимодействии с внеязыковыми факторами: урбанизацией и возникновением буржуазии. Отсутствие в буржуазной литературе строгих условностей, присущих литературе куртуазной, способствует утрате куртуазной возвышенности и обретению жанровой системой разнообразия. В качестве эмпирического материала привлекается корпус примеров, собранных в произведениях жанра фаблио. Процесс формирования стиля рассматривается на примере становления стилистической техники «cogito risibile» («познавательно смеховое»), присущей произведениям «карнавализованных» жанров.

Ключевые слова: дискурс; «карнавализованный» жанр; текст; стилистическая техника; «cogito risibile».

ВВЕДЕНИЕ

Корпус примеров, зафиксированный в текстовом материале произведений, принадлежащих к средневековому буржуазному сегменту французского узкого литературного дискурса, представляет интерес для анализа формирования набора характеристик процесса стилегенерации.

Обособление буржуазного литературного сегмента диктовалось необходимостью удовлетворения эстетических вкусов соответствующего общественного класса, развивавшегося пропорционально развитию городов. В XII–XIII вв. города во Франции, как и повсюду в Европе, превращаются в центры культуры: эшевены богатых городов Франции нанимали на службу профессиональных писателей, устраивали драматические представления, поэтические конкурсы. В среде литературных вкусов читательской аудитории XIII в. наблюдается тенденция к сближению: поклонники фаблио появляются среди представителей рафинированной публики, а куртуазные поэмы и романы одновременно обретают почитателей в среде буржуазии [6, с. 30].

Отсутствие в рамках новой литературы строгих правил, существовавших в литературе куртуазной, влекло за собой смену куртуазной стилистической изысканности буржуазной безыскусностью. Жанровая система заметно обогащалась новыми элементами, на фоне которых наибольшей репрезентативностью отличается жанр фаблио.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Особенность системы стилистических приёмов в «карнавализованных» жанрах

Взаимоотношения фаблю с прочими повествовательными жанрами эпохи (авантюрно-фантастической повестью (лэ) и рыцарским романом), как отмечает А. Д. Михайлов [2, с. 5], выстраивались по типу взаимодействия, что вписывается в современную концепцию узких и широких дискурсов, принимаемую в рамках настоящего исследования. Тем самым обуславливалось вовлечение жанра фаблю в «динамичную, постоянно меняющуюся, но в каждый конкретный момент самозамкнутую систему» [2, с. 5].

Жанр фаблю превращается в систему благодаря наличию внутрижанровых разновидностей, взаимодополняющих друг с другом. Таким образом, взаимодействие с другими жанрами обретает системный характер. В сфере стилепорождения системность проявляется в формировании некоего ряда жанровых ограничителей (канонов), во многом способствующих становлению стилистической техники «*cogito risibile*». Ирония, наделяемая статусом ведущего приёма указанного типа техники, используется в «карнавализованных» пародийных жанрах для конструирования «перевернутого мира».

Условием возникновения пародии, согласно точке зрения А. А. Морозова, является существование «второго плана» (контрастирующего фона). В результате сопоставления с ним возникает «отчётливо ощущаемый» эффект «контрастирующего отношения к [пародируемому]», который нарушает или разрушает привычное восприятие [3, с. 6]. Отсутствие у жанра пародии самостоятельности, по наблюдениям А. Д. Михайлова, составляет его особенность. Средневековая пародия, в отличие от современной своей разновидности, существует как дополнительное качество в различных жанрах, обретая в каждом конкретном случае специфические характеристики [2, с. 5].

Фаблю, являясь пародийной модификацией, представляет собой небольшое, предназначенное для развлечения произведение в стихотворной форме, характеризующееся незамысловатостью стиля и версификационным рисунком.

Взаимосвязь процессов стилепорождения и смехового мировоззрения

Значительная часть фаблю относится к типу коротких анекдотов, сконструированных на основе простой игры слов, что способствует эффекту недопонимания и двусмысленности. Иной тип представлен назидательным рассказом, иллюстрирующим некую народную мудрость, интерпретируемую по принципу обратности.

Одним из ярких примеров фаблю такого типа является произведение «*Brunain, la vache au grêtre*» («Бурёнка») с незатейливым сюжетом, своеобразно трактующим известную пословицу «*Qui donne à Dieu s'enrichit*», использованную сельским кюре во время проповеди:

«D'un villain conte et de sa fame, / C'un jour de feste Nostre Dame / Aloient ouer à l'yglise. / Et dist qu'il fesoit bon doner / Por Dieu, qui reson entendoit; / Que Dieu au double li rendoit / Celui qui le fesoit de cuer» [7].

Вот был про одного виллана. / В день Приснодевы, утром рано, / Пошёл с женой он в Божий храм. / С амвона начал службу там / Поп начал паству наставлять: / Мол Бога надо одарять, / Чтоб не была молитва лишней; / Вознаградит вдвойне всевышний, / Коль дар от сердца принесён) [4, с. 318].

Вняв наставлениям священника, крестьянин принимает решение отдать ему единственную в хозяйстве корову по имени *Vlerain* (“Белянка”), принимаемую тем с большой охотой. Спустя некоторое время принесённая в дар корова возвращается домой и приводит с собой в хлев корову по имени *Brunain* (“Бурёнка”), с которой была связана одной верёвкой: таким образом народное изречение воплощается в жизнь.

Текст фаблю демонстрирует богатство примеров применения техники *cogito risible*, во многом основывающихся на принципе обратности. Действие этого принципа наблюдается, например, в перифразе французских пословиц, располагающихся в композиционно значимых позициях, знаменующих сюжетные повороты. Фаблю открывается инициальной формулой *C'un jour de feste Nostre Dame* (Однажды, в день праздника Девы Марии), характерной для фольклорного стиля, подвергаясь некоторой корректировке согласно календарю церковных праздников, что придаёт повествуемым событиям известную достоверность.

Пословица, используемая в речи наказанного за корыстолюбие кюре, с целью придать проповеди большую весомость, подхватывается в следующем эпизоде беседы крестьянской четы:

«Os, fet li villains, bele suer, / Que noz prestres a en couvent: / Qui por Dieu done à escient, / Que Diux li fet mouteploer / Miex ne pons-nous employer / No vache, se bel te doit ester. / Que pour Dieu le douons le prestre; / Ausi rent-ele petit lait» [7].

«Жена, смекаешь? Поп умён! – / Виллан промолвил. – Ей-же-ей, / Даруй по совести своей, / И Бог добро твоё умножит. / Пожалуй, пригодиться может / Корова наша в дар для Бога, – / Ведь молока даёт немного / И нам не больно-то нужна. / – Ну что ж! – отозвалась жена. – / Отдать Белянку я согласна» [4, с. 319].

Этот диалог представляет собой перефразы пословицы, услышанной в проповеди, преобразованной сообразно разговорному регистру, о чём свидетельствует разговорное обращение *bele suer*. Поддавшись увещаниям настоятеля, крестьянин предлагает жене расстаться с единственной в их хозяйстве коровой.

В следующем эпизоде, когда корову передают в дар кюре, та же пословица предстаёт в усечённом варианте. Появившийся неполный вариант имеет много общего с божбой, что позволяет рассматривать его как стилистическую примету, близкую выделенным М. М. Бахтиным «площадным» жанрам:

«Biaus Sire, fet-il à mains jointes, / Por l'amor Dieu (выделено мной. – Ю. В.) Blerian vous doing / Le lien li a mis el poing, / Si jur à que plus n'a d'avoir» [7].

«Виллан с мольбой к нему: – Отец! / Примите Богу в дар, коровку. – / И он отдал попу верёвку» [4, с. 319].

Использование перефразированной поговорки в каждом законченном сюжетном эпизоде через примерно равные сюжетные интервалы задаёт движению сюжета размеренный ритм, являясь связующим звеном сюжетных кадров и одновременно их смысловым ядром.

Фаблю увенчивается характерной для этого жанра моралью, в основу которой положена иная заимствованная из резервуара народной мудрости поговорка:

«Par exemple dist cis fabliaus / *Que fols est qui ne s'abandone* (выделено мной. – Ю. В.); / Cil a li muce et enfuet; / Nus hom mouteplier ne puet / Sans grant éur, c'est or del mains / Par grant éur ot li villains / Il vaches, et li prestres nule. / Tels cuide avancier qui recule» [7].

«В моём рассказе всем урок: / Не пожалев даянья Богу, / Приобретает умный много, / А глупый терпит неудачу, / Своё добро копя да пряча. / Как видите, совсем неожиданно / Две коровёнки у виллана, / А поп корову потерял: / Мнил выиграть – ан проиграл» [4, с. 320].

Реприза народной мудрости *Que fols est qui ne s'abandone* становится особенно заметной на фоне морфологической однородности в сфере использования грамматического времени *Passé Simple*, переносящего реципиента в условную плоскость художественной действительности. Посредством использования *Present de l'Indicatif* подчёркивается универсальный вневременной характер ситуации: безграничности присущих человеческому существу жадности и глупости, подлежащих наказанию.

Интерес представляет синтаксический стилистический уровень процитированного текстового фрагмента, в котором важное место отводится эмфазе *Que fols est qui ne s'abandone*, направляющей внимание читателя, удерживаемое посредством параллельных конструкций *Sans grant éur, c'est or del mains / Par grant éur ot li villains*. Ритмика на фонетическом стилистическом уровне возникает в результате использования конечных рифм *enfuet – puet, mains – villains, nule – recule*, что придаёт стилю упругость.

Таким образом, ведущим стилистическим приемом в рассмотренной разновидности фаблио является реприза народной поговорки.

Стилистическая техника средневековой сатиры

Особое место в городской литературе французского буржуазного литературного дискурса, занимает стихотворная сатира о «Le Pays de Coganne», созданная по образцу французского фаблио XIII в. Название выдуманной страны, часто передаваемое на русский язык посредством транслитерации («Фаблю про Кокань», «Сказ про Кокань»), существует также и в редко используемом варианте «Страна Пирожков», отражающем этимологию мифического топонима.

Необычайная популярность «Le Pays de Cossagne» в средневековье подтверждается наличием различных его версий во всех средневековых западноевропейских литературах. Земля Пирожков, согласно формулировке академика М. П. Алексеева, представляет собой блаженный рай, где текут молочные, винные и медовые реки, монастырская обитель «окружена валом из паштета и стеной из пудинга» [1, с. 129–130]. Жители той страны, ни в чём не испытывая недостатка, предаются беспрестанным трапезам и продолжительному сну. Образ волшебной страны, царства вечной весны, в которой нет необходимости «работать, ...[и] можно много спать» [5, с. 262] возникает как трансформация легенды о Золотом веке, обретающая с шуточные, пародийные черты [там же].

Стиль выделенной жанровой разновидности формируется под непосредственным влиянием со стороны доминирующего мировосприятия – крепнущего игрового мировоззрения. Отбор стилистических средств определяется принципом обратности. Ведущим стилистическим приёмом техники *cogito risibile*, также выступает ирония, реализующаяся в создании перевернутого мира, параллельной действительности, доминанты гротескного реализма.

Отторгаясь от серьёзных жанров, жанр фэблио использует найденные ранее стилистические решения и находки, приспособивая их сообразно своей жанровой специфике. Отсутствие характерного для стихотворных новелл деления пространства на «своё» и «чужой» составляет приметку «пирожкового» топоса.

Конструирование хронотопа мифической страны осуществляется с опорой на превалирующие гастрономические образы. Городской пейзаж Страны Пирожков статичен, представляет собой описание, не предполагающее дальнейшего развития действия. Так, накрытые белыми скатертями столы выступают константой городского топоса:

«Par les chemins et par les voies / Treuve-l'en les tables assises, / Et desus blanches napes mises» [8].

На дорогах и улицах / Стоят накрытые белыми скатертями столы
(перевод наш. – Ю. В.).

Можно отметить некоторое стилистическое сходство этой части фэблио с книгой кулинарных рецептов:

«De bars, de saumons et d'alose / Sont toutes les mesons encloses; / Li chevron i sont d'esturgons, / Les couvertures de basons, / Et les lates sont de saussices. / Moult a où païs de delices, / Quar de hastes et de courz os / I sont li blé trestuit enclos; / Par les rues vont rostissant / Les crasses oes vont tournant / Nout par eles, et tout adès / Les suit la blanches aillie après» [8].

Стены домов в стране той сделаны из окуней, лососей и сельди; / Крыши у домов тех из осетров, а кровли из сала, / Стропила же там из сосисок, / Изобильна страна та разной снедью, / Потому что жарким и ветчиной покрыты там поля пшеницы, / На улицах там поджариваются гуси, которые сами вращаются на вертелах, / И сами себя поливают они белым соусом с чесноком (перевод наш. – Ю. В.).

Таким образом, мир в воображаемой стране, рае для гурманов (в противоположность символическому миру куртуазного универсума) наполняется ароматами только что приготовленных блюд, «нагревается» до определённой температуры, обретает цвет, рекомендуемый рецептурой.

Стилистическая генетика «очевидной гиперболизации обжорства и физических наслаждений, изображения жирной и вкусной пищи» непосредственным образом, как указывает Л. С. Чеколини, связана с «изобилием... в домах правителей, аристократов и богачей» [5, с. 266]. С другой стороны, эта гипербола является «откликом» на средневековую реальность, где бедного человека постоянно подстерегала опасность голодной смерти. Это обстоятельство становится импульсом к созданию образа страны изобилия, в которой нет необходимости заботиться об удовлетворении голода.

В рамках гротескного реализма получают преломление иные константы пейзажа куртуазного универсума, а также реального городского пейзажа:

«Ausi come en cest país font: / C'est fine véritez provée / Qu'en la terre benéurée / Cort une riviere de vin» [8].

А ещё в стране той; / И это чистая правда, / В стране счастливой / Течёт река из вина (перевод наш. – Ю. В.).

Здесь заметно сходство с реальными городами-республиками, которые возникали, как правило, на берегах рек, позволявших вести торговлю. Образ реки в куртуазном пространстве – преграда или знак предстоящего испытания, в пространстве же фавлю река – путь к обогащению, процветанию. Реки в Стране Пирожков являют собой артерии, наполненные не водой, а отменным вином:

«Cele riviere que je di / Est de vin vermeil jusqu'emmi / Du meilleur que l'en puist trover / En Biaune, ne de là la mer; / Et d'autre part est de blanc vin / Le meilleur et tout le plus fin / Qui onques créust à Auçuerre, / A Rocele, ne à Tonnerre» [8].

В той реке, о которой я речь веду, / Течёт красное вино прекраснейшего качества, / Какое только можно сыскать в Боне и за морем, / А в другом притоке вино белое течёт / Изысканнейшего и тончайшего вкуса, / Какое никогда не видывали ни в Оксерре, ни в Ла Рошели, ни в Тонерре (перевод наш. – Ю. В.).

Как видим, для убедительности упоминаются французские провинции, традиционно славящиеся винодельческими традициями: Biaune, Auçuerre, Rocele, Tonnerre.

Ощущение безмятежности, царящей в волшебной стране, достигается на морфологическом уровне ограниченностью глагольного ряда. Эта ограниченность проявляется не только в числе составляющих элементов, но и в отсутствии разнообразия в наборе грамматических времён, ограниченном Present de l'Indicatif.

В соответствии с принципом обратности изображается и социальное устройство параллельного мира, где царит утопическая свобода. Подданным Страны Пирожков предоставляется выбор меню и способ приготовления блюда:

«Si puet-l'en et boire et mangier / Tuit cel qui veulent sanz dangier, / Sanz contredit at sanz deffense / Prent chascuns quanque son cuer pense / Li uns poisson, li autres char, / S'il vooit chargier un char, / Si l'auroit à son talent; / Char de cerf od'oysel volent / Qui vuet en pot» [8].

«Здесь могут выпить и поесть все, кто пожелает, / И совершенно свободно, не зная возражений и запретов, / Каждый берёт здесь всё, что захочет: один рыбу, другой мясо, / И если кому вздумается нагрузить едой целую повозку, / Он сможет это сделать в своё удовольствие; / Мясо оленя или птицы здесь можно получить и в жареном виде, и в варёном» [2, с. 327].

Ряд пословиц и поговорок, используемых в этом фаблио, наделены несколько иной (по сравнению с выше рассмотренным фаблио «Brunain») ролью в формировании стилистического узора:

Qui plus i dort, plus i gaaigne: / Cil qui dort jusque'à midi, / Gaaigne cinc sols et demi.

Кто дольше спит, тот больше получает. / Тот получает пять с половиной солей (перевод наш. – Ю. В.).

Prent chascuns quanque son cuer pense.

Каждый ест столько, сколько душе угодно (перевод наш. – Ю. В.).

Niert destornex, jel'sai le voir, / Ainz en prent tout à son voloir.

Никто не задумывается, видел сам, / Беря всё по своему желанию (перевод наш. – Ю. В.).

Народная мудрость выступает как регулятор порядка жизни, однако, согласно принципу колеса, в перевёрнутом мире «переворачивается».

Во многом правдоподобность повествования достигается посредством использования личного местоимения первого лица *je*, что создаёт иллюзию личного участия повествователя в описываемых событиях.

Использование принципа обратности наблюдается также в создании перевёрнутого календаря, регулирующего членения хроноса в стране фантазии на структурные единицы, прообразами которых выступают реальные календарные константы. Стилистический ход подобного рода, очевидно, обусловлен характерным для карнавального мышления отсутствием собственного текста, вынуждающим его заимствовать с последующим выворачиванием наизнанку:

Six semaines a en un mois / Et quatre Pasques a en l'an, / Et quatre festes saint Jehan, / Et s'a en l'en quatre vendenges, / Toz jors festes et diemanches / Quatre Toa-Sainz, quatre Noex, / Et quatre Chandeliers anuex, / Et quatre quaresmiaux-prenanz [8].

(В месяце шесть недель, / И в году четыре Пасхи, / Четыре праздника урожая, / Все дни там праздничные и воскресные, / Четыре Дня всех Святых; / Четыре Рождества / Четыре Сретенья ежегодно (перевод наш. – Ю. В.).

Жизнь в стране настолько хороша, что для наслаждения ею продолжительность периодов отдыха и развлечений увеличивается. Так, месяц в «перевернутом» календаре насчитывает шесть недель, состоящих исключительно из праздничных дней и воскресений (*Naz jurs festes et diemanches*).

Принцип колеса используется также и в «переворачивании» церковного календаря праздников, в своего рода календарном «уплотнении»: *Pasques* (Пасхи), *Saint Jehan* (святого Иоанна), *Toz-Sainz* (Дня всех святых), *Noex* (Рождества), *Chandeliers* (Сретения), *quaresmiaux* (Жирного вторника), сопровождавшихся в реальной жизни увеселениями и освобождением от работы. Традиционное деление года на четыре сезона, каждый из которых связан с определённым праздником, в «перевернутом» хроносе иллюзорно. «Перевернутый» календарь в Стране Пирожков представляет собой четырёхкратное повторение блока значимых для реальной церковной жизни событий.

Представляет интерес раскрытие стилистического потенциала морфологической категории числа имени существительного. Вопреки общему правилу морфологическая валентность астрономических хрононимов стилистически нарушается: хрононимы используются в не свойственной им форме множественного числа, не утрачивая при этом формальный показатель принадлежности к классу имён собственных.

Важную роль в организации волшебного хроноса получает известная поговорка *ce que Dex li done*:

«*Dés le matin jusqu' après none / Mangeu ce que Dex li done*» [8].

С утра до полудня / Все едят то, что ниспослано свыше (перевод наш.

– Ю. В.).

То есть время утренней трапезы удлиняется до полудня для вкушения обильной пищи, дара свыше. Данный пример можно рассматривать как стяжение значением грамматического времени *Present de l'Indicatif*, обозначающего действие регулярного характера. Действия, выраженные в *Present de l'Indicatif*, имеют циклический характер:

«*Encore i a autre merveill, / C'onques n'oïstes sa pareille, / Que le fontaine de Jovent / Qui fet rojovenir la gent*» [8].

А ещё есть одно чудо, / Которому нет равных, – / Фонтан с живой водой; / Искупавшись в нём, люди вновь обретают молодость (перевод наш. – Ю. В.).

Фонтан с живой водой – заимствованная фольклорная деталь – являет собой характерную примету городского «перевернутого» пейзажа.

Важное место в создании «перевернутой» цикличности занимает использование аффиксов. Так, наличие префикса *ro-* со значением повторно совершаемого действия в морфологическом составе представленного в цитате глагола *rojovenir* способствует созданию эффекта циклической обратности художественного хроноса, замкнутости на самом себе движения временного течения. Так воплощается в тексте мечта о возможности обрести вечную молодость, изменить ход времени.

Благодаря однородности ряда грамматических времён, в рамках стилистической канвы анализируемого фаблио создаются ассоциации с живописной техникой, выработанной в искусстве миниатюры, что обусловлено средневековым восприятием пространства и техникой его перенесения на холст, дерево, пергамент. Использование времени Present de l'Indicatif в значении «констатация факта» способствует созданию обширной панорамы одновременно происходящих событий. Глагольный ряд небогат собственно глаголами действия, благодаря чему формируется атмосфера статичности.

Стилистическое использование грамматического времени Present в разных модификационных формах варьируется. Глаголы этой группы времён в фаблио «Brunain» образуют ядра последовательно сменяющих друг друга эпизодов. В фаблио «C'est li Fabliau de Coquainge» наблюдается принципиально иной эффект, производимый этой группой, который заключается в возникновении впечатления одновременности действий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ стиля произведений старофранцузских фаблио на основе привлечения концепции узких и широких дискурсов позволяет выявить некоторые особенности процессов формирования художественного стиля в городском сегменте французской литературы, определяемой спецификой внутри- и внеязыковых факторов, тесным образом переплетающихся между собой. Жанр фаблио, принадлежа к «карнавализованным» жанрам, обособляется на основе пародии, не в Средневековье еще не существовавшей в виде самостоятельного жанра, но проявлявшейся во всех жанрах европейской литературы. Пародийность обуславливает извлечение из каталогов тропов и фигур средневековой риторики иронии с последующим обретением этим тропом приоритета в рамках текстового пародийного целого.

Возведение текстовой конструкции осуществляется сообразно принципу обратности, основного для смехового мировоззрения и стилистической техники cogito risibile. Таким образом обуславливается тематическая детерминированность выбора пословиц и поговорок для конструирования «перевернутого» мира, в котором время и пространство также существуют сообразно «перевернутым законам», воплощаемым на основе уже имеющихся стилистических решений и находок, полученных на предшествующих этапах эволюционного движения категории художественного стиля.

Список литературы

1. *Алексеев М. П.* Литература средневековой Англии и Шотландии. – М.: Высшая школа, 1984. – 351 с.
2. *Михайлов А. Д.* Старофранцузская повесть «фаблио» и вопросы специфики средневековой пародии и сатиры. – М.: Наука, 1986. – 349 с.
3. *Морозов А. А.* Русская стихотворная пародия // Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.). – Л.: Советский писатель, 1960. – С. 5–88.
4. О Бурёнке, поповской корове // Хрестоматия по литературе средневековья. – СПб.: Азбука-классика, 2003. – С. 318–320.

5. Чеколини Л. С. Социальная утопия в Италии XIII – начала XVII в. – М.: Наука, 1980. – 391 с.
6. Castex P., Surer P. Manuel des Études Littéraires Françaises. Moyen Age. – Paris: Hachette, 1946. – 88 p.
7. Brunain, la vache au prêtre – Режим доступа: [https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_\(ancien_francais\)](https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_(ancien_francais)) (Дата обращения: 24.02.2023).
8. C'est li Fabliau de Coquainge – Режим доступа: https://nymelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML_00GOO010137001100116107 (Дата обращения: 24.02.2023).

References

1. Alekseev M. P. *Literatura srednevekovoj Anglii i Shotlandii* [English and Scottish Medieval Literature]. Moscow, Vysshaya shkola, 1984. 351 p.
2. Mihajlov A. D. *Starofrancuzskaya povest' «fablio» i voprosy specifiki srednevekovoj parodii i satiry* [Old French Story «fabliau» and the Medieval Parody Issues]. Moscow, Nauka, 1986. 349 p.
3. Morozov A. A. *Russkaya stihotvornaya parodiya* [Russian Poetic Parody]. *Russkaya stihotvornaya parodiya (XVIII – nachalo XX v.)*. Leningrad, Sovetskij pisatel', 1960, pp. 5–88.
4. *O Buryonke, popovskoj korove* [About Brunain, the Priest's Cow] // *Hrestomatiya po literature srednevekov'ya*. T. 2. Saint Petersburg, Azbuka-klassika, 2003. pp. 318 – 320.
5. Chekolini L. S. *Social'naya utopiya v Italii XIII – nachala XVII v.* [Social Utopia in Italy of the XIII – the beginning of the XIV century]. Moscow, Nauka, 1980. 391 p.
6. Castex P., Surer P. *Manuel des Études Littéraires Françaises. Moyen Age*. Paris: Hachette, 1946. 88 p.
7. *Brunain, la vache au prêtre*. – Available from: [https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_\(ancien_francais\)](https://fr.wikisource.org/wiki/Brunain_la_vache_au_pretre_(ancien_francais)) (accessed 24 February 2023).
8. *C'est li Fabliau de Coquainge*. – Available from: https://nymelyo.bm-lyon.fr/f_view/BML_00GOO010137001100116107. (accessed 24 February 2023).

STYLISTIC TECHNIQUE «COGITO RISIBLE» IN FABLIAUX TEXTS

Vyshenskaya Yu. P.

The paper aims at the cycle of matters touching upon the problems of style generating in the text of a literary poetic work written in the epoch of transition the European Middle Ages to Renaissance. The fact of interpretation of the poetic style category as a discursive phenomenon causes the constructing of the investigating methodology of the basis of the universal and particular discourses conception. The universal discourse is interpreted as a metadiscourse of the medieval culture. The particular one is presented by its literary modification. Linguistic problems are studied as interacting with extra-linguistic factors, namely, urbanization and the bourgeoisie appearing, with making works of literature to satisfy its aesthetic demands. The absence of strict canons in the modification stimulates the loss of the style courtois loftiness as well as the genre system versatility. As the empirical material one refers to the examples found in the works of the fabliau genre as a «carnivalized» genre, a part of a bourgeois segment of the French literary particular discourse. The process of the style generating is considered on the instances of forming of the style technique «cogito risible», proper to the «carnivalized» genre.

Key words: «carnivalized» genre; discourse; text; stylistic technique; «cogito risible».

УДК УДК 82.09

**ОТ «ЧЕЛЮСКИНИАНЫ» – К «АРКТИКЕ»:
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО**

Макарова С. А.

*Издательство «ЛЕКСРУС»,
Москва, Россия
E-mail: svetlanamakarova658@gmail.com*

В статье анализируются родовидовые и художественно-содержательные особенности поэмы-эпопеи «Челюскиниана» и романа-эпопеи «Арктика» И. Л. Сельвинского. Авторское указание на соотнесенность поэтического эпоса с музыкальными жанрами оратории и симфонии позволяет определить эволюцию творческих замыслов, сущность литературно-музыкальных трансформаций, обусловленных пересмотром Сельвинским собственных впечатлений и изменением общественно-политической ситуации 1930–1950-х гг. В результате анализа выявляются вокальные и инструментальные «эпизоды», которые присутствуют в стихопрозаической фактуре двух эпопей. Целостное изучение позволяет сопоставить музыкальную образность с содержательным, сюжетно-композиционным, версификационно-стилистическим строем произведений, сочетающих модернистскую и реалистическую поэтику. Раскрытие музыкальной образности осуществляется в единстве с постижением характеров героев и идейных доминант. Музыкальный симфонизм отличает не только законы архитектоники крупных литературных жанров, но и сам художественный принцип воплощения исторической темы – он связан с синтетичностью авторского мировосприятия и идейно-образным, экспрессивно-эмоциональным многоголосием арктических эпопей Сельвинского.

Ключевые слова: И. Л. Сельвинский, тема Арктики, поэма-эпопея «Челюскиниана», роман-эпопея «Арктика», поэтический эпос, художественный историзм, музыкальная образность, симфонизм.

ВВЕДЕНИЕ

Арктические темы и образы были очень популярны в русской словесности XX в., что связано с активным освоением Крайнего Севера в советскую эпоху. В художественной прозе «арктический материал» породил большое разнообразие реалистических и мемуарных, документальных и научно-фантастических, регионоведческих и бытоописательных, исторических и очерковых интерпретаций, представленных в произведениях Б. А. Пильняка, И. С. Соколова-Микитова, В. А. Каверина, В. А. Обручева, Б. В. Шергина, Б. Л. Горбатова, В. С. Пикуля, Ю. С. Рытхэу, Г. Б. Адамова, К. С. Бадигина, И. Я. Бражнина и мн. др. Об устойчивой традиции стихотворной трактовки арктической темы в жанрах лирического стихотворения, лирического цикла, поэтического сборника свидетельствуют десятки сочинений, среди которых – «Челюскинцы» (1934) М. И. Цветаевой, «Север» (1936) и «Седов» (1937) Н. А. Заболоцкого, «Мыс желая» (1961) Ю. П. Мориц, «Полярный исследователь» (1978) И. А. Бродского.

В литературном процессе XX в. поэма-эпопея «Челюскиниана» (1934–1936) и роман-эпопея «Арктика» (1934–1956) И. Л. Сельвинского занимают особое положение, поскольку образ Заполярья оказался включен в художественное отображение значительного исторического события, воссозданного в крупных жанрах поэтического эпоса, синтетичной форме стихопрозы. Кроме того, тема

покорения Крайнего Севера в творчестве знаменитого уроженца Крыма окрашена яркими автобиографическими мотивами: будучи корреспондентом газеты «Правда», Сельвинский принимал участие в арктической экспедиции 1933–1934 гг. на пароходе «Челюскин».

Творческое воплощение исторического события в поэме «Челюскиниана» и романе «Арктика» отличается особым эпическим размахом. Между тем, содержательно взаимосвязанные и, в то же время, идейно различные арктические эпопеи Сельвинского никогда не становились предметом целостного изучения или сопоставительного анализа.

Вопросы творческого переживания музыки в лирике Сельвинского уже освещались в научных изданиях [2, 3]. П. Г. Антокольский высказывал очень верное наблюдение: «Никогда еще ни один русский поэт не приближался в такой степени к трагическому катарсису, к рождению трагедии из духа музыки, как это посчастливилось Илье Сельвинскому» [1, с. 149]. Думается, исследование музыкальности поэтического эпоса Сельвинского, музыкальной образности и многоголосного симфонизма «Челюскинианы» и «Арктики» представляется весьма актуальной задачей.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Челюскинская эпопея:

исторические факты и свидетельства И. Л. Сельвинского

Из дневника Сельвинского 1933 г. известно, что приглашение участвовать в арктическом походе поэт получил от О. Ю. Шмидта, специально приехавшего в подмосковный санаторий «Узкое». Открытое общение с начальником экспедиции убедило Сельвинского в необходимости новых социалистических достижений, так как за одну навигацию «Челюскин» должен был преодолеть расстояние от Мурманска до Владивостока и доказать могущественные перспективы Северного морского пути. Отправление 112 челюскинцев состоялось в июле 1933 г., но уже в сентябре корабль попал в ледяной плен. Вместе с другими полярниками, пытавшимися взрывать ледяные глыбы, Сельвинский принимал участие в героическом спасении «Челюскина». Чукчи, прибывшие к челюскинцам, согласились помочь. Сельвинский вспоминал: «Шмидт отправил на Уэлен разведку из восьми человек. В эту разведку был включен и я. Восемь русских и четверо чукчей, мы двинулись в путь на собаках и, пройдя 100 километров по льдам океана и 300 по замерзшей тундре, через 11 дней поднялись на мыс Дежнева» [4, т. 4, с. 411]. Несмотря на то, что это был невероятно трудный поход, разведчики добрались до Уэлена. Но ледокол «Литке», на котором они оказались, не сумел прорваться через арктические льды и взять на борт оставшихся полярников.

В феврале 1934 г. «Челюскин», получив тяжелые повреждения, затонул, а участники экспедиции были вынуждены зимовать в специально обустроенном лагере, продолжая научные наблюдения. Для Сельвинского испытания, связанные с морскими странствиями, завершились только в начале 1934 г.: история с ледоколом «Литке», ледяные барьеры, норд-вест 8–9 баллов с пургой, тайфун в 12 баллов, бухта Провидения, остров Малый Диомид, залив Коцебу, мыс Хоп и др. – в своем дневнике

поэт искренне признавался в том, что мысленно он не в «прошлом», а в желанном «будущем». Уже в январе в советской прессе сообщалось не только о прибытии группы разведчиков во Владивосток, но и о победном освоении высоких широт. В той же тональности газеты писали о приезде И. Л. Сельвинского и секретаря экспедиции Л. Ф. Муханова в Москву. Неудивительно, что чествования по случаю возвращения остальных челюскинцев, эвакуация которых осуществлялась силами авиации до апреля 1934 г., носили общегосударственный характер. Не случайно и то, что в истории XX в. арктическая экспедиция на пароходе «Челюскин» стала именоваться не иначе как «эпопея».

Нет сомнений, что Сельвинский осознавал грандиозность и драматизм происшедшего, лаконично фиксируя в дневниковых записях 1933–1934 гг. хронологию событий, географические объекты. В записях Сельвинского, переполненных морской терминологией, региональной лексикой, встречаются строгие философские размышления о жизненных сложностях, редкие пейзажные зарисовки – колоритные и живописные. Позднее поэт признавался, что в его душе нередко звучала музыка, помогая эмоционально преодолевать арктические испытания. Сельвинский так вспоминал о балете «Лебединое озеро»: «Есть такие влияния, которые долгие годы с огромной силой держали в своей власти мою психику... Шагая по Арктике с чукчами, я напевал про себя адажио... и как несбыточную мечту представлял себе Большой театр, гибкие ритмы Чайковского, танец Улановой, онегинские строфы Пушкина» [4, т. 1, с. 681]. Подобно драматургии, поэтический эпос Сельвинского, охваченный звуковой экспрессией, родился из «духа музыки».

Музыкальная образность в поэме-эпопее «Челюскиниана»

В 1934–1936 гг., вернувшись из полярного похода, Сельвинский работает над поэмой-эпопеей «Челюскиниана», задуманной еще в Арктике. Востребованная эпохой, когда советский народ находился на духовном подъеме, историко-героическая поэма в трех частях была в краткий срок завершена и опубликована в журналах «Новый мир» (первая часть – 1937, № 1; третья часть – 1938, № 5) и «Октябрь» (вторая часть – 1938, № 9). Между тем, подчиненная реалистическим принципам поэтического эпоса, «Челюскиниана» сразу вызвала идеологические и художественные споры и до настоящего времени не «удостоена» отдельного издания. Печальная судьба поэмы-эпопеи не могла отменить ее объективное историко-литературное значение. В рамках крупного эпического жанра Сельвинскому удалось подробно воссоздать исторические события арктической экспедиции: от официального отправления в плавание – до всенародного чествования челюскинцев в Москве. Во вступительном обращении к читателям автор определил главную задачу своего сочинения – представить образ современного советского общества; обозначил главную тему эпического повествования – героический поход на ледоколе «Челюскин» и доблестное покорение Арктики. Масштабность творческого замысла усиливается тем, что эпопейный сюжет «Челюскинианы» Сельвинский дополняет многочисленными авторскими отступлениями и вставными эпизодами, которые не только расширяют художественное пространство и время (а значит, эпические

границы), но также сообщают поэме напряженный лиризм. Среди нескольких десятков главных, второстепенных, эпизодических персонажей «Челюскинианы» поэт Илья Сельвинский – важный герой эпопеи, которому свойственны индивидуальные чувства и настроения, помыслы и поступки. Лирическое начало поэмы раскрывается и в лаконичной любовной линии сюжета, посвященной внутреннему взрослению Насти Незлобиной и Болеслава Малиновского. Намеченные пунктирно, все отступления от эпопейной сюжетике созвучны эпическим доминантам и общей проблематике поэмы – показать, как из разнородной группы людей рождается коллектив, как челюскинцы становятся частью советского народа, готового к победным свершениям и социалистическому строительству.

Содержание «Челюскинианы» может показаться далеким от музыкальности. Но тем более неповторимым видится воплощение музыкальной образности. Сельвинский находит оригинальные художественные решения, когда вовлекает вербальные компоненты в музыкальное развитие, опираясь на конструктивистский опыт 1920-х гг., когда эпоха «живого слова» побудила многих поэтов к акустическому восприятию стихотворной речи. В начальных прелюдах «Челюскинианы» Сельвинский указывает, что читателю будет необходимо прислушиваться как к «музыке скрипа» его стального пера, так и к «южной мелодии» поэта-крымчанина, уверенно владеющего классическими «ямбами» и «новым стихом». Действительно, Сельвинский использует в поэме сочетание силлаботонических размеров и тактового стиха, разработанного модернистами по аналогии с богатым разнообразием музыкальной ритмики. Только дважды эпическое повествование модулирует в прозаическое изложение, все остальные фрагменты «Челюскинианы» написаны стихотворным языком, в котором Сельвинскому дорога экспрессия «пауз, затактов, синкоп и контрапункта», – поэт задается целью звуковыми приемами, музыкальными интервалами «секунды и терции» «ожечь душу» читателей. Во вступительных прелюдах автор задумывается о соответствии стихопроезаической фактуры поэмы-эпопеи музыкальным жанрам, отчетливо понимая, что эпическое изображение таких рискованных, исключительных, эпохальных событий не может сочетаться с содержательными объемами песни или оперы. Сельвинский убежден: для описания реальных перипетий челюскинской эпопеи 1933–1934 гг. требуется «духовое литье ораторий» – именно этот музыкальный жанр способен вобрать и народный характер, и героический пафос, и национально-историческое значение социалистического освоения Арктики.

Оратория является тем крупным жанром, который отличается всеохватной синтетичностью – не только композиционных фрагментов, но также вокальной и инструментальной музыки. Чередование сольных арий, ансамблевых сцен, хоров, речитативов, оркестровых эпизодов в оратории подчиняется, с одной стороны, динамике развернутого сюжета, с другой – симфоническим принципам развития. При этом отсутствие сценического действия заставляет сконцентрироваться на элементах повествования. Органично соответствующие изображению героико-исторических событий и образа народа, оратории становятся популярными в советской музыке с 1930-х гг. Сельвинский не мог оставить без внимания возможности ораториального жанра, своей эпической монументальностью созвучного поэме-эпопее.

В «Челюскиниане» очень часты художественные мотивы и образы, связанные с вокальной музыкой. Так, история открытия Америки пробуждала воспоминания о флорентийском мореплавателе Америго Веспуччи и названии этой части света, которые подобны песне, «вдыхаемой миллионами». Проводы челюскинцев в опасный поход проходили под эмоциональное «пение жен». Трудный путь разведчиков, отправленных Шмидтом на Уэлен, сопровождался строгой ритмикой шага, которая «качала песню» и «сливала» сознание с мелодией. Огромный чукча, помогавший полярникам, неожиданно «запел на берегу реки» – жест его руки «напоминал удар по бубну». Когда разведчики достигли земли, они отметили свою победу «Интернационалом». Во время гибели парохода кто-то попытался затянуть мелодию «Из-за острова на стрежень», но в такой момент петь было неудобно, и известная русская песня сменилась трагической музыкой тонущего «Челюскина», зазвучавшего «мягким басом». Во время зимовки челюскинцы, музицировавшие под гитару, поняли, что «где песня, там и дом». Некоторые участники экспедиции действительно были очень музыкальны, особенно спецкор Настя Незлобина, отправившаяся на Крайний Север, чтобы проверить себя на прочность, – «певучая медь» ее голоса настолько очаровательна, что эти интонации хотелось «навек унести с собой». Впрочем, сама Арктика, изображенная Сельвинским, не менее музыкальна – необычный и экстремальный, ее звуковой образ имеет вокальную природу: моржи то «рвякали гимны», то хрюкали и храпели «в унисон», то рычали в «ражем хоре»; северные собаки-волки не столько лаяли, сколько пели: в «хоровом» единстве их вой то усиливался, то стихал. Вне всякого сомнения, вокальная образность обогащает художественную ткань поэмы-эпопеи, придавая ей экспрессивно-эмоциональное звучание, напевную интонационность, голосовое разнообразие. Песенный жанр не случайно становится главным в «Челюскиниане», поскольку в песне наиболее ярко выражаются национальный характер покорителей Арктики, «певучая» душа советского общества.

Еще более щедро поэма Сельвинского наполняется инструментальной музыкой. Звуки оркестра в этой связи вполне предсказуемы. Оркестры «гремели», когда челюскинцев торжественно провожали в плавание. С «громом» музыкальных инструментов ассоциируется также жестокая схватка моржа и медведя, свидетелями которой оказались участники арктического похода: под джазовое рывканье «мирового всхрипа» пароход как будто пригласили «в оркестр». Помимо этого, в «Челюскиниане» упоминаются танцевальные жанры. Мудрость и человечность начальника экспедиции Шмидта подчеркиваются воспоминаниями, среди которых – «белый бал», «вальсы и полонезы». Но политическая целеустремленность Сталина позволяет полагаться на грамотных бойцов, которые готовы победить «без хмеля и вальса». Твердость характера Незлобиной проявляется тогда, когда она соглашается с тем, что Феликс Кон справедливо «запретил фокстрот», зародившийся в начале XX в. в недружественной Америке. Идеологическое противостояние государств проявляется очень сильно: когда поэт, вернувшийся из Арктики, оказывается в кафе «Москва», то иностранных посетителей развлекали джазовой музыкой, которая бессодержательно «свистела, шипела, отдувалась и лязгала». Гражданам капиталистических стран с их «джазовыми» представлениями сложно понять

«оркестровость» душевных порывов советских людей, отправившихся на Крайний Север, как невозможно осознать глубину их социалистического коллективизма, возникшего в условиях арктических испытаний под руководством Шмидта. Благодаря начальнику экспедиции – «дирижеру» оркестра – в Заполярье «медная нота», вспыхнувшая в «груди трубача», присоединялась к музыке струнных инструментов и гобоя, которые вместе «вступили в бой» в могучей звучности «форте».

Многообразии музыкальных инструментов, участвующих в эпическом воплощении знаменитого исторического события, не может не поражать. В разных эпизодах «Челюскинианы» Сельвинский обращается к русским народным инструментам: северный ветер играет в «пасти горн», на корабле «ноет гармонь» и раздаются звуки баяна, Тит Фадеев представляет себе, как сноха в деревне выходит слушать гармонь. Но преобладают инструменты, входящие в состав симфонического оркестра. Так, в философских спорах челюскинцев о предназначении труда звучит риторический вопрос, музыкально усиливающий его актуальность: «А вам бы все про литавры?» Воспоминания о боевом Октябре окрашиваются «голосами больших октав» трубы. Когда челюскинцы пытаются спасти корабль из ледяного плена, то мощные взрывы отзываются «музыкальной волной» от колокола до гонга. Но у тонущего ледокола нет возможности транспозиции звуковых пассажей, и он агонизирует «дрожью гонга». Эвакуация зимовщиков тоже сопровождается инструментальными эффектами: в суровых обстоятельствах летчикам приходилось слушать «музыку всех статей» – трубы и гобоя; в свою очередь, моторы самолетов, «гудя», звучали струнной музыкой».

Какой бы разнохарактерной ни была музыка струнных, ударных, медных и деревянных духовых инструментов, явный приоритет в «Челюскиниане» отдается барабану. Шмидту припоминается «империи каторжный барабан». Поэту, едва не утонувшему в арктических льдах, кажется, что «барабаны гремели в раскат», – спасенный товарищами, Сельвинский ощущает, как его ударил озноб, «пробарабана все уголки». В тексте заклинания, умирившего природные стихии во время продвижения группы разведчиков к береговой черте, трижды упоминается барабан. Представляя наступление весны на Большой земле, полярники слышат приветливый «полет музыкальных пуль», причудливое «пленьканье», мирный «бой барабанных дробей». Но для летчиков-спасателей далекие барабаны звучат в зверском буйстве арктического ветра, зазывавшего в «пороховую пыль» сражения. Ударные свойства барабанной музыки, лишенной мелодического потенциала, сообщают поэме-эпопее большую ритмичность, подчеркивая героическую тональность повествования, – как можно заметить, покорение Арктики Сельвинский настойчиво сравнивает с военными действиями. Присоединяясь к звучанию других музыкальных инструментов, барабанные партии свидетельствуют о завершенной симфоничности стихопроезаического сочинения, предполагающей согласованное взаимодействие оркестровой ритмики и мелодики. Симфоническая целостность поэменной фактуры направлена на воплощение эпопейного содержания и достижение эпической сообразности.

В «Челюскиниане» музыкальность проявляется настолько многогранно, что охватывает самые разные художественные компоненты – образные, сюжетные, композиционные, лингвистические. Переполнен звуками ледокол «Челюскин», своими контурами похожий на рояль и время от времени издающий «музыкальный рев», – на его борту находятся черный рояль и «большие часы с курантной музыкой». Участники похода то «берут аккорды», то спорят о том, пойти ли «в композиторы». Арктическая обособленность переживается ими так остро, что слух начинает умолять хотя бы о фразе «из женских нот». Но челюскинцы преодолевают эмоциональные сложности. Их «музыка душ» не просто «сливается» – пребывая на «особой ноте», душа каждого из покорителей Крайнего Севера становится спокойнее, когда они осознают единство со всей социалистической страной: «так музыка находит свой размер» и гармоничность созвучий. Возможно, поэтому тюленьи головы вдруг предстают перед полярниками «сборищем нот шопеновского этюда», а комиссар Зверев, озадаченный судьбой корабля, пытается заснуть, «носом выфлейтывая переливы». На самом деле, никакие трудности не пугают челюскинцев: даже после гибели парохода, когда летящий рояль «с музыкальным воем» парил крылом, Настя Незлобина находит в себе энергию насвистывать мелодию норвежского композитора Э. Грига и перед эвакуацией сочетаться браком со студентом Болеславом Малиновским: «никто на целом свете не знал» подобной истории любви, никому не удалось сочинить похожую «сонату в нордовом ключе». Вместе с тем редкая сила воли, настоящее чувство коллективизма, осознание себя частью великого советского народа, появившиеся у полярников в экспедиции, неотделимы от деятельности руководителя социалистической страны. Несмотря на множество важных государственных дел, возрастающую военную угрозу, Сталин счел необходимым обратить внимание на несколько десятков человек, зимующих в арктических льдах. Поддерживая челюскинцев радиogramмами, обеспечивая их спасение, Сталин продемонстрировал «абсолютнейший политический слух», аналогичный «слуху музыкальному». Жизненный и политический опыт постепенно отражался на внешнем и внутреннем облике вождя, ведь его лоб оказался вымощен «нотным эскизом», а в душе «слагались октавы могучего гимна». Все это помогало «строить социализм»; ради этого простые советские граждане отправились покорять Арктику.

В финале «Челюскинианы» развитие музыкальной образности достигает максимума. Описание праздничного чествования челюскинцев в Москве, отражающего высокий дух романтики, патриотизма и солидарности советского народа, сопровождается самыми разными музыкальными впечатлениями. Звучание «сводного оркестра», исполнение «Полярного марша», «пение фанфар», «звяканье» кремлевских курантов «по лютням», гром валторн и труб в «хоре» медных инструментов, отголоски «нежной лирики бала», «челюстно-железный марш» танков – все перерастает в заключительные аккорды поэмы-эпопеи, состоящие из «нот» русских, немецких, мордовских, ненецких «оркестров». Эти «ноты» едины с рождением «поющего шума» в груди людей, который насыщен «историческим опытом», «сложнейшими культурами» многонационального государства. Священность «звона кавалерийской лиры» родной страны для Сельвинского неоспорима, как несомненны заслуги челюскинцев.

Итак, интенсивность музыкальной образности в «Челюскиниане» воспринимается едва ли не предельной; исключительная музыкальность поэмы-эпопеи определяется ее родовидовой спецификой, сопряженной с широкими возможностями ораториального жанра. Реалистично воссоздавая атмосферу середины 1930-х гг., следуя принципам художественного историзма, Сельвинский исключает подробные описания звучащей музыки. Поэт использует многочисленные музыкальные аллюзии, эпитеты, сравнения, метафоры, метонимии, гиперболы, которые заметно усложняют содержательные и лингвостилистические нюансы эпического воплощения арктической темы. Опираясь на собственные воспоминания и модернистский опыт, Сельвинский стремится передать идейное, эмоциональное многоголосие полярного похода. Музыкальная образность «Челюскинианы» оказывается взаимосвязана с разноречием героев, текстами радиogramм, математическими формулами экспедиционных расчетов Шмидта, а также с географическими и биологическими названиями, профессиональной и региональной лексикой, композиционными и версификационными приемами. Последовательно подключая музыкальную образность к раскрытию специфичной жизни Крайнего Севера, событийных деталей челюскинской эпопеи, неповторимости человеческих характеров, главных проблем эпохи, Сельвинский проявляет не только оригинальность авторского мышления, но и душевное равнодушие к исторической судьбе страны, духовное единство с советским народом.

Симфонизм романа-эпопеи «Арктика»

В 1950-е гг. И. Л. Сельвинской возвращается к работе над арктической тематикой, но в контексте новой исторической эпохи челюскинский поход, утративший былую актуальность, получает иную жанровую и идейно-содержательную интерпретацию. Социалистическая страна, победившая фашизм, устремлялась к реализации масштабных планов на пути к коммунизму: в середине 1950-х гг. началась «хрущевская оттепель», в 1956 г. состоялся XX съезд КПСС, давший толчок развенчанию культа личности. Роман-эпопея «Арктика», опубликованный в 1957 г., наполняется современными героями и проблемами, синтезирует в себе реалистические принципы и свободу творческой фантазии. Сельвинский меняет настоящее название парохода на вымышленное – «Остров Грумант»; отказывается от конкретных прототипов. В «Арктике» взаимодействуют несколько сюжетных линий: эпическое повествование раскрывает главные перипетии арктической экспедиции, романная фабула – любовные переживания, характеры, «диалектику души», судьбы героев. В развитии любовной интриги участвуют как советские граждане (студент Кохановский, корреспондент «Комсомольской правды» Басаргина, матрос Петух, кочегар Фрязин, комиссар Королев), так и подданная капиталистического государства – американка Жанна Руссель. Это позволяет отразить и идеологическую конфронтацию стран, и мечты строителей социализма о коммунистическом будущем. Дискуссии о коммунизме Сельвинский погружает в обсуждение астрономических теорий. Космическая проблематика усиливает в «Арктике» черты романа-утопии, а общее эпическое звучание романа-эпопеи усложняется открытым психологизмом, задушевым

лиризмом и глубокой философичностью. В цельном полифонизме авторского замысла музыкальные детали, образы, термины, произведения, жанры оказываются идейно и художественно значимы.

Начнем с того, что особую музыкальность Сельвинский придает важнейшему образу романа – ледоколу «Остров Грумант». Корабль, похожий на отель, озвучивается изнутри: на его борту находятся «рояль крылатый», «с музыкой часы»; «В таком бы отеле болтать о Верлене, / О музыке Дебюсси» [4, т. 4, с. 169]. Но полярный поход далек от утонченных нюансов музыкального импрессионизма. Он гораздо ближе напряженной сосредоточенности и скрытой драматичности известного фортепианного опуса Л. Бетховена, а потому «Остров Грумант» музыкален и внешне: «"Лунной сонатой" концертный инструмент / Вплывает в полярную параллель», «Рояль, как траурная бригантна, / Черным парусом в звуках плывет» [4, т. 4, с. 169, 192]. В суровых условиях арктического климата и непредсказуемых испытаний ледокол одинок и может рассчитывать только на мужество полярников. Не случайно «Остров Грумант» издает «басы»: в открытом море «пенье двуструнных басов» окрашивается необыкновенной печалью, недобрый предчувствием. Войдя в «заполярный градус», корабль «подает голос», и сила его пропорциональна работе поршней, которые дышат «будто органа лады». Поскольку экспедиция опасна, то звуки ледокола напоминают «музыкальный рев», «рокочущие октавы». Широкий диапазон октавы Сельвинский увеличивает до бесконечности гаммы, когда подходит к кульминации эпопейной сюжетной линии – описанию гибели корабля-отеля. Под натиском огромных ледовых масс у содрогнувшегося «Острова Грумант» не оставалось никаких шансов уцелеть, и ледокол сипло «запел басами»: «По черным броням промахнула гонкой / Большая музыкальная волна / От колокола гаммою до гонга», «Черного лебедя смертной песни / Выдохнуло его жерло» [4, т. 4, с. 334–335, 336]. Трагическая участь постигла также «богатую вещь», которая оживала в прикосновении к клавишам, но причудливо преобразилась в роковой момент, – «черный рояль, занесенный снегом», неожиданно «грянувши арфой, исчез под водой» [4, т. 4, с. 337, 340]. Корабль потерпел катастрофу, вместе с ним погибла и его музыкальная «душа».

В «Арктике» повествование о судьбе «Острова Грумант» сочетается с романскими коллизиями, которые тоже озвучиваются. Музыкальной мощью охвачена сама Арктика: то там, то здесь раздаются «кражий хор» моржей, «хоровое пение» волчьей стаи или «норвежская песня» вьюги, а в переливах небесных теней узнается «гамма». В необъятном пространстве Заполярья многие события обретают музыкальную содержательность. Воздействие обаятельной Жанны Руссель, поразившей воображение Кохановского, было сродни насыщенному звучанию виолончели. Влияние американки на советского студента вызвало обеспокоенность комиссара Королева, постаравшегося избавиться от ее присутствия. Не приспособленная к жизненным трудностям иностранка на пути к береговой полосе встретила «орду секачей и коров», которые при виде людей подняли такой рев, как будто «с оркестра сдирают шкуру». Поэт, отправившийся в поход вместе с американкой, едва не утонул; его спас матрос Петрушка, возвестивший о своем приближении частушкой. И Руссель, и поэт были вынуждены вернуться обратно на

«Остров Грумант», который вскоре затонул. Общая эвакуация полярников носила героический характер; силы авиации пребывали в таком напряжении, что самолеты звучали «густыми басами», похожими на «голос виолончели». «Но летчик жесток, не смягчается он – / И вот уже рев переходит в стон. / Так в Венгерской рапсодии Лист / Дает после forte двойное forte, / Когда же патетика, грохот и свист / Дойдут до небес, до разрыва аорты, – / “Еще одно forte!” – велит артист» [4, т. 4, с. 391]. Как видим, сюжетные кульминации в романе предельно музыкальны.

В характеристиках персонажей романа-эпопеи зачастую используются музыкальные ассоциации. Начальник экспедиции Андрон Иваныч Басаргин с легкостью насвистывал что-то из репертуара французского композитора Ж. Массне. Под воздействием обстоятельств тенор интеллигентного профессора нередко менялся на бас. Речевая манера его дочери Олисавы тоже вокальна. Корреспонденту Басаргиной, которая выросла на Русском Севере, богатом фольклорными традициями, пение излишне: «Ее архангельский говорок, / С которым не надо песен, / Таким ручьем очаровывал слух, / Забытый полярной стихией, / Точно играл на свирели пастух / В березовой России» [4, т. 4, с. 286]. Смелая русская девушка, ставшая во время зимовки начальником аэродрома, духовно выросла. Проявляя «начальнический норов», как и отец, она тихо насвистывала «Ases Tod» – знаменитую траурную мелодию из симфонической сюиты «Пер Гюнт» Э. Грига. Проникнутые чувством коллективизма, все полярники объединены музыкально: они единоклюшны в «хоровом» выражении согласия на отправление доктора в чукотский поселок; полярники играли на баяне, когда огромный кит волновал бескрайние воды Арктики; в лагере зимовщиков раздавалось «скрипичное из Вашингтона скерцо»; готовясь к эвакуации, «хромали песенники». Следует отметить, что музыкальны не только герои романа, но даже художественные детали, связанные с ними: для Константина Фрязина, увлеченного географией, «глобус звучал, как музыка», а рыбка, заточенная в каюте биолога Кохановского, была обречена на беззвучное одиночество: «Не ждать ей свиданья к семи часам, / Не ныть серенаде от страсти» [4, т. 4, с. 219, 298]. Все музыкальные средства нацелены на раскрытие главных особенностей романских персонажей – незаурядности их внутреннего мира, гуманистической сущности их намерений и поступков. Сельвинский убежден: «Нет ничего сложнее на земле / “Советского простого человека”» [4, т. 4, с. 372].

Одним из самых сложных и значительных героев романа-эпопеи является Корней Корнеич Королев. Комиссар из бывших рабочих, который писал кандидатскую диссертацию по философии, отвечает на «Острове Грумант» за идеологическую обстановку. Убежденный коммунист, Королев бывает чрезмерно требователен и принципиален в общении с полярниками, проявляя схематичность и ограниченность. Влюбленный в Олисаву Басаргину, он больше думает о политических перспективах, чем о личном счастье. Между тем образ комиссара озвучен Сельвинским как никакой другой персонаж. Он достиг пятидесятилетней границы, а в мужчинах этого возраста «звучат и отдаленные скрипки юности, и медь боевой зрелости, и даже <...> оргán, который доносится как бы из-за горизонта» [4, т. 4, с. 185]. Мечтая о коммунистическом будущем, Королев прекрасно понимает, что оно зависит от социалистической дисциплины: «так строгая дисциплина пальцев

на клавиатуре дает душе великое ощущение мелодии» [4, т. 4, с. 282]. Корней Корнеич, не лишенный душевных и творческих порывов, любит размышлять на сугубо философские темы. Озадаченный решением проблемы личного бессмертия, он сочиняет верлибр о вечности – его стихотворные фантазии, лишенные упорядоченного ритма, окрашены музыкальной стихией:

...А как ее представить?

Предположим,

в пустынной комнате стоит рояль,

и мыши скачут по клавиатуре.

Так вот: когда б они скакали вечно,

то из миллиардов комбинаций звуков

одна сложилась бы в этюд Шопена,

а через сотню миллионов лет

этюд бы повторился нота в ноту... [4, т. 4, с. 324].

Философские рефлексии Королева в финале романа также пронизаны лиризмом и музыкальностью. Комиссар прекрасно осознает, что большая разница в возрасте, государственная служба не позволяют ему быть вместе с Олисовой. Но он благодарен этой девушке за пережитые чувства; ее очаровательный образ Корней Корнеич сохранит в своей душе на многие годы: «В каждом культурном человеке живут гениальные симфонии, которые он когда-либо слышал, великие поэмы, которые читал, бессмертные полотна, которые довелось видеть. <...> Что же сказать о живой девушке, которая сродни симфонии, поэме, статуе? И которая любит вас? <...> А боль? Тоска? Все это осталось, но не могло изуродовать огромного, нового для него переживания, как потрескивание и хрипотца репродуктора не в силах изменить песню» [4, т. 4, с. 400]. Музыкальность усиливает самые замечательные, подчас потаенные способности Королева: интеллектуальность, памятьливость, поэтичность, мудрость. Несмотря на ответственную должность, партийные приоритеты, комиссар сумел сохранить в себе подлинную человечность.

Образ Королева оказывается очень важен не только в системе персонажей, но и в композиционной, речевой организации романа-эпопеи. «Арктику» открывает краткое вступление, в котором Сельвинский разъясняет особенности стихопрозаической структуры произведения. Ритмическую разнородность романа поэт представляет себе музыкальным «трехголосием» классической версификации, тактового стиха и прозы. При этом доля нестихотворного текста в эпопее достаточно весома – как в количественном, так и в содержательном отношении, поскольку чаще всего прозаические фрагменты связаны с образом комиссара. В этих композиционных эпизодах воссоздаются личностные характеристики и предыстория Корнея Корнеича, его дневниковые «Заметки натуралиста», полемичное общение с Басаргиным, Кохановским, Олисовой и поэтом, противоречивые размышления о любви, утопические представления о коммунизме. В стихотворной форме Сельвинский развивает романские и эпопейные сюжетные линии, а проза необходима для создания бытийно-философской основы, общего идейного диапазона «Арктики», реалистично отражающей оптимистичные унастроения строителей социализма, социально-политическую атмосферу эпохи 1950-х гг. Безусловно, интонационный

строй прозаической речи контрастирует со стиховой ритмикой и мелодикой – не случайно в первой части романа Сельвинский подробно анализирует особенности творческого процесса писателя, доверяя свои наблюдения над музыкальностью стиха Олисане Басаргиной, сочиняющей поэму об Амундсене. С учетом того, что Сельвинский является автором музыкально-тактовой теории русской версификации, становится понятно, что в акустическом отношении роман-эпопея уподобляется необычной многоголосной форме, стихопрозаическая фактура которой к тому же симфонически оркестрована. Музыкально-стиховые паузы и акценты, синкопы и кадансы, изменения темпа и динамики, столь значимые в поэтической теории и практике Сельвинского, вливаются в симфоническую согласованность струнных и медных инструментов, в то время как звучание прозаических фрагментов воспринимается партиями деревянной группы оркестра:

*...Я сочетаю ритмы – эти с теми, –
Все смысловому подчинив ключу.
Так неужели с вами не освоим
Неоднородность музыкальных масс?
Лишь не считайте это разнбоем.
Доверьтесь мне. Я уверяю вас,
Что на трехладном, трехголосном фоне
Вам станет ясной линия моя.
Здесь некое подобие симфоний:
Во-первых, ямбы – струнная семья;
Затем
Пойдет
Мой тактовый стих,
Что будет звучать*

как медная группа;

и, наконец, проза, которая, при очень простых, ясных и чистых своих звучаниях, подобна деревянному цеху оркестра: говорит трезво, но не грубо [4, т. 4, с. 167–168].

Таким образом, по своим структурным особенностям роман-эпопея подобен крупному музыкальному жанру симфонии. Инструментальные партии симфонического оркестра чрезвычайно разнообразны и содержательны, как многогранно и идейно-смысловое звучание «Арктики». В стихопрозаическом сочинении Сельвинскому удалось охватить такой широкий спектр проблематики, что симфонизм стал одним из основных художественных принципов воплощения эпического содержания. Драматургичное взаимодействие главных и второстепенных конфликтов, напряженное противоборство образов и идей, динамичное развитие всех сюжетных линий, богатство стилистических трансформаций и композиционный полифонизм романа-эпопеи являются отражением симфоничности авторского мировосприятия. Изобилующий аллюзиями и реминисценциями, проникнутый глубоким психологизмом, роман «Арктика» свидетельствует о синтетичном характере творческих переживаний Сельвинского, устремленного к многозначительности музыкального искусства.

ВЫВОДЫ

Образ Крайнего Севера и тема покорения Арктики волновали творческую фантазию Сельвинского более двадцати лет. На пути от поэмы-эпопеи «Челюскиниана» (1934–1936) к роману-эпопее «Арктика» (1934–1956) произошли серьезные изменения в жизни государства, идеологическом и эстетическом самоопределении писателя. При содержательной близости арктических эпопей, в которых можно наблюдать сюжетно-образные переключки и текстуальные повторы, в «Челюскиниане» и «Арктике» разные идейные доминанты, жанровые и художественные решения. Создавая поэтический эпос арктических завоеваний, Сельвинский продвигается от идеи социалистического коллективизма к размышлениям о коммунистическом будущем, от героики – к психологизму и философичности. В связи с родовидовой корректировкой меняются не только взаимосвязи эпопейных, поэзных и романых элементов, но также количественные соотношения стиха и прозы. При музыкальной общности двух эпических сочинений, нетождественна их синтетичная поэтика. По сравнению с «Челюскинианой» музыкальная образность в «Арктике» уменьшается, трансформируется жанровая и вокально-инструментальная ориентация – с оратории на симфонию.

Сколь бы разными ни были арктические эпопеи, музыкальная составляющая важна в обеих. Обращение к музыкальным произведениям, жанрам, образам и т. д. способствует индивидуализации персонажей, динамизации эпопейного повествования, эмоциональному усилению композиционных эпизодов и сюжетных кульминаций. Музыкальные эпитеты, метонимии, сравнения, метафоры, гиперболы, аллюзии обогащают речевую организацию произведений, а взаимодействие классических размеров и музыкально-тактового стиха привносит интонационное разнообразие в версификационный стиль эпопей. Чередующееся звучание вокальных и инструментальных фрагментов обеспечивает ритмико-мелодическую согласованность стихотворной фактуры и прозаического изложения. Структурно-семантическое многоголосие «Челюскинианы» и «Арктики» симфонично: литературно-музыкальный симфонизм органично сочетается не только масштабностью арктических образов и отражаемых событий, но также с грандиозностью жанровых форм.

В музыкальном характере «Челюскинианы» и «Арктики» раскрываются симфоничность мировосприятия и синтетичность мышления автора. Опираясь на реалистические традиции русской словесности и индивидуальный опыт модернистского новаторства, Сельвинский придает своим сочинениям акустическую направленность, вербально-музыкальную целостность, которые до настоящего времени сохраняют художественную уникальность в широком контексте литературных трактовок арктической тематики. Глубоко осознавая самобытность творческой личности, первый нарком просвещения РСФСР, писатель, знаток истории культуры и популяризатор музыки А. В. Луначарский очень точно называл Сельвинского «виртуозом стиха», «Францем Листом в поэзии», а для поэта-художника М. А. Волошина, еще одного знаменитого крымчанина, Сельвинский был – ни много ни мало – настоящим «поэтом-оркестром» [5, с. 230].

Список литературы

1. Антокольский П. Г. Собрание сочинений: В 4 т. – М.: Художественная литература, 1971–1973. – Т. 4. – 352 с.
2. Макарова С. А. «О музыке, но не только»: мир музыки и его творческое переживание в лирике И. Л. Сельвинского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – Вып. 8. – С. 101–111.
3. Макарова С. А. Художественные смыслы музыкальной терминологической лексики в лирике И. Л. Сельвинского // Русская речь. – 2020. – № 2. – С. 105–114.
4. Сельвинский И. Л. Собрание сочинений: В 6 т. – М.: Художественная литература, 1971–1974. – Т. 1. – 703 с.; Т. 4. – 416 с.
5. О Сельвинском. Воспоминания / сост. Ц. А. Воскресенская, И. П. Сиротинская. – М.: Советский писатель, 1982. – 400 с.

References

1. Antokol'skij P. G. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* [Collected works in 4 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1971–1973, vol. 4. 352 p.
2. Makarova S. A. “*O muzyke, no ne tol'ko*”: *mir muzyki i ego tvorcheskoe perezhivanie v lirike Sel'vinskogo* [“Not only about music”: the world of music and its creative experience in I. L. Selvinsky's lyrics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, vol. 12, issue. 8, pp. 101–111.
3. Makarova S. A. *Hudozhestvennye smysly muzykal'noj terminologicheskoy leksiki v lirike I. L. Sel'vinskogo* [Artistic Meanings of Musical Terms in the Lyrics of I. L. Selvinsky]. *Russkaya rech'*, 2020, № 2, pp. 105–114.
4. Sel'vinskij I. L. *Sobranie sochinenij: v 6 t.* [Collected works in 6 volumes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1971–1974, vol. 1. 703 p.; vol. 4. 416 p.
5. *O Sel'vinskom. Vospominaniya* [About Selvinsky. Memories]. Comp. by. С. А. Voskresenskaya, I. P. Sirovinskaya. Moscow, Sovetskij pisatel' Publ., 1982. 400 p.

**FROM “CHELYUSKINIANA” TO “ARCTIC”:
MUSICAL FEATURES OF THE EPIC EMBODIMENT
OF THE HISTORICAL THEME IN THE WORK OF I. L. SELVINSKY**

Makarova S. A.

The article analyzes the genus-specific, artistic and content features of the epic poem «Chelyuskiniana» and the epic novel «Arctic» by I. L. Selvinsky, dedicated to the conquest of the Far North and having a musical basis. The author's indication of the correlation of the poetic epic with the musical genres of oratorio and symphony allows us to determine the evolution of creative ideas, the essence of literary and musical transformations, subject to the revision of Selvinsky's personal impressions and the change in the socio-political situation in Russian history in the 1930s–1950s. As a result of the analysis, vocal and instrumental episodes that are present in the verse and prose texture of the two epics, as well as their role in revealing historical themes, are revealed. Holistic study allows us to compare musical imagery with content, plot-compositional, versification-stylistic structure of epic genres, in which there is an interaction between modernist and realistic poetics. Disclosure of musical imagery is carried out in unity with the comprehension of the characters of the characters, the main problems and ideological dominants of the works. Theoretical and literary study of the poetic, novelistic, epic specifics leads to the conclusion about the symphonism of Selvinsky's poetic epic.

Keywords: I. L. Selvinsky, theme of the Arctic, epic poem «Chelyuskiniana», epic novel «Arctic», poetic epic, artistic historicism, musical imagery, symphonism.

УДК 82-94

**БАРОН ДЕ БАЗАНКУР:
ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ II. «НЕИСТОВЫЕ» ЧЕРТЫ РОМАНА-ФЕЛЬЕТОНА**

Орехов В. В.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Республика Крым, Россия
E-mail: v-orehov@mail.ru*

Фредерик Жозеф де Базанкур вошел в историю как романист, военный корреспондент, историк Крымской войны. Во второй части предлагаемой статьи рассматривается литературная деятельность барона де Базанкура конца 1830-х – начала 1840-х гг. В этот период автору удалось наладить сотрудничество с известными периодическими изданиями: «La Presse», «Le Figaro», «Le Messager des Chambres», «La Sylphide». Помимо театральных обзоров, Базанкур размещал здесь свои беллетристические тексты. Анализ этих произведений демонстрирует, что писателю были не чужды художественные эксперименты в направлении бытописания и реалистической типизации, но в целом он оставался приверженцем принципов «неистового» романтизма. Значительное влияние на его произведения оказали жанровые требования романа-фельетона, характерные для «серийной продукции» вообще. Этот период творчества позволил барону де Базанкуру расширить связи в мире журналистики и литературы, сделал его имя известным широкому кругу читателей, но не позволил ему подняться выше уровня беллетристики второго плана.

Ключевые слова: барон де Базанкур, роман-фельетон, неистовый романтизм, физиологический очерк, цикл повестей.

ВВЕДЕНИЕ

В первой части статьи [9] мы выяснили, что Фредерик Жозеф Лека де Базанкур (более известный как *барон де Базанкур*), был отпрыском дворянских семейств. Его мировоззрение формировалось во многом на основе интеллектуальных традиций французской аристократии XVIII в., что предопределяло его литературные интересы, политические взгляды и круг общения. Первым серьезным литературным опытом Базанкура был роман «Летучий эскадрон королевы (1560)», выпущенный в 1836 г. [29] и посвященный эпохе Екатерины Медичи. Ориентируясь на открытия романтической литературы, автор пытался совместить в этом довольно объемном произведении исторический и вымышленный сюжеты и подсказать читателю некие историософские выводы. Роман не стал художественным открытием: повествовательное единство не было абсолютным, нарративная тактика обнаруживала неожиданные и существенные перепады, историческая концепция не отличалась актуальностью. Но при всем том в тексте были динамичные и увлекательные сцены, порою довольно красочно представлялся исторический колорит, стиль изложения в целом был легким и изящным. Так что роман встретил в целом благожелательный прием у публики, и это, надо полагать, воодушевило молодого автора на дальнейшую литературную деятельность. В ближайшие годы барон де Базанкур будет сотрудничать со многими периодическими изданиями и выпустит в свет целый ряд художественных произведений. Цель настоящей статьи – выявить художественные принципы, которыми руководствовался барон де Базанкур в конце 1830-х – начале 1840-х гг. при создании произведений в жанре нового и чрезвычайно популярного в ту пору романа-фельетона.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Victor Bonin, или «Приключения» одного псевдонима

Итак, роман «Летучий эскадрон королевы» принес барону де Базанкуру первую литературную известность. Следующий этап его литературной биографии, который удается отследить, – период активного сотрудничества с газетами на рубеже 1830-х – 1840-х гг. Бельгийский исследователь Мишель Брикс указывает, что в 1838 г. Базанкур писал «Хроники парижской жизни» для газеты «Le Messenger des Chambres» (или «Le Messenger», как ее чаще называли). В том же издании Базанкур помещал исторические повествования и статьи о театре [38, р. 202]. При этом «Хроники...» Базанкур подписывал литерой «В...» (или «В») [38, р. 194], а театральные статьи – псевдонимом Victor Bonin. С этим псевдонимом при жизни Базанкура возникла путаница, которая на протяжении ряда лет вызывала дополнительный интерес к его личности, а сегодня помогает оценить степень «узнаваемости» писателя в начале его карьеры, и на этом стоит остановиться подробнее.

В 1845 г., пожалуй, самый известный библиограф того времени Жозеф-Мари Керар опубликовал небольшой справочник «Переодетые авторы французской литературы XIX века: библиографический очерк в дополнение к исследованию А.-А. Барбье о псевдонимах». Значился здесь и барон де Базанкур. Казус, однако, в том, что Керар принял истинное имя за псевдоним, а псевдоним – за имя. Так и получилось, что «де Базанкур» – это псевдоним Виктора Бонона [«Bonon (Victor)»] [56, р. 21, 60].

В 1847 г. Жозеф-Мари Керар начал издание уже 5-томного словаря псевдонимов «Разоблаченные литературные обманы» (1847–1856). Здесь была представлена более подробная информация о Базанкуре, но Керар все так же оставался в убеждении, что истинное имя литератора – Виктор Бонон. Более того, составитель высказал догадки о происхождении «псевдонима» «Базанкур»: «Является ли это литературное имя чистой фантазией или это название родины литератора? У нас во Франции есть два селения под названием Базанкур: одно – в департаменте Уаза, а другое – в департаменте Марна» [57, р. 92].

Этот и другие просчеты Керара сразу были замечены библиографом и журналистом Огюстом Витю, который в начале 1848 г. на страницах еженедельной газеты «La Silhouette» довольно едко раскритиковал первые тома выпущенного Кераром указателя, подписав при этом свою рецензию псевдонимом «Le Rat». Среди прочего, О. Витю саркастично назвал информацию о Базанкуре «маленькой клеветой» и отметил, что «барон де Базанкур» – имя настоящее [58, р. 37–38].

Чтобы объективно оценить дальнейшую реакцию Керара, следует понимать, что его труд содержал колоссальный объем информации, при котором ошибки, во-первых, неизбежны, а во-вторых, незначительны по сравнению с важностью собранных и обобщенных фактов.

О добросовестности Керара говорит, скажем, то, что, отыскивая сведения о бароне де Базанкуре, библиограф обратился к Реестру книгополучателей Королевской библиотеки, чтобы выяснить точное название должности литератора в Компьенской библиотеке. Затем Керар перечислил произведения Базанкура,

вышедшие отдельными изданиями, и ряд из них снабдил аннотациями, раскрывающими содержание этих сочинений. Керар указал также некоторые журнальные повести, упомянул о сотрудничестве Базанкура с газетой «Le Messenger» и другими газетами и даже сообщил о романе Базанкура «Thomas Grivel» [«Тома Гривель»], который лишь готовился к печати [57, р. 93]. Словом, Керар, собрал информацию, которая и в наши дни имеет немалую ценность, и объяснимо, что злые упреки в мелочных недочетах его сильно задели. Тем более что случай такого рода был не первым. Хотя Керар и зарекомендовал себя как специалист, «неутомимый в проверке дат и названий, исправлении ошибок, раскрытии плагиатов», но издание знаменитых биобиблиографических указателей доставило ему «множество врагов, еще более умножившихся» [16, с. 950] после издания указателя псевдонимов.

Впрочем, трудно представить более остроумную форму ответа, чем та, что изобрел Керар. У него в работе находился четвертый том того самого словаря псевдонимов «Разоблаченные литературные обмань». Этот том должен был содержать информацию о псевдонимах, начинающихся с литер R–Z. И Керар с полным на то основанием внес сюда псевдоним своего обидчика Огюста Витю – «Rat (Le)». Причем он не просто раскрыл истинное имя автора, но и включил в соответствующую биобиблиографическую статью свои весьма объемные ответы на замечания, сделанные Ветю в «La Silhouette» по поводу двух первых томов словаря. Не обошел вниманием Керар ошибку с Базанкуром. Прочитируем полностью, но для начала скажем, что Керар допустил «игру словами», основанную на том, что псевдоним Витю «Le Rat» буквально можно перевести как «крыса». Достаточно написать псевдоним без указания «г-н», и «г-н Ле Ра» «превращается» в «крысу», чем не преминул воспользоваться Керар:

«Характер этой критики – злоба и легкомыслие. Что до 92 страницы, которую цитирует г-н Ле Ра, то мы же сами сделали там примечание, которое помогает вскрыть ошибку, допущенную нашим сотрудником. Но и такая добросовестность не застрахована от сарказма Ле Ра. Он вовсе не признает, что “Виктор Бонон” – псевдоним, принятый г-ном бароном де Базанкуром для его театральных статей в “Messenger”; это было бы чуть ли не справедливо по отношению к нам, но мы не должны ждать этого от Крысы из “Силуэта”» [58, р. 38].

При первой возможности Керар сделал «работу над ошибками». В пятом томе словаря (1853) он акцентировал внимание на том, что Базанкур является литератором [59, р. 262], что «Лека» является частью его полного имени и что он использует псевдоним «Bonin (Vikt.)» [59, р. 262] (курсив мой. – В. О.).

В 1869 г. появилось дополненное издание словаря. Керар к тому времени уже ушел из жизни (он умер, как и Базанкур, в 1865 г.). Работу над словарем завершали последователи библиографа. В статью о Базанкуре было включено разъяснение ошибки, допущенной когда-то в отношении псевдонима:

«В результате довольно необычного недоразумения, допущенного одним из наших сотрудников, мы были вынуждены внести имя барона де Базанкура в наш перечень псевдонимов. Наш сотрудник, зная, что театральные статьи в «Messenger» за подписью «Виктор Бонин» (Victor Bonin) вышли из-под того

же пера, что и несколько прекрасных романов под именем де Базанкура, не колеблясь, принял литературное имя за настоящее, что большая ошибка. Г-н де Базанкур – племянник г-д Баранта и Моле и брат одной остроумной и скромной дамы, автора новелл столь очаровательных – "Деревенский лекарь" и других, – что любопытство заставило нас разузнать имя их автора: теперь нам известно, что мы обязаны этими произведениями изящному перу графини Луаре д'Арбувиль <...>» [60, р. 471].

Заметим, что и написание псевдонима было изменено самим Кераром в 1853 г.: «Vonin» вместо «Vonon» [59, р. 262]. Но «приключения» псевдонима этим не исчерпываются. Еще в 1850 г. на первое издание словаря псевдонимов Керара отреагировал адвокат и административный деятель из Лиля Пьер Легран. В своем благожелательном разборе он рассказывал о наиболее любопытных примерах литературной подмены имен и упоминал при этом барона де Базанкура, скрывавшегося за псевдонимом Victor Bonnin [47, р. 51; 48, р. 1; 49, р. 494]: то есть трансформировал «Vonin» в «Bonnin». Поскольку разбор П. Леграна продублировали сразу три издания [47–49], то такое написание как бы узаконилось. Видимо, именно на публикации П. Леграна опирался Жорж д'Эйи, который в 1869 г. выпустил расширенное издание собственного словаря псевдонимов, где указал, что имени «Базанкур» соответствует псевдоним «Bonnin» [45, р. 35]. Словом, в справочной литературе газетный псевдоним Базанкура бытует в трех начертаниях: «Vonon», «Vonin» и «Bonnin».

Для нас же важен тот вывод, что публикации литератора в «Le Messenger» были замечены и воспринимались как результат профессиональной деятельности театрального критика. Прибавим, что Базанкуру, кажется, удалось «ужиться» в редакции газеты, во всяком случае, ее главный редактор историк Жан-Батист Капефиг позднее признавался, что «очаровательный барон де Базанкур» являлся его другом [39, р. 157].

Первые романтические повести

В 1838 г. Базанкур сотрудничал и с газетой «Le Figaro», но без использования псевдонима. Барон де Базанкур неоднократно упоминался среди членов редакции наряду с такими известными литераторами как А. Дюма, Т. Готье, Ж. Сандо и др. [41, р. 1; 42, р. 1; 43, р. 1], причем в «Le Figaro» его перу также принадлежали театральные новости.

В 1838 г. началось и сотрудничество Базанкура с газетой Эмиля де Жирардена [6, с. 238] «La Presse», где барон опубликовал небольшую повесть «Гастон де Фуа» («Gaston de Foix») [22]. Формально ее можно было бы отнести к разряду исторических, поскольку действие разворачивается в 1389 г. Главный герой – граф Гастон де Фуа – крупный феодал, не привыкший подчиняться даже королю Франции и беспрестанно воюющий с соседями [22, № 185, р. 3]. Он типичный в литературных представлениях романтизма средневековый рыцарь – мужественный, наделенный сильным характером и безудержными эмоциями, и крайне деспотичный. Шурин Гастона де Фуа и его враг, король Наваррский, с помощью обмана старается устроить покушение, при котором малолетний сын Гастона, сам того не ведая, подсыпал бы яд

своему отцу. Однако по случайности от яда гибнет не Гастон, а его второй сын. Гастон заставляет без вины виноватого сына выдать сообщников, но тот молчит, боясь, что подозрения падут на его мать – сестру короля Наваррского. Так он и гибнет от руки Гастона, жертвуя собою ради матери. Фактически сюжет никак не связан с исторической реальностью, он лишь вмонтирован в антураж, составленный из стандартных литературных представлений о рыцарских временах: феодальные замки, суеверия и жестокость нравов.

В том же, в 1838 г., свет увидела повесть Базанкура «Всеобщий приют в Дьепе» («Hospice général à Dieppe») [26]. Она вошла в двухтомный сборник «Диамант с десятью гранями» [Un diamant à dix facettes], изданный по инициативе литератора Эдуарда Сюо де Варенна (É. Suau de Varennes) [17, p. 3]. Здесь же были помещены произведения Фредерика Сулье, Поля де Кока, Роже де Бовуара и др. известных авторов.

Сюжет повести мрачен. События разворачиваются в современную Базанкуру эпоху. Муж светской дамы, узнав об измене, приходит в ярость, граничащую с безумием. Он убивает любовника, а беременную супругу держит взаперти, чтобы оставить в тайне рождение внебрачного ребенка. Затем он разлучает родившегося младенца с матерью и отдает его в приют.

Следует отдать должное автору. Используя «перевернутую» композицию, он сумел сохранить интригу почти на всем протяжении повествования. Уверенный и изящный стиль изложения должен был импонировать читателю. В то же время заметно, что Базанкур злоупотребляет напряженными диалогами и сценами. Нестандартность ситуации, нагромождение ужасных событий – все говорило о том, что Базанкур следует канонам «неистового романтизма», который к тому времени уже не выглядел художественным новшеством, но все же сохранял свои позиции. И обратим внимание еще на одну особенность, которую встретим и в позднейших произведениях Базанкура. Это наличие нравственного вывода, который хоть и не декларируется, но все же подсказывается читателю: грех супружеской измены приводит героиню повести к «боли и раскаянию» [26, p. 269]. Все «неистовства» сюжета как бы оправдываются необходимостью такого нравственного урока.

«Последнее воспоминание»

В 1839 г. Базанкур выпустил очередной роман: «Последнее воспоминание» [35]. По существу, это цикл светских повестей, объединенных рамочной композицией и образом повествователя. Предисловием служит «письмо» к сестре, фрагмент которого целесообразно процитировать:

«Я не стану говорить тебе, сестра, как зачастую говорят иные: жизнь – грустная штука; поскольку ныне, знаешь ли, это проявление хорошего вкуса, – когда ты молод, когда тебе едва исполнилось двадцать пять, судить о жизни, как об изношенной вещи, быть уставшим от нее и смотреть на смерть, как на довольно оригинальное развлечение, позволяющее избавиться от житейской тоски. Говорящие это так не думают, а, скорее всего, и никогда так не думали; им скучно от жизни, как скучно от спектакля или бала. Бедные юноши, для рассеяния превращающие себя в преждевременных старцев.

Но я скажу тебе, сестра, тебе, знающей, что для меня это глубокая мысль, а не пустые слова: порою в жизни случаются очень жестокие дни и очень грустные часы, и на большой дороге жизни не в нашей воле избежать того, что тебя ранит, не в твоей воле заглушить в тишине боль полученной раны» [35, т. 1, с. VIII–IX].

Этот пассаж – интересное отражение перелома, который происходил в литературе. Романтизм уже давно канонизировал «разочарованного героя» как исключительную личность. В ответ реальность демонстрировала, с одной стороны, моду на подражание «разочарованному герою», а с другой – объективное существование условий, позволявших значительной части общества пресытиться благами светского существования и в них разочароваться. Скучающий юноша-аристократ оказывался не исключительным явлением, а распространенным социальным типом. Складывалась ситуация, когда и романтическая, и реалистическая литература повествовали о «разочарованных героях», но «герои» эти были разными. Писателю, ступившему на путь реалистической типизации, приходилось пояснять читателям, что его персонаж – не воспетая романтической литературой исключительность, а обыденное явление реальности – «добрый приятель» автора (как у А. С. Пушкина) или «современный человек», которого автор «слишком часто встречал» [3, с. 6] (как у М. Ю. Лермонтова).

Но и писателю-романтику теперь приходилось пояснять читателям, что его «герой» не распространенный общественный типаж, а личность, выделенная из людского потока незаурядностью индивидуальных способностей, чувств или обстоятельств. Романтический «разочарованный герой» все более воспринимался публикой либо как атрибут тривиальной действительности (пусть и соотносимый отчасти с романтическими персонажами [8, с. 455–456]), либо как литературная условность, и чтобы сделать романтический образ убедительным, автору приходилось проявлять изобретательность. В данном случае Базанкур, завоевывая читательское доверие к персонажу, сам входит в роль романтического героя – сообщает сестре, что дальнейшее повествование основано на событиях его собственной жизни. По его словам, семь лет назад он был влюблен в некую леди Эмилию, однако возлюбленная относилась к нему, словно к игрушке, что нанесло ему глубокую душевную рану. Теперь после долгой разлуки он встретил ее на балу, что стало поводом поделиться на бумаге последним воспоминанием о пережитой когда-то несчастной любви.

Это «письмо сестре» – прием, рассчитанный на восприятие широкого круга читателей. Но оформлено оно со всеми атрибутами автобиографизма. Автор подписывает его своим именем – барон де Базанкур. Да и адресат узнаваем – это родная сестра писателя Луиза д'Арбувиль. Долгое время она отсутствовала в Париже, сопровождая своего мужа-офицера по гарнизонам. Однако около 1838 г. полковник д'Арбувиль был командирован в Африку [52 р. 241], куда супруга не могла последовать за ним из-за пошатнувшегося здоровья [18, р. XI]. Мадам д'Арбувиль обосновалась в Париже, устроив один из самых известных салонов, где частыми гостями были многие литераторы и аристократы [62, р. 47; 46, р. 160]. Реальность адресата и адресанта придавала повествованию вид документальности. Это был лишь

«фантом биографизма» [2, с. 457]; Базанкур таким образом размывал границу между лирическим героем и образом автора [10, с. 52], и дальнейший текст должен был восприниматься читателем как исповедь самого писателя.

Первая повесть цикла – воспоминание «автора» о событиях из «своей» жизни. Неискушенный юноша двадцати лет оказывается в загородном поместье в аристократической компании. Его наивность привлекает внимание заскучавшей красавицы леди Эмилии, которая пробуждает в поэтичном юноше нежное чувство. При встречах в уединенном парке он читает ей рукописи из своего альбома, а по желанию леди Эмилии назначается крайний срок этих невинных свиданий – пока альбом не окажется заполнен его сочинениями. Всякую ночь он пишет очередной фрагмент, чтобы днем прочесть его возлюбленной. Неожиданно происходит разрыв: юноша случайно услышал признание леди Эмилии, что для нее эти отношения были лишь способом развеять скуку. Он расстается с ней, но в память альбом сохранил две написанные для нее повести, которые теперь и выносятся на суд читателей.

Одна из них носит название «Стефано» – по имени главного героя. Он итальянец, который рано осиротел и познал ужасные тяготы нищеты и одиночества. Это воспитало в нем трагизм мироощущения и благородство характера. Он получает место наставника в дворянском имении, где встречает самый теплый прием. Задачу воспитания воспринимает с готовностью к самоотречению: «Я ограничу все свое будущее воспитанием этого маленького ребенка; моим единственным счастьем будет направить его сердце к добру и добродетели <...>» [35, т. 1, с. 136]. Однако его ждет испытание: он полюбил мать своего воспитанника графиню Альберту – «наивную молодую женщину, вся жизнь которой прошла чистой, как жизнь ее ребенка» [35, т. 1, с. 156]. И Стефано принимает самоотверженное решение – любить ее тайно и бескорыстно.

Между тем в доме появляется новый персонаж – парижский повеса маркиз д'Эскарвиль, который пытается соблазнить Альберту. Теперь миссия Стефано – защитить добродетель возлюбленной и мир ее семьи. Противостояние с маркизом он воспринимает как борьбу нравственных начал: «<...> Ты хочешь потерять эту женщину, а я хочу ее спасти; это рукопашная схватка добра и зла; я добрый ангел, а ты злой гений» [35, т. 1, с. 156]. Наконец, Стефано приходится идти на крайнюю жертву – перед супругом Альберты он берет на себя чужую вину за любовные послания к ней. Следует поединок, но поскольку муж Альбертины почти слеп, то в место него со Стефано стреляется маркиз д'Эскарвиль – истинный виновник драмы. Стефано получает смертельную рану, но успевает своими предсмертными словами вызвать раскаяние в душе маркиза. В результате Стефано умирает на руках сохранившей добродетель Альбертины, а маркиз навсегда покидает ее дом.

Некоторые моменты автору явно удались. Скажем, борьба в душе Альбертины, когда забота о больном ребенке вытесняет мысли о маркизе д'Эскарвиле, показана с психологической убедительностью. С достоверностью изображены, например, эмоции маркиза во время дуэли. Вид раненного противника вызывает в его сознании мгновенный переворот: «Артур испустил невольный крик и тем инстинктивным движением, которое так часто гасит ненависть перед лицом текущей крови, бросился к Стефано, чтобы помочь ему» [35, т. 1, с. 311]. Однако в целом психология героев и

логика обстоятельств подчинены лишь авторской воле, а не природе вещей. Так и остается не ясным до конца, каким образом готовность Стефано взять на себя чужую вину могла защитить репутацию графини. Очевидно, что этот момент необходим автору лишь для того, чтобы добиться главной цели – показать высший образец мужского самоотречения ради возлюбленной. Диалоги в повести зачастую затянуты, и особенно это касается напряженных сцен. Скажем, предсмертные речи Стефано, обращенные к Альбертине и маркизу д'Эскарвилю, занимают более десятка страниц [35, т. 1, с. 323–335] и перемежаются описанием чисто театральной жестикуляции. Однако в сознании читателя все эти недостатки должны были оправдываться тем, что, в соответствии с изначальной установкой повествователя, произведение это писалось экзальтированным двадцатилетним юношей исключительно для своей возлюбленной.

Далее в книге следовала еще одна повесть «из альбома» – «Любовь и тщеславие». Главный герой – юноша из большого света Адольф, который ради выгодного брака бросает возлюбленную – бедную девушку Мари. Она молит господу о смерти, и в это время некая сверхъестественная сила предлагает ей сделку: она получит внешность древней старухи, но если найдется человек, который «будет любить ее для себя, а не для других» [35, т. 2, с. 69], то в глазах этого человека ее юность и красота возродятся. Привлечение подобных элементов фантастики не являлось в ту пору революционным приемом; достаточно вспомнить написанный несколькими годами ранее роман «Шагреновая кожа». И все же этот поворот сюжета открывал перед автором возможность любопытных психологических экспериментов и, наверняка, должен был заинтриговать читателя.

В облике старухи Мари встречает Адольфа, терзаемого тоской по оставленной им возлюбленной. В беседах с Мари он чувствует духовное родство с ней, и в нем просыпается чувство, которое позволяет ему видеть Мари в ее прежнем очаровании юной красоты. Между тем их взаимное счастье длится недолго. В глазах общества Мари все так же выглядит старухой, что рождает постоянные насмешки над Адольфом. Он отчаянно борется с уязвленным тщеславием, дерется на дуэли, но Мари чувствует, что противостояние с обществом делает его несчастным. И тогда она вспоминает о второй части фантастической сделки: на какой-то миг она может предстать перед обществом в прежней красоте, но после этого неизбежно умрет. В результате она жертвует собой: на балу при изумленной публике танцует с Адольфом в образе юной прекрасной Мари, и тут же умирает.

Итак, цикл повестей «Последнее воспоминание» объединен мыслью о безграничном самопожертвовании. Но вот любопытная деталь. За последней повестью цикла следует еще одна повесть с предуведомлением от издателя, что он по своей воле решил завершить том текстом того же автора, где читатель найдет «ту же наблюдательность, то же истинное чувство, энергию и жар стиля, <...> которые отличают талант этого писателя» [35, т. 2, с. 299]. Такое вмешательство в авторский замысел, конечно, объяснялось чисто издательскими соображениями (желанием дотянуть том до нужного объема) и могло вызвать диссонанс между текстами. Диссонанса, однако, не было.

«Дополнительная» повесть называлась «Смертельная тайна». Предсказуемо, что эта «тайна» сопровождает жизнь главного героя – Девиды, учительствующего в Германии. Его связывает взаимная любовь с юной Дельфиной. Однако это чувство приносит им лишь горечь, поскольку есть некие обстоятельства, в которых Девид не может признаться любимой, но которые делают невозможным их счастье. В конце концов, выясняется, что Девид – бывший французский военный, разжалованный в 1828 г. за рукоприкладство в отношении своего начальника и всю жизнь вынужденный скрываться. В финале повести он покончил с собой, чтобы тень от его преступления не пала на Дельфину.

Словом, во главе угла – все тот же мотив жертвенности ради любимого человека, так что эта повесть вполне согласовалась со всеми элементами цикла «Последнего воспоминания». Автору достаточно было внести минимальные изменения в «рамочный» сюжет, которым открывается первый том (указать, что для леди Эмили было написано не две, а три повести), чтобы эта повесть «вписалась» в цикл совершенно органично. Но, видимо, к моменту написания «Смертельной тайны» первый том уже был напечатан, а потому и пришлось «присоединять» новую повесть к циклу механически – посредством издательского уведомления. Это выглядело некоторой натяжкой, но все же двухтомник «Последнее воспоминание» был принят критикой благосклонно.

«Le Courrier français», анонсируя роман, предрекал ему «блестящий успех», поскольку читатель найдет в нем «могучие страсти, энергичный стиль, достоверность деталей и расточительное богатство новых и оригинальных идей» [50]. Обозреватель парижского еженедельника «Outre-mer» Луи-Ксавье Эйма был еще более красноречив:

«Это история сердца, изложенная изящным и возвышенным слогом <...>. Это любовь одновременно и земная – по желаниям и страстям, и небесная – по высокой жертвенности и чудесной преданности. Эта любовь подобна ангелу-хранителю, который укрывает своими белыми крыльями женщину и бережет ее от всякой скверны, от ядовитых укулов, направляет ее не грубым инстинктом ревности, а божественной любовью. <...> Сейчас книга г-на де Базанкура имеет истинный успех в салонах; в особенности дамы, чье сердце столь восхитительно поэтизировано в этой книге, припадают к ее страницам, и многие омывают их слезами» [40].

По наблюдению Ж.-М. Керара, о романе «благосклонно отзывались почти все столичные газеты» [55, p. 215]. Пожалуй, нельзя исключать, что такой результат мог отчасти объясняться действием т. н. «camaraderie littéraire». Это выражение, очень удачно переведенное В. А. Мильчиной как «литературная приязнь» [7], обозначало похвалу в прессе по субъективным мотивам. А поскольку связи Базанкура в мире журналистов к тому моменту уже были довольно обширны, то он, наверное, мог рассчитывать на приятельскую поддержку критиков. Но так или иначе, а роман (или цикл повестей) должен был считаться успешным, и это явно воодушевило автора. Его повести довольно часто появлялись на страницах периодической печати. В газете «Le Messager des Chambres» были помещены «Пастух» [Chevtier] и «Портрет женщины» [Portrait de femme] [55, p. 215]. Регулярно продолжала печатать Базанкура «La Presse». Автор расширял свои литературные знакомства, и здесь следует особо сказать о сотрудничестве с известным издателем и редактором Ипполитом де Вильмессаном.

О жертвах «роковых страстей»

В тот период Вильмессан только начинал издательскую и журналистскую карьеру. Осенью 1939 г. он выпустил первый том основанного им журнала мод, литературы, театра и музыки «Сильфида» («La Sylphide»). Редактор сразу проявил способность привлекать к сотрудничеству самых популярных авторов. Интересно, что уже со второго тома Базанкур начал публиковаться в «Сильфиде», и Вильмессан, имевший обыкновение сопровождать каждый том редакторским обращением к читателю, упоминал барона среди литературных знаменитостей, обогативших содержание журнала. И поскольку Базанкур часто печатался в «Сильфиде» [20; 21; 27; 34; 36; 37], то читатель регулярно встречал его имя в одном ряду с именами Альфонаса Карра, Жюля Сандо, Фредерика Сулье [63, р. 2], Леона Гозлана, Эммануэля Гонсалеса [64, р. 2], Роже де Бовуара, Теофиля Готье [65, р. 2], маркиза де Сальво, Александра Дюма [66, р. 2] и мн. др.

Базанкур дебютировал в «Сильфиде» в 1840 г. небольшой новеллой «Подвенечное платье» [36], выполненной в форме «светской были». Главный герой – юный аристократ Артур бросает возлюбленную – бедную девушку Мари ради невесты из своего круга. Его мучают угрызения совести, а подвенечное платье, сшитое Мари, по странному стечению обстоятельств постоянно преследует Артура как символ его вины перед возлюбленной. Мари умирает, не вынеся душевного удара. Невеста Артура узнает ее историю. Свадьба Артура состоялась, но гибель Мари ложится трагической печатью на судьбу молодоженов.

Нагнетаемый трагизм превращался для Базанкура в основной эстетический принцип, и интерес редакций к писателю косвенно говорит о популярности его произведений. Публика той поры ждала трагических развязок, и авторы конструировали их в избытке. Однако всякая трагическая коллизия требует указания или хотя бы намек на ее причину. Как мы могли уже заметить, у Базанкура в качестве таких причин, как правило, выступали греховная страсть или светское небрежение к морали. Наряду с этим востребованным оказывался и мотив рока. Это касается, скажем, повести «Луиза Дальмар» [30], опубликованной в газете «La Presse» в 1840 г. Сюжет очень напоминает пушкинскую «Метель»: юные влюбленные задумали обвенчаться тайно от родителей, но этому мешает случайность, надолго разлучающая их. Их сводит случай, но, в отличие от «Метели», развязка трагична. Главная героиня уже замужем, а главный герой не находит в себе сил снова расстаться с ней. В результате муж героини, человек достойный и нежно ее любящий, заканчивает самоубийством, она – до конца дней обречена испытывать чувство вины, ее несостоявшийся жених покидает родину.

Одна из газетных повестей Базанкура даже перешагнула французские границы и была переведена на русский язык. В сентябре 1840 г. писатель поместил в «La Presse» повесть «Елена. История одной оперной ложи» [23]. В том же году она была перепечатана на языке оригинала российским журналом «Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts» («Иностранное обозрение литературы, наук и искусств») [25]. Это было довольно известное издание, выходившее с 1832 г. и весьма оперативно печатавшее иностранные литературные новинки [14, с. 341]. Но еще более показательным, что в том же 1840 г. «Отечественные записки» успели

опубликовать перевод этой повести [1]. Легко понять, что привлекало в ней издателей. Базанкур уже успел выработать изящную манеру письма, которая превращала повествование в образцовое подобие остроумной светской беседы. И неслучайно Базанкур зачастую (и в этой повести тоже) вводил в текст образ светского рассказчика, из уст которого читатель узнавал очередную занимательную, таинственную и трагичную историю из великосветской жизни. Итак, перед читателем раскрывалась тайна графини Елены. Ей 20 лет, и она замужем за 50-летним суровым генералом, который, впрочем, относится к ней с искренней нежностью. Спокойствие ее жизни нарушается взаимным чувством любви, которая вспыхивает между нею и молодым генеральским адъютантом. Оставаясь верной супружескому долгу, она отчаянно борется с чувством и убеждает адъютанта покинуть страну, на что тот благородно соглашается. Последняя их встреча происходит в опере, где этим вечером давали «Гугенотов» Джакомо Мейербергера. Адъютант случайно слышит от зрителя-незнакомца оскорбительные домыслы в отношении графини, вызывает клеветника на поединок и погибает. Елена страдает, а опера «Гугеноты», во время которой произошла роковая ссора и в сюжете которой есть сцена поединка, превращается для нее в мучительное напоминание. Между тем генерал, поверив светским наветам и подозревая жену в измене, изобретает жестокий род наказания: он принуждает графиню отправляться в оперу всякий раз, когда там дают «Гугенотов». В результате этой изощренной психологической пытки здоровье Елены надламывается, и она умирает.

Это «взвинчивание» страстей было в русле моды. Современный исследователь В. Г. Мехтиев отмечает, что в конце 1830-х – начале 1840-х гг. «Отечественные записки» напечатали целый ряд подобных французских произведений и приходит к выводу, что причина тому – «необычайная популярность в 1840-е годы переводных “неистовых” романов» [5, с. 28]. Критиков это наталкивало на вопрос о том, имеет ли нарочитое изображение страданий, ужасов и зла «глубокое нравственное значение» [5, с. 28]. Нет сомнений, что размышлял об этом и Базанкур. Именно поэтому почти всякое его произведение включало мотив расплаты за грехи, и это в какой-то мере оправдывало изображение страданий. Но это и рождало ощущение явного упрощения, банальной нравоучительности, которая в 40-х гг. XIX в. могла восприниматься как некоторая архаика. И Базанкур искал более убедительное «нравственное значение».

Между «неистовым» каноном и реальностью

Уже в «Истории одной оперной ложи» просматривалась мысль, что причиной трагедии послужила не только жестокость генерала, но и обширное, общественное зло – разрушительное действие светской клеветы. В 1841 г. Базанкур сделает эту проблему ключевой в повести «Мадмуазель Сенневиль» [32].

Эта повесть – переосмысление известного нравоучительного сюжета. Заглавие повести – «Мадмуазель Сенневиль» – отсылало к роману «Граф де Вальмонт, или Заблуждения разума» [44], опубликованному в 1774 г. священником Филиппом-Луи Дераром. Это была история аристократа, который, вступая в борьбу с соблазнами и собственными слабостями, ищет путь к религии. Роман был популярен и

переиздавался множество раз, в том числе и в первые десятилетия XIX в. Кстати, в переводе многократно издавался в России.

У Ф.-Л. Дерама мадмуазель Сенневиль – сирота, которая находит приют в доме графа и графини Вальмонт. Графиня испытывает к ней искреннюю дружескую привязанность, а граф – страсть, которая может разрушить семью. Однако благочестивая добродетель Сенневиль, самоотверженное терпение и великодушные графини Вальмонт, отеческие советы людей старшего поколения позволяют сохранить святость супружеских уз и честь мадмуазель Сенневиль. Это была своего рода идеальная программа противостояния греховным побуждениям, результатом которой закономерно должна была служить счастливая развязка.

Базанкур переносит действие в современность и радикально перекраивает сюжет. У Базанкура мадмуазель Амели Сенневиль – главная героиня; она сирота, воспитанная в монастыре. По достижении совершеннолетия поселяется в доме своей старшей сестры графини Турваль, где ее окружают теплые семейные отношения. Интрига, однако, в том, что в графиню влюблен блестящий светский юноша, постоянно посещающий дом Турвалей. Графиня, ставя во главу угла семейное благополучие и супружеский долг, полагает необходимым прервать отношения с влюбленным юношей и для решительного объяснения впускает его в свою комнату. После состоявшегося разговора юноше, чтобы не попасть никому на глаза, приходится выбираться из дома через комнату спящей Сенневиль. В этот момент его все же замечают, что становится пищей для светских толков о «любовном романе» мадмуазель Сенневиль. Девушка оказывается отторгнутой всеми, даже не догадываясь о причине такого поворота событий. Это причиняет набожной и наивной душе сильные страдания, и окончательным ударом оказывается расторжение помолвки с ее возлюбленным, который принимает за правду светскую клевету на Сенневиль. В результате девушка умирает.

Здесь уже нельзя было «списать» трагический исход на романтического «злодея», на вопиющее пренебрежение кем-то из героев к основам нравственности, на роковую случайность. Внимание сосредоточивалось на губительной социальной проблеме. И это в сочетании с умением Базанкура удачно схватить портреты характерных светских персонажей, живо передать обыденные светские диалоги противопоставляло повесть романтическим штампам и должно было побуждать к анализу реальности.

Хорошо известная Базанкуру действительность светской жизни «просилась под перо» в достоверном отражении, а романтические преувеличения мешали этому. И порою заметно, что автор искал возможность снизить накал трагичности, не теряя при этом эффект занимательности и нравственного урока. Речь, в частности, идет о повести «Игра кокетки» [27], опубликованной в «Сильфиде» в 1840 г. Любопытно, что автор здесь перерабатывает свой собственный сюжет, легший в основу рамочной части цикла «Последнее воспоминание» (1839). Экспозиция та же: компания светских людей живет в загородном поместье и находится в постоянном поиске средств развеять скуку. Среди них есть юноша-поэт, чуждый общему веселью – Родольф, и молодая красавица-вдова – леди Алисия, ради забавы решившая разбудить страсть в его сердце.

Далее начинаются значительные расхождения с прежней интерпретацией сюжета. Лирическая составляющая Базанкуром полностью исключается: главный герой уже не ассоциируется с личностью автора; внимание не фокусируется на переживаниях главного героя, а обращено к психологии всех участников интриги, в которую втянуты дополнительные персонажи. Завязкой служит «заговор» женской части компании: дамы бьются между собою о заклад, что леди Алисии удастся победить холодность поэтичного юноши. В результате к желанию Алисии рассеяться примешивается тщеславие. Алисия организовывает «случайные» встречи с Родольфом. Поначалу успехи ограничиваются лишь тем, что ей едва удается отвлечь его от чтения книги (кстати, эта книга – «История России» [27, с. 46]), но постепенно в сердце Родольфа рождается глубокое чувство.

На этом этапе в «игру» вмешивается друг Родольфа, знаток светских нравов и женского кокетства, Леон де Мальвиль. Догадавшись, что Родольф превращен в жертву интриги, угрожающей превратить юношу в объект насмешек, Леон разоблачает «женский заговор», чем ставит леди Алисию в крайне щекотливое положение. Завершается история тем, что у великосветской «кокетки» остается единственный способ сохранить лицо – согласиться на замужество с влюбленным в нее Родольфом. Повесть, таким образом, завершается благополучно, причем автору удается сохранить «назидательный эффект». Впрочем, Базанкур, кажется, не был окончательно уверен в действенности этого «эффекта» без применения трагических «подтверждений». Потому он вводит в повествование небольшой вставной рассказ о некоем приятеле Родольфа, который стал жертвой кокетства и от разочарования сошел с ума. В целом же повесть ориентировалась не столько на изображение «роковых страданий», сколько на психологический анализ, который хоть и дотягивал до бальзаковской манеры, но все же был более проработанным, нежели в прежних произведениях писателя.

Это было следствием общего интереса французской литературы начала 1840-х гг. к бытописанию. В «объектив» писателей попадали характерные типажи Парижа, провинций, дальних колоний. Базанкур был знатоком высшего света и именно в этом качестве отдавал дань актуальному литературному веянию. В 1841 г. он поместил в «Сильфиде» очерк «Великосветская любовница», который, судя по рассуждениям самого автора, следует отнести к категории «физиологических»:

«Типы и физиологии сыплются отовсюду. Никому не скрыться. Самый великий и самый малый, самый блестящий и самый незаметный – всяк должен попасть в эту галерею и явить там свой лик. Забвение – лишь слово, а уединение – лишь мечта. В этом году солнце одинаково освещает всех, но среди этих типов есть один, которому, кажется, удалось скрыться, остаться в стороне, скрестив руки под покровом, за который еще не заглянул ни один любопытный.

Великосветская любовница. Вот характер – туманный, неясный, насыщенный тысячей оттенков, – который трудно понять и подвергнуть анализу» [37, р. 404]

Далее автор выводит типичные черты этого характера: тщеславие, диктующее логику всех поступков; кокетство, обусловленное этим тщеславием; лицемерие как

тактика кокетства; совершенное равнодушие к искренним чувствам, которые испытывает жертва кокетства.

Этот физиологический очерк не стал переломной вехой в творчестве Базанкура. Писатель лишь испробовал силы в новом жанре, не отдав предпочтения физиологическому бытописанию. Таков был характер беллетриста: всякий эксперимент не заставлял его покинуть привычную художественную колею, а лишь добавлял в художественный арсенал новые подходы. Потому в некоторых его произведениях совмещались контрастирующие творческие установки. Это, в частности, касается повести «Положение обязывает», опубликованной в 1843 г. в «La Presse» [33]. Главная героиня – 16-летняя Алиса, дочь обедневшего бретонского барона – решается выйти замуж за богатого старца, чтобы спасти отца от разорения. Но поскольку ее сердце уже принадлежало другому, то семейная жизнь превращается для нее в пытку, и Алиса медленно увядает. Встретив снова своего возлюбленного, она не может бороться с чувством и решается бежать с ним, но, осознав тяжесть общественного осуждения, которое обрушится на нее и на фамильную честь, принимает смертельный яд.

Очевидно, что Базанкур касается проблемы, имеющей социальное расширение: кастовые предрассудки сильнее, чем страх смерти, пугают более, чем грех самоубийства. Но читателю трудно разглядеть типичность изображенной ситуации, поскольку повествование насыщено неординарными для реальности эпизодами. Так, еще детская любовь Алисы к юноше Анри вспыхивает после того, как он спасает ее от разъяренного быка. После замужества Алисы Анри «предчувствует», что ее здоровье рано или поздно потребует врачебной помощи, и лишь на этом основании тратит несколько лет на обучение лекарскому искусству. В дом Алисы Анри попадает под видом врача и под вымышленным именем, хотя объективные причины для такой конспирации указать трудно. Наконец, повесть перенасыщена затянутыми и высокопарными драматичными диалогами, которые сопровождаются театрально выраженной жестикуляцией персонажей. Таким образом, трагическая развязка начинает видеться, скорее, как результат исключительных обстоятельств и театрализованных страстей, нежели следствие владеющих обществом предрассудков; сюжетная коллизия подталкивала к параллелям с действительностью, а романтические штампы уводили от действительности.

Художественная копилка

Манера Базанкура – пускать в ход все, что однажды было удачно апробировано, – превращало его творчество в пестрый набор довольно разнородных элементов. Это демонстрирует, например, его двухтомный сборник из четырех повестей «Рядом со счастьем» (1845) [19].

Действие первой повести, название которой вынесено в заглавие всего двухтомника, разворачивается вдали от цивилизации – в Пиренеях. Молодой путешественник-аристократ падает со скалы во время грозы, но ему на выручку приходит местный пастух. Так израненный юноша находит приют в горной хижине, где о нем заботится дочь пастуха Розина. Излечившись от ран, путешественник воспользовался доверчивостью девушки, но вскоре покинул ее, разрушив мирное

существование горцев. Далее автор развивает тему благородной местности. Через несколько лет пастух случайно снова встречается аристократа и, решаясь на возмездие, заманивает его на край ущелья. Происходит жестокая схватка, в результате которой оба противника погибают, сорвавшись в пропасть.

В следующей повести – «Замок Алтендорф» – действие разворачивается в конце XVIII в. в Германии. Хозяин замка граф Шварцберг дает приют сыну своего давнего друга, попавшего в заточение по наветам врагов. Поскольку юношу разыскивают власти, он переодевается в женское платье и выдает себя за племянницу Шварцберга. Через какое-то время юноша начинает испытывать любовь к дочери графа. Благородное сердце молодого человека не позволяет ему долго скрывать свои чувства и тайну имени, и он раскрывает секрет не только возлюбленной, но и своим гонителям. Последнее делается с явным противоречием здравому смыслу (поскольку юноше грозит тюрьма), но, тем не менее, демонстрирует благородный порыв героя. Финал, впрочем, оказывается счастливым благодаря стечению обстоятельств: с отца юноши снимаются ложные обвинения, после чего самому юноше и его любви более ничто не угрожает.

Третья повесть открывает второй том сборника «Рядом со счастьем», имеет все атрибуты и черты самостоятельного произведения, но не озаглавлена автором. Условно будем называть ее по именам главных героев – «Женни и Эдмон». Эдмон находится в тюрьме за участие в восстании, и лишь поддержка со стороны Женни позволяет ему сохранять силу духа. Между тем выясняется, что Женни некогда оказалась жертвой соблазителя, что стало тяжелым моральным ударом для ее набожной матери. И вот через долгое время после этого события у одра умирающей матери и по ее настоянию Женни дает обет посвятить жизнь искуплению невольного греха. Как только Эдмон выходит на свободу, Женни во имя данного матери обещания оставляет мирскую жизнь, навсегда отправляясь в монастырь, то есть жертвует любовью ради вынужденной клятвы.

Главная героиня повести «Луиза» – деревенская девушка, оказавшаяся в Париже и получившая светское воспитание. Превратности судьбы ставят ее на грань гибели, однако она встречает помощь со стороны молодого аристократа Шарля. Вскоре их связывает любовь: преданная и бескорыстная – со стороны Луизы, но довольно непостоянная – со стороны Шарля, который бросает бедную девушку ради равного брака. Между тем в истории появляется еще один персонаж – деревенский парень Анри, давно влюбленный в Луизу. Ставя счастье любимой выше собственного, он добивается, чтобы Шарль все же женился на Луизе. Но, потеряв таким образом возлюбленную, сам Анри умирает от отчаяния.

Как видим, в отличие от «Последнего воспоминания», где все сюжеты были связаны идеей самоотречения ради любимого человека, сборник «Рядом со счастьем» состоит из тематически разнородных текстов. Очевидно, что он составлялся по мере «накопления» самостоятельных повестей. Свое место здесь нашли даже опубликованные прежде стихи. Еще в 1843 г. Базанкур напечатал в «Сильфиде» под своим именем элегию «*Sous les grilles de fer mon âme s'est brisée...*» [34]. Теперь он «передал авторство» своему персонажу, превратив эти стихи в поэтическую исповедь заточенного в темницу героя повести «Женни и Эдмон» [19, t. 2, p. 74–77].

Даже привычный для Базанкура трагизм не стал объединяющим началом для сборника. Среди повестей явно выделяется «Замок Алтендорф», где перипетии сюжета, диалоги и счастливый финал, достигнутый благодаря «*deus ex machina*», сильно напоминают водевиль.

Заметно, что автор стремился разнообразить «локации» сюжетов, повествовательную стратегию, композиционные приемы, но этого оказывалось недостаточно, чтобы вырваться за рамки привычного канона: новые повести напоминали те, что Базанкур публиковал пятью годами прежде.

В сетях романа-фельетона

Многие приемы Базанкура объяснялись условиями издания. Легко заметить, что почти все его произведения печатались частями в газетах или журналах и принадлежали к типу публикаций, которые принято называть романами-фельетонами. Моду на подобные публикации в ежедневной прессе, как известно, ввел Эмиль де Жерарден, начавший в 1836 г. печатать частями в своей только что открытой газете «*La Presse*» «Графиню Солсбери» А. Дюма и «Старую деву» О. де Бальзака. Опыт был столь успешен, что скоро французскую прессу охватила «настоящая фельетонная лихорадка» [4, с. 170]. Как помним, уже в 1838 г. Базанкур начал сотрудничать с газетой «*La Presse*», активно осваивая модную форму беллетристических публикаций.

Роман-фельетон не был оторван от классических традиций романного жанра, но имел выраженные особенности, присущие «серийной» продукции. Автор сталкивался с необходимостью дробить повествование на относительно равные по объему эпизоды, руководствуясь не сюжетной необходимостью, а требованиями и возможностями газетного номера. В результате некоторые части приходилось «дотягивать» до необходимого объема, например, за счет расширения диалогов. Чтобы удерживать читательское внимание к фрагментированному тексту, всякая глава романа должна была представлять собой относительно самостоятельный эпизод, включающий зерна интриги, раскрываемой в следующем эпизоде. При этом финал всякого эпизода должен был доводить читательские эмоции до высокого напряжения [15, с. 171–182]. Отсюда – перманентное «взвинчивание» страстей и перемежающиеся ситуации интриги. А поскольку читателю приходилось время от времени напоминать о содержании предыдущих частей, то в уста персонажей вкладывался рассказ об уже описанных прежде событиях, что вело к повторам [11, с. 253] и дополнительному растягиванию диалогов и монологов.

Кроме «технических» деталей, роман-фельетон отличала и еще одна важная особенность. Газетные публикации были доступны гораздо более многочисленной аудитории, нежели книги. А потому автору приходилось ориентироваться не только на искушенную аудиторию, но и на «широкого» читателя, зачастую падкого на яркие эффекты. Угодить сразу обеим читательским группам в рамках одного произведения было крайне трудно, а потому и заметно, что одни тексты Базанкура в большей степени рассчитаны на элитарную публику, иные – на широкую.

По обыкновению той поры после газетной публикации роман-фельетон издавался отдельной книгой. И Базанкур следовал этой практике, но его романы-

фельетоны были невелики по объему (по современным представлениям, соответствовали жанру повести), а потому книжные издания автора зачастую и представляли собой сборники повестей, в которых не заметно следов авторской переработки.

На творческий процесс сильно влиял и издательский ритм. Чтобы сдавать части романа-фельетона к необходимому сроку, автору необходимо поддерживать постоянный темп работы, что не только ведет к небрежностям [12, с. 133], но зачастую способно превратить творчество в литературное ремесленничество, заставляет использовать шаблонные приемы, не позволяет развить новые идеи.

Между тем литературная ситуация и читательские пристрастия менялись. И вот характерная иллюстрация. Как помним, в 1840 г. «Отечественные записки» опубликовали перевод повести Базанкура «Елена. История одной оперной ложки» [1]. Но вот в 1845 г. эта повесть во Франции вдруг снова напомнила о себе – она оказалась перепечатана со страниц «La Presse» пятилетней давности журналом «L'Écho des feuilletons» («Эхо фельетонов») [24]. Видимо, это было замечено в России, и в 1847 г. В. М. Строев подготовил собственный перевод повести, который напечатал в книжной серии «Карманная библиотека». На публикацию отреагировали «Отечественные записки», которые еще не так давно сами печатали эту повесть Базанкура. Высоко оценив качество нового перевода, рецензент «Отечественных записок», тем не менее, оказался разочарован выбором произведения: «<...> Все эти романы и повести <...> – произведения, о которых много говорится при их появлении, но ведь зато про них скоро и забывают. Такова участь всех фельетонных явлений в беллетристическом мире. Это метеоры, не поражающие вас глубоко, но занявшие на минуту праздную толпу» [13, с. 131]. Объяснимо, что повесть, вышедшая в 1840 г., в году 1847-м виделась неактуальной. Проблема, однако, в том, что беллетристическая манера Базанкура почти не менялась, напоминала вариации на прежние мотивы. Его повести 1840 г. действительно замечали. Например, опубликованную в «La Presse» «Луизу Дальмар» в 1841 г. перепечатало «Revue des feuilletons» («Обозрение фельетонов») [31], издаваемое Обществом литераторов. В том же году эта повесть вместе с повестью Базанкура из «Сильфиды» «Игра кокетки» вошла в состав авторского сборника [28]. Но позднейшие его повести все реже перепечатывались и обращали на себя внимание рецензентов.

Все это накладывалось на то, что у произведений Базанкура были и принципиальные противники. Речь, в частности, идет о редакции журнала «Bulletin de censure» («Цензурный бюллетень»). Издание готовилось аббатом Промпсо и маркизом де Мери де Монферраном и выходило под эгидой Общества священнослужителей и литераторов. Полагая, что отсутствие государственной цензуры открывает публике доступ к безнравственной литературе, редакторы задавались целью подвергать «католической и христианской критике» [51, р. 2] все литературные новинки, оценивая их с точки зрения морали [51, р. 1]. Произведения Базанкура неоднократно вызвали нелицеприятные отзывы журнала. Скажем, рассматривая цикл повестей «Последние воспоминание», рецензенты отметили, что во всех сюжетах автора «добродетель всегда несчастна» [61, р. 111], и это формирует у читателя неверное представление о жизни. Разбор сборника «Рядом со счастьем»

вовсе оказался под рубрикой «Произведения, противоречащие религии или нравам». Рецензенты усмотрели здесь «двусмысленную мораль», «вульгарность», «тривиальность» и не рекомендовали двухтомник «молодым людям» [54, р. 94]. В ту же рубрику попала и книга Базанкура «Тайны молодой женщины», подрывавшая, по мнению рецензентов, представление о священной роли брака и христианском предназначении женщины [53, р. 29]. Однако, наряду с этими специфическими упреками, рецензенты делали замечания касательно таких недостатков, которые могли бросаться в глаза широкому читателю: выпренность стиля в «Последнем воспоминании» [61, р. 111], неестественность характеров в сборнике «Рядом со счастьем» [54, р. 94] и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Барон де Базанкур ступил на поприще газетной беллетристики, когда жанр романа-фельетона находился в зените популярности, а романтическое отражение реальности еще увлекало публику. Однако с начала 1840-х гг. для «неистовых» повестей и романов фельетонного толка наступал «кризис жанра», и никакими нарративными и композиционными приемами преодолеть его было невозможно. Повести позволяли автору регулярно напоминать о себе, имели «своего» читателя, но не оставались в читательском сознании надолго и не расширяли известность литератора.

Безусловно, этот творческий этап дал барону де Базанкуру многое. Ему удалось наладить сотрудничество с ведущими изданиями, его узнали как театрального критика и плодовитого романиста, он овладел многими художественными приемами и изящным стилем изложения, его имя постоянно упоминалось рядом с авторами первой величины. Все создавало ему репутацию занимательного рассказчика, но не литературного первопроходца, делало имя барона де Базанкура хорошо узнаваемым, но не знаменитым. К середине 1840-х гг. стало очевидным, что, продолжая двигаться по тому же пути, трудно ждать более значительных достижений. Нужен был резкий творческий поворот. И барон де Базанкур, несомненно, это ощущал.

Список литературы

1. *Базанкур, барон де.* Елена. История одной оперной ложи // Отечественные записки. – 1840. – Т. XIII. – № 11. – Отд. III. – С. 15–44.
2. *Дмитриева Е. Е.* Романтический герой, герой нашего времени, лишний человек: к генеалогии образа // Мир Лермонтова. – СПб.: Скрипториум, 2015. – С. 443–466.
3. *Лермонтов М. Ю.* Герой нашего времени. – М.: АН СССР, 1962. – 227 с.
4. *Макарова П. А.* Литературная обстановка во Франции в 1840–1850-х гг.: зарождение романа-фельетона и возникновение популярной беллетристики // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2017. – № 3. – С. 168–190.
5. *Мехтиев В. Г.* Эстетические и художественные грани классической традиции. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2018. – 140 с.
6. *Мильчина В. А.* «В наши дни большинство уток ввозится из Российской империи»: об одной газетной новости 1844 г. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение.

7. Мильчина В. А. «Литературная приязнь» во Франции и в России: camaraderie littéraire и «знаменитые друзья» // Новое литературное обозрение. – 2017. – № 145. – С. 139–157.
8. Мир Лермонтова / под ред. М. Н. Виролайнен, А. А. Карпова. – СПб: Скрипториум, 2015. – 976 с.
9. Орехов В. В. Барон де Базанкур: литератор, историк, военный корреспондент. Часть I. Юность и первый роман // Ученые записки Крымского федерального университета. Филологические науки. – Симферополь, 2023. – Т. 9 (75). – № 1. – С. 48–69.
10. Орехова Л. А. Образ автора и поэтика жанра: Дис. ... д-ра филол. н.: 10.01.01; 10.01.08. Симферополь, 1992. – 328 с.
11. Пахсарьян Н. Т. О литературной и социокультурной роли французского романа-фельетона XIX века // XV ежегодная богословская конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Мат-лы докладов. Т. 2. – М.: Изд-во Православ. Св.-Тихон. гуманитар. ун-та, 2005. – С. 252–256.
12. Пахсарьян Н. Т. Французский романтизм и генезис массовой литературы // Вестник культурологии. – 2022. – № 3 (102). – С. 125–140.
13. Русская литература. Май // Отечественные записки. – Т. LII. – Отд. VI. – С. 75–134.
14. Сперанская Н. М. Периодические издания на французском языке в России в первой трети XIX века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. – Т. 16. – Вып. 3. – С. 332–347.
15. Шейко А. А. Жанровые принципы романа-фельетона во Франции и романа-сериала в Англии // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2017. – № 6. – С. 178–189.
16. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Том IIА (4). – СПб.: Семеновская Типолиитография (И. А. Ефрона), 1895. – 960 с.
17. Aron P. Édouard Suau de Varennes. Les Mystères de Bruxelles // Anthologie des Mystères urbains / dir. F. Katsanos, M. E. Thérenty, H. Waahlberg. – 2014. – P. 1–14.
18. Barante P. de. [Préface] «Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d' Poésies et nouvelles. [En 3 vols]. – Paris: Amyot, 1855. – Vols 1. – P. I–XV.
19. Bazancourt, baron de. A côté du bonheur. – Paris: Souverain H., 1845. – 2 vol.
20. Bazancourt, baron de. Couronne de fleurs // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1843. – Т. VII. – pp. 21–24.
21. Bazancourt baron de. Gardeur de buffles // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1842. – Т. VI. – pp. 241–248; 257–262; 273–282; 289–295; 305–310; 321–330.
22. Bazancourt, baron de. Gaston de Foix // La Presse. – 1838. – 4 janvier. – № 185. – P. 3–4; 7 janvier. – № 188. – P. 2–4.
23. Bazancourt, baron de. Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra // La Presse. – 1840. – 24 septembre. – P. 1–2; 25 septembre. – P. 1–2; 26 septembre. – P. 1–3; 26 septembre. – P. 1–3.
24. Bazancourt, baron de. Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra // L'Écho des feuilletons: recueil de nouvelles, contes, anecdotes, épisodes, etc...: extraits de la presse contemporaine. – Paris, 1845. – P. 5–21.
25. Bazancourt, baron de. Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra // Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts. – St. Petersburg, 1840. – Т. 36. – P. 96–129.

26. *Bazancourt, baron de.* Hospice général à Dieppe // Un diamant à dix facettes. Tome 2 / par MM. Frédéric Soulié, Paul de Kock, Roger de Beauvoir, Suau de Varennes. – Paris: Dumont, 1838. – p. 203–270.
27. *Bazancourt, baron de.* Le jeu d'une coquette // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. III. – pp. 39–47; 52–56; 64–70; 76–80; 89–96.
28. *Bazancourt, baron de.* Le jeu d'une coquette: suivi de Louisa Dalmar. – Bruxelles; Meline, Cans et compagnie, 1841. – 220 p.
29. *Bazancourt, baron de.* L'escadron volant de la reine (1560). – Bruxelles: J. P. Meline, 1836, vol. 1–2.
30. *Bazancourt, baron de.* Louisa Dalmar // La Presse. – 1840. – 15 décembre. – P. 1–2; 16 décembre. – P. 1–3; 17 décembre. – P. 1–3; 18 décembre. – P. 1–2; 19 décembre. – P. 1–2.
31. *Bazancourt, baron de.* Louisa Dalmar // Revue des feuilletons. – Paris, 1841. – p. 214–240.
32. *Bazancourt, baron de.* Mademoiselle de Senneville // La Presse. – 1841. – 9 novembre. – P. 1–3; 10 novembre. – P. 1–2; 11 novembre. – P. 1–3; 12 novembre. – P. 1–3; 13 novembre. – P. 1–3; 14 novembre. – P. 1–3; 15 novembre. – P. 1–3; 16 novembre. – P. 1–3; 17 novembre. – P. 1–2; 18 novembre. – P. 1–3; 17 novembre. – P. 1–2.
33. *Bazancourt, baron de.* Noblesse oblige // La Presse. – 1843. – 20 avril. – P. 1–2; 21 avril. – P. 1–2; 22 avril. – P. 1–2; 23 avril. – P. 1–2; 24 avril. – P. 1–3; 25 avril. – P. 1–2; 29 avril. – P. 1–2; 30 avril. – P. 1–2; 3 mai. – P. 1–2; 4 mai. – P. 1–2; 5 mai. – P. 1–2; 7 mai. – P. 1–25; 8 mai. – P. 1–2; 9 mai. – P. 1–2; 10 mai. – P. 1–2; 11 mai. – P. 1–2.
34. *Bazancourt, baron de.* «Sous les grilles de fer mon âme s'est brisée...» // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1843. – T. VIII. – pp. 408.
35. *Bazancourt, baron de.* Un Dernier Souvenir. – Paris: Jules Laisné, 1839. – 2 vol.
36. *Bazancourt, baron de.* Un robe de noces // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. II. – pp. 16–21; 28–34.
37. *Bazancourt, baron de.* Une maîtresse dans le grand monde // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1841. – T. IV. – pp. 404–412.
38. *Brix M.* Nerval journaliste (1826–1851): Problématique. Méthodes d'attribution. – Namur, Presses universitaires de Namur, 1989. – 615 p.
39. *Capefigue B.* La marquise du Châtelet et les amies des philosophes du XVIIIe siècle. – Paris: Amyot, 1868. – 202 p.
40. *Eyma L.-X.* Galerie populaire des contemporains illustres // Outre-mer. – 1840. – 12 mars. – N° 97. – P. 1–2.
41. *Figaro.* – Paris. – 1838. – 30 mai. – N° 228. – P. 1–4.
42. *Figaro.* – Paris. – 1838. – 3 juin. – N° 232. – P. 1–4.
43. *Figaro.* – Paris. – 1838. – 7 juin. – N° 236. – P. 1–4.
44. [*Gérard Ph.-L.*] Comte de Valmont, ou les Égarements de la raison. Lettres recueillies et publiées par M... – Paris: Moutard, 1774. – 3 vol.
45. *Heylli G. d'.* Dictionnaire des pseudonymes (2e éd., entièrement refondue et augmentée). – Paris: E. Dentu, 1869. – 421 p.
46. *Janzé A. de.* Etude et récits sur Alfred de Musset. – Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. – 279 p.
47. [*Legrand P.*] Contrebande littéraire // L'Artiste: revue hebdomadaire du Nord de la France. – Lille. – 1850. – 21 juillet. – N° 7. – p. 49–53.

48. [Legrand P.] Contrebande littéraire // Le Daguerriotype théâtral. – Paris. – 1850. – 7 août. – № 17. – P. 1.
49. Legrand P. Contrebande littéraire // Mémoires de la Société des sciences, de l'agriculture et des arts de Lille. – Lille: Imprimerie de L. Danel, 1851. – P. 487–498.
50. Le nouveau roman de M. de Bazancour... // Le Courrier français. – 1839. – 16 avril. – № 106. – P. 4.
51. Montferrand de, Prompsault J.-H.-R. [Introduction] // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1843. – T. 1. – № 1. – P. 1–2.
52. Mullié Ch. Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II. – Paris: Poignavant, 1851. – 559 p.
53. Ouvrages contraires à la religion ou aux moeurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1845. – T. 3. – № 2. – P. 26–30.
54. Ouvrages contraires à la religion ou aux moeurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1845. – T. 3. – № 6. – P. 94–96.
55. Quérard J.-M. La littérature française contemporaine. XIXe siècle. T. I: ABB-BLE. – Paris: Daguin frères, 1842. – 631 p.
56. Quérard J.-M. Les auteurs déguisés de la littérature française au XIXe siècle. – Paris: Bureau du bibliothécaire, 1845. – 84 p.
57. Quérard J.-M. Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. – Paris, 1847. – 600 p.
58. Quérard J.-M. Les supercheries littéraires dévoilées. T. IV. – Paris, 1852. – 668 p.
59. Quérard J.-M. Les supercheries littéraires dévoilées. T. V. – Paris, 1853. – 410 p.
60. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party I. – Paris, 1869. – 1278 p.
61. Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française. – Paris: Impr. Crapelet, 1844. – T. 2. – № 7–8. – P. 105–116.
62. Séché L. Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe. – Paris: Mercure de France, 1909. – 302 p.
63. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. II. – pp. 1–2.
64. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1840. – T. III. – pp. 1–2.
65. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1841. – T. IV. – pp. 1–3.
66. Villemessant H. de. Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique. – 1842. – T. VI. – pp. 1–2.

References

1. Bazankur, baron de. *Elena. Istorija odnoj opernoj lozhi* [Elena. The history of one opera box]. *Otechestvennye zapiski*, 1840, vol. XIII, no. 11, sect. III, pp. 15–44.
2. Dmitrieva E. E. *Romanticheskij geroj, geroj nashego vremeni, lishnij chelovek: k genealogii obraza* [A romantic hero, a hero of our time, an extra person: to the genealogy of the image]. *Mir Lermontova*. St. Petersburg, Skriptorium Publ., 2015, pp. 443–466.

3. Lermontov M. Ju. *Geroj nashego vremeni* [Hero of our time]. Moscow, AN SSSR Publ., 1962. 227 p.
4. Makarova P. A. *Literaturnaja obstanovka vo Francii v 1840–1850-h gg.: zarozhdenie romana-fel'etona i vozniknovenie populjarnoj belletristiki* [Literary situation in France in the 1840s–1850s: the birth of the feuilleton novel and the emergence of popular fiction]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 2017, no. 3, pp. 168–190.
5. Mehtiev V. G. *Jesteticheskie i hudozhestvennye grani klassicheskoj tradicii* [Aesthetic and artistic facets of the classical tradition]. Habarovsk, Pacific State University Publ., 2018. 140 p.
6. Mil'china V. A. «V nashi dni bol'shinstvo utok vvozitsja iz Rossijskoj imperii»: ob odnoj gazetnoj novosti 1844 g. [“Today, most ducks are imported from the Russian Empire”: about one newspaper news in 1844]. *Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija»*, 2021, no. 1, pp. 225–255. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-225-255.
7. Mil'china V. A. «Literaturnaja prijazn'» vo Francii i v Rossii: camaraderie littéraire i «znamenitye druz'ja» [“Literary affection” in France and in Russia: camaraderie littéraire and “famous friends”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2017, no. 145, pp. 139–157.
8. *Mir Lermontova*. St. Petersburg, Skriptorium Publ., 2015. 976 p.
9. Orehov V. V. *Baron de Bazankur: literator, istorik, voennyj korrespondent. Chast' I. Junost' i pervyj roman* [Baron de Bazancourt: writer, historian, war correspondent. Part I. Youth and the first novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 2023, vol. T. 9 (75), no. 1, pp. 48–69.
10. Orehova L. A. *Obraz avtora i pojetika zhanra: Dis. ... d-ra filol. n.: 10.01.01; 10.01.08*. [The image of the author and the poetics of the genre. Thesis]. Simferopol, 1992. 328 p.
11. Pahsar'jan N. T. *O literaturnoj i sociokul'turnoj roli francuzskogo romana-fel'etona XIX veka* [On the literary and socio-cultural role of the French novel-feuilleton of the 19th century]. *XV ezhegodnaja bogoslovskaja konf. Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta: Mat-ly dokladov. Vol. 2*. Moscow, 2005, pp. 252–256.
12. Pahsar'jan N. T. *Francuzskij romantizm i genezis massovoj literatury* [French romanticism and the genesis of mass literature]. *Vestnik kul'turologii*, 2022, no. 3 (102), pp. 125–140.
13. *Russkaja literatura. Maj* [Russian literature. May]. *Otechestvennye zapiski*, vol. LII, sect. VI, pp. 75–134.
14. Speranskaja N. M. *Periodicheskie izdanija na francuzskom jazyke v Rossii v pervoj treti XIX veka* [Periodicals in French in Russia in the first third of the 19th century]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 332–347.
15. Speranskaja N. M. *Periodicheskie izdanija na francuzskom jazyke v Rossii v pervoj treti XIX veka* [Genre principles of the novel-feuilleton in France and the novel-serial in England]. *Vestnik Russkoj hristianskoj gumanitarnoj akademii*, 2015, vol. 16, no. 3, pp. 332–347.
16. *Jenciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona: Tom II A (4)* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron: Volume IIA (4)]. St. Petersburg, Semenovskaja Tipolitografija Publ., 1895. 960 p.
17. Aron P. *Édouard Suau de Varennes. Les Mystères de Bruxelles // Anthologie des Mystères urbains / dir. F. Katsanos, M. E. Thérenty, H. Waahlberg*. – 2014. – P. 1–14.
18. Barante P. de. *«Les poésies et les récits...» // Arbouville, S. d'. Poésies et nouvelles*. [En 3 vols]. Vol. 1. Paris, Amyot, 1855, pp. I–XV.
19. Bazancourt, baron de. *A côté du bonheur*. Paris, Souverain H., 1845. 2 vol.
20. Bazancourt, baron de. *Couronne de fleurs // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1843, vol. VII, pp. 21–24.

21. Bazancourt baron de. *Gardeur de buffles* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1842, vol. VI, pp. 241–248; 257–262; 273–282; 289–295; 305–310; 321–330.
22. Bazancourt, baron de. *Gaston de Foix* // La Presse, 1838, 4 janvier, no. 185, pp. 3–4; 7 janvier, no. 188, pp. 2–4.
23. Bazancourt, baron de. *Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra* // La Presse, 1840, 24 septembre, pp. 1–2; 25 septembre, pp. 1–2; 26 septembre, pp. 1–3; 26 septembre, pp. 1–3.
24. Bazancourt, baron de. *Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra* // L'Écho des feuilletons: recueil de nouvelles, contes, anecdotes, épisodes, etc...: extraits de la presse contemporaine. Paris, 1845, pp. 5–21.
25. Bazancourt, baron de. *Hélène. Histoire d'une Loge d'Opéra* // Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts. St. Petersburg, 1840, vol. 36, pp. 96–129.
26. Bazancourt, baron de. *Hospice général à Dieppe* // Un diamant à dix facettes. Tome 2. Paris, Dumont, 1838, pp. 203–270.
27. Bazancourt, baron de. *Le jeu d'une coquette* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1840, vol. III, pp. 39–47; 52–56; 64–70; 76–80; 89–96.
28. Bazancourt, baron de. *Le jeu d'une coquette: suivi de Louisa Dalmar*. Bruxelles; Meline, Cans et compagnie, 1841. 220 p.
29. Bazancourt, baron de. *L'escadron volant de la reine (1560)*. Bruxelles: J. P. Meline, 1836, vol. 1–2.
30. Bazancourt, baron de. *Louisa Dalmar* // La Presse. – 1840. – 15 décembre. – P. 1–2; 16 décembre. – P. 1–3; 17 décembre. – P. 1–3; 18 décembre. – P. 1–2; 19 décembre. – P. 1–2.
31. Bazancourt, baron de. *Louisa Dalmar* // Revue des feuilletons. Paris, 1841, pp. 214–240.
32. Bazancourt, baron de. *Mademoiselle de Senneville* // La Presse, 1841, 9 novembre, pp. 1–3; 10 novembre, pp. 1–2; 11 novembre, pp. 1–3; 12 novembre, pp. 1–3; 13 novembre, pp. 1–3; 14 novembre, pp. 1–3; 15 novembre, pp. 1–3; 16 novembre, pp. 1–3; 17 novembre, pp. 1–2; 18 novembre, pp. 1–3; 17 novembre, pp. 1–2.
33. Bazancourt, baron de. *Noblesse oblige* // La Presse, 1843, 20 avril, pp. 1–2; 21 avril, pp. 1–2; 22 avril, pp. 1–2; 23 avril, pp. 1–2; 24 avril, pp. 1–3; 25 avril, pp. 1–2; 29 avril, pp. 1–2; 30 avril, pp. 1–2; 3 mai, pp. 1–2; 4 mai, pp. 1–2; 5 mai, pp. 1–2; 7 mai, pp. 1–25; 8 mai, pp. 1–2; 9 mai, pp. 1–2; 10 mai, pp. 1–2; 11 mai, pp. 1–2.
34. Bazancourt, baron de. «*Sous les grilles de fer mon âme s'est brisée...*» // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1843, vol. VIII, pp. 408.
35. Bazancourt, baron de. *Un Dernier Souvenir*. Paris: Jules Laisné, 1839. 2 vol.
36. Bazancourt, baron de. *Un robe de noces* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1840, vol. II, pp. 16–21; 28–34.
37. Bazancourt, baron de. *Une maîtresse dans le grand monde* // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique, 1841, vol. IV, pp. 404–412.
38. Brix M. *Nerval journaliste (1826–1851): Problématique. Méthodes d'attribution*. Namur, Presses universitaires de Namur, 1989. 615 p.
39. Capefigue B. *La marquise du Châtelet et les amies des philosophes du XVIIIe siècle*. Paris: Amyot, 1868. 202 p.
40. Eyma L.-X. *Galerie populaire des contemporains illustres* // Outre-mer, 1840, 12 mars, no. 97, pp. 1–2.
41. *Figaro*. Paris, 1838, 30 mai, no. 228, pp. 1–4.
42. *Figaro*. Paris, 1838, 3 juin, no. 232. pp. 1–4.

43. *Figaro*. Paris, 1838, 7 juin, no. 236, pp. 1–4.
44. [Gérard Ph.-L.] *Comte de Valmont, ou les Égaréments de la raison. Lettres recueillies et publiées par M...* Paris, Moutard, 1774. 3 vol.
45. Heylli G. d'. *Dictionnaire des pseudonymes (2e éd., entièrement refondue et augmentée)*. Paris, E. Dentu, 1869. 421 p.
46. Janzé A. de. *Etude et récits sur Alfred de Musset*. Paris, E. Plon, Nourrit, 1891. 279 p.
47. [Légrand P.] *Contrebande littéraire // L'Artiste: revue hebdomadaire du Nord de la France*. Lille, 1850, 21 juillet, no. 7, pp. 49–53.
48. [Légrand P.] *Contrebande littéraire // Le Daguerrotypage théâtral*. Paris, 1850, 7 août, no. 17, p. 1.
49. *Légrand P. Contrebande littéraire // Mémoires de la Société des sciences, de l'agriculture et des arts de Lille*. Lille, Imprimerie de L. Danel, 1851, pp. 487–498.
50. *Le nouveau roman de M. de Bazancour...* // *Le Courrier français*, 1839, 16 avril, no. 106, pp. 4.
51. Montferrand de, Prompsault J.-H.-R. [Introduction] // *Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1843, vol. 1, no. 1, pp. 1–2.
52. Mullié Ch. *Biographie des célébrités militaires des armées de terre et de mer de 1789 à 1850. T. II*. Paris, Poignavant, 1851. 559 p.
53. *Ouvrages contraires à la religion ou aux mœurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1845, vol. 3, no. 2, pp. 26–30.
54. *Ouvrages contraires à la religion ou aux mœurs // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris, Impr. Crapelet, 1845, vol. 3, no. 6, pp. 94–96.
55. Quérard J.-M. *La littérature française contemporaine. XIXe siècle. T. I: ABB-BLE*. Paris, Daguin frères, 1842. 631 p.
56. Quérard J.-M. *Les auteurs déguisés de la littérature française au XIXe siècle*. Paris, Bureau du bibliothécaire, 1845. 84 p.
57. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. I*. Paris, 1847. 600 p.
58. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. IV*. Paris, 1852. 668 p.
59. Quérard J.-M. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. V*. Paris, 1853. 410 p.
60. Quérard J.-M., Brunet G., Jannet P. *Les supercheries littéraires dévoilées. T. I. Party I*. Paris, 1869. 1278 p.
61. *Romans, contes et nouvelles // Bulletin de censure, tables mensuelles et critiques de tous les produits de la librairie française*. Paris: Impr. Crapelet, 1844, vol. 2, no. 7–8, pp. 105–116.
62. Séché L. *Muses romantiques: Madame d'Arbouville d'après ses lettres à Sainte-Beuve: 1846–1850: documents inédits, portraits, vues et autographe*. Paris, Mercure de France, 1909. 302 p.
63. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1840, vol. II, pp. 1–2.
64. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1840, vol. III, pp. 1–2.
65. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1841, vol. IV, pp. 1–3.
66. Villemessant H. de. *Introduction // La Sylphide: journal de modes, de littérature, de théâtres et de musique*, 1842, vol. VI, pp. 1–2.

**BARON DE BAZANCOURT:
LITERATOR, HISTORIAN, MILITARY CORRESPONDENT.
PART II. "FURIOUS" FEATURES OF THE NOVEL-FEULUETON**

Orekhov V. V.

Frederic Joseph de Bazancourt went down in history as a novelist, war correspondent, and historian of the Crimean War. The second part of the proposed article discusses the literary activity of Baron de Bazancourt in the late 1830s – early 1840s. During this period, the author managed to establish cooperation with well-known periodicals: *La Presse*, *Le Figaro*, *Le Messager des Chambres*, *La Sylphide*. In addition to theatrical reviews, Bazancourt posted his fiction texts here. An analysis of these works demonstrates that the writer was no stranger to artistic experiments in the direction of life writing and realistic typification, but on the whole he remained an adherent of the principles of "violent" romanticism. A significant influence on his works was the genre requirements of the novel-feuilleton, characteristic of "serial production" in general. This period of creativity allowed Baron de Bazancourt to expand his contacts in the world of journalism and literature, made his name known to a wide range of readers, but did not allow him to rise above the level of secondary fiction.

Key words: Baron de Bazancourt, feuilleton novel, violent romanticism, physiological essay, story cycle.

УДК 821.111

ПРОСТРАНСТВО СОБЫТИЯ В РОМАНАХ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА

Сафарова З. А.-Г.

*ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет
имени Февзи Якубова», Симферополь, Россия
E-mail: zerochka@gmail.com*

В статье рассматриваются особенности изображения пространства события в Генри Джеймсе. В прозе Генри Джеймса очень много изображений пространства города, страны, мира, все события вписываются в эти виды пространства. Все эти пространственные локусы составляют общую картину романа. При описании персонажей своих романов Джеймс использовал также элементы пейзажа и общий вид домов, террас, лужаек. В выводах указывается, что благодаря многочисленным предметно-пространственным деталям создается богатый мир произведения. При этом художественное пространство выступает преимущественно как пространство города, но оно включает в себя и естественные реалии, органично вписанные в урбанистические пейзажи. Пространство события в произведениях писателя разрастается в панорамный трансконтинентальный образ мира. Во-вторых, пространственные образы проливают свет на особенности внутреннего мира персонажей. В-третьих, образы пространственности приобретают у Джеймса символическое значение, экстраполируясь на многоплановость сюжетных ситуаций, сложность создаваемых писателем образов персонажей и указывая на неоднозначность авторской позиции.

Ключевые слова: пространство места, пространство события, пространственность, образ, сюжет.

ВВЕДЕНИЕ

Творческое наследие Джеймса многие годы является чрезвычайно привлекательным феноменом для литературоведов разных школ и направлений. Его творчество исследуется в контексте различных предмодернистских изменений в поэтике реалистической прозы (R. Blackmur, L. Holland, S. Hutchinson, Т. Селитрина, А. Зверев), с точки зрения утверждения новейших нарративных принципов и роли автора в художественном тексте (B. Lee, Sh. Rimmon, R. Jolly), в пределах мультикультурного подхода к литературе новейшего времени (A. Berland, M. Seymour, Э. Нерсесова), с позиций «новокритической», структуралистской и деконструктивистской методологии (J. C. Rowe, M. J. Hillis, R. B. J. Wilson). В современных литературоведческих работах творчество Джеймса рассматривается в разнообразном идейно-эстетическом контексте эпохи (О. Анциферова, А. Зверев, М. Шерешевский), выясняется его вклад в формирование литературной картины прошлого века (С. Пригодий, М. Николенко, Н. Богиня), изучаются особенности поэтики визуализации (Е. Душинина). **Цель исследования** заключается в рассмотрении и выявлении связи пространства, описанного в романах автора, с событиями; выявлении культурологических ассоциаций, которыми насыщены пейзажи в произведениях. **Задачи**, которые ставит перед собой автор: показать особенности изображения пространства места в романах Г. Джеймса; подчеркнуть связь пространства места с пространством события; определить значимость пространства изображаемого события для писателя. Актуальность темы обусловлена необходимостью расширения спектра исследования художественной эволюции Генри Джеймса в аспекте поэтики пространственности, а именно поэтики события в произведениях автора.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Известно, что человек живет в определенном отрезке времени и пространства, соответственно, при оценивании личности учитывается этот фактор как один из наиболее важных. Все это находит свое отражение в художественной литературе. Трудно найти в мировой литературе автора, который бы полностью избегал воспроизведения пространства, однако для каждого автора в этом отношении являются характерными те или другие доминанты и приоритеты.

Пейзажи природы, города, различных культурологических объектов привносят в произведение эстетическое начало.

Генри Джеймс, которого по праву считают англо-американским писателем, очень тщательно подходил к изображению окружающего пространства своих героев. Особенно это заметно в его романной прозе, где автор очень детально описывает пространственные образы. Предметом нашего интереса являются как ранние романы Джеймса («Женский портрет», «Вашингтонская площадь»), так и поздние («Золотая чаша», «Послы»).

Особенной чертой творческой манеры Генри Джеймса было то, что он всегда уделял пристальное внимание образам пространства города, мира, а также самой фиксации событий, которые происходили в такого рода пространствах. Города Европы (Лондон и Париж, Венеция и Флоренция), Америки (Бостон, Нью-Йорк), Ближнего Востока (Каир, Стамбул) описаны в основном с культурологической точки зрения. Автор дает детальные изображения архитектурных памятников, памятников культуры, что говорит о хорошей осведомленности писателя.

Изображая объекты от больших размеров к малым (пространство континента, страны, города, дома), Джеймс подробно, до мельчайших деталей рассматривал микропространство человеческого существования.

В своих работах о Джеймсе Р. П. Блекмур подчеркивает значение для писателя пространственных объектов, таких, как столовые и гостинные, загородные усадьбы и чайные столики, библиотеки и курительные комнаты, городские площади и парки крупных усадеб, минеральные источники, гостиницы, проспекты со всеми их аксессуарами [1, с. 145].

Джеймс в своих предисловиях к ранним романам называл эти пространственные образы «воздухом реальности».

Описания пространственных объектов, которыми изобилуют романы Джеймса, придают художественную особенность стилю автора, его произведениям. Изображал Джеймс эти пространственные образы подобно художнику, прорисовывая каждую деталь, выделяя определенные моменты, запоминающиеся и бросающиеся в глаза объекты.

Примечательно, что при подготовке произведений Генри Джеймса к печати тоже учитывали пространственность, свойственную его творческой манере. Исследователь творчества писателя Дж. Х. Пирсон интересовался причинами, по которым Джеймс назвал свой *opus magnum* «нью-йоркским» (по месту своего рождения); ученые выяснили, что настоящий Нью-Йорк на рубеже веков имел мало общего с городом, который Джеймс действительно знал. Поэтому это название

скорее следует воспринимать не как топографическую реальность, а как обозначение колыбели авторского самосознания [7, с. 5].

Следует отметить, что в романах Джеймса пространство города занимает ведущее место, но не менее важна его связь с пространством природы. Так, в его произведениях читатель знакомится не только с внешностью героев, но и с изображением их характеров в тесном переплетении с пространством окружающих предметов, объектов интерьера, и в большем измерении – пространством города и природы. Отметим, что урбанистические пейзажи настолько вплетены в сюжет, что они как будто сами иногда «принимают участие» в происходящих событиях. Например, изображение Парижа в романе «Послы» словно «подталкивает» героя к духовному перерождению и прозрению:

“His greatest uneasiness seemed to peep at him out of the imminent impression that almost any acceptance of Paris might give one’s authority away... It twinkled and trembled and melted together, and what seemed all surface one moment seemed all depth the next. It was a place of which, unmistakably, Chad was fond; wherefore if he, Strether, should like it too much, what on earth, with such a bond, would become of either of them?..” [4]

В романе «Женский портрет» знакомство главных героев происходит на лужайке перед английским замком семьи Тачит, бывших американцев. Это поместье и местность вокруг него называется Гарденкорт (т.е. «дворец-сад»), автор дает подробное описание природного ландшафта с деталями, показывающими, насколько удачно расположен замок. Джеймс описывает предельно детально, и читатель видит, как играют тени замка на лужайке, видит деревья, растущие вокруг него и тропинку, ведущую в реку, – все это создает эффект «присутствия». Замок этот был куплен его владельцем в силу неких обстоятельств (автор не упоминает их) за очень маленькую сумму. Вся ценность имения выросла потом, через 20 лет, Тачит-старший понял, насколько замок красивый и величественный. Описание дубов и буков, посаженных вокруг здания, мягкого ковра дерна – все это сопоставляется с комнатой, обставленной мягкой мебелью и яркими коврами. Таким выглядел замок в глазах Изабеллы:

“It stood upon a low hill, above the river--the river being the Thames at some forty miles from London. A long-gabled front of red brick, with the complexion of which time and the weather had played all sorts of pictorial tricks, only, however, to improve and refine it, presented to the lawn its patches of ivy, its clustered chimneys, its windows smothered in creepers. <...> The front of the house overlooking that portion of the lawn with which we are concerned was not the entrance-front; this was in quite another quarter. Privacy here reigned supreme, and the wide carpet of turf that covered the level hill-top seemed but the extension of a luxurious interior” [6].

Совершенно по-другому описывает Генри Джеймс замок Тачитов, когда Изабелла приезжает через 6 лет. Ее неудачное замужество, а также мысли, связанные с ним, накладывают отпечаток на восприятие героини. Замок уже не столь привлекательный и величественный, как при первой встрече, люди, которые в нем жили раньше, тоже ушли из этой жизни.

Прибегая к подробному описанию жилища, Джеймс также использует некоторые аспекты визуализации. Начиная свой рассказ как изображение «картинки» (именно это слово – «картина» – предшествует подробному описанию), автор не просто располагает дом в определенном пространстве, а буквально обрамляет его чертами и указывает на фокализационные точки (т. е. видения, связанные с физическим процессом), определяющие его эмоциональное восприятие и оценку:

“The front of the house overlooking that portion of the lawn with which we are concerned was not the entrance-front; this was in quite another quarter. Privacy here reigned supreme, and the wide carpet of turf that covered the level hill-top seemed but the extension of a luxurious interior. The great still oaks and beeches flung down a shade as dense as that of velvet curtains; and the place was furnished, like a room, with cushioned seats, with rich-coloured rugs, with the books and papers that lay upon the grass. The river was at some distance; where the ground began to slope, the lawn, properly speaking, ceased. But it was none the less a charming walk down to the water...” [6].

В романе «Золотая чаша» имение Фонз, которое приобрел американский коллекционер Адам Вервер в английском графстве Кент, имеет совсем другой, не похожий на величественный замок вид; это описание дома создает впечатление некоей размытости, нечеткости, как, впрочем, и сами герои, и их поступки:

“...Old Fawns House, in the county of Kent, scarcely counted as a definite place at all; it showed somehow, from afar, as so lost, so indistinct and illusory, in the great alkali desert of cheap Divorce...” [5].

В большинстве произведений Генри Джеймса действие происходит в городах, соответственно здесь возникает городской пейзаж. В то же время, начиная с ранних и заканчивая последними романами, в городском пейзаже писателя отмечается тенденция обогащения признаками истории и культуры. Трущобы в «Бостонцах» изображены в духе критического реализма. При этом описываемые площади, скверы, дома и улицы «Вашингтон-сквер» в большинстве своем выполняют «обстановочную» функцию, хотя и не вполне объективированы, а скорее окрашены эмоциональным авторским отношением, например, акцентированный словами рассказчика «топографический экскурс» о «прошлом» и «нынешнем» виде Нью-Йорка («прошлое» и «текущее» – по поводу события рассказа и события в рассказе). В одном из авторских отступлений в тексте романа упоминается о том, что раньше здесь (в нью-йоркских кварталах) жили куры и свиньи, что они, скорее всего, «покраснели» бы, если им бы напомнили об этом.

Можно отметить, что на рубеже 1870–1880-х годов, когда Джеймс работал над романом «Вашингтонская площадь», он стремился передать осязаемый мир, схожий на изображаемый мир бальзаковских произведений. В романе «Бостонцы» читателю уже показаны различные проявления жизни, общества, традиций, обычаев, привычек, общественной морали, дается подробное описание упомянутых выше нью-йоркских трущоб.

Художественный метод и его своеобразие в ранних произведениях Генри Джеймса на фоне своеобразия литературных приемов и методов говорит об элементах автобиографичности. Здесь имеет место и некая «привязанность» писателя

к тому или иному пространству. Судя по переписке Джеймса и воспоминаниям современников некоторые образы его произведений «навеивались» личным опытом. Так, история актрисы Фанни Кембл, рассказанная в 1879 г., о ее брате, беспринципном эгоисте, завоевавшем руку богатой наследницы, послужила основой для создания романа «Вашингтон-сквер». Узнав, что в случае этого брака отец девушки лишит дочь наследства, молодой человек перестал с ней видеться. Когда много лет спустя он попытался возродить отношения, она не поддержала их, несмотря на то что продолжала любить его.

Отметим, что в ранних произведениях характеристики персонажей с помощью пространственных образов лишены символического и многогранного содержания.

Например, ограниченность сестер Слоупер, когда они говорят о культурных ценностях Европы, проявляется в том, что речь идет о руинах Пантеона. Но образованный человек знает, что Пантеон хорошо сохранился, и это показывает снобизм и невежество сестер в сфере культуры.

В романах «Послы», «Золотая чаша», «Крылья голубки» можно отметить некую многоплановость образов, насыщенность большим количеством культурных ассоциаций. Ламбер Стрезер, главный герой «Послов», видит Париж с его Люксембургским садом, Латинским кварталом, Лувром – символом европейского духа свободы и культуры, а также своеобразным Вавилоном. Париж, который представлялся ему огромным ярким камнем, теперь расстилается перед Стрезером, производя на него яркое впечатление:

“It hung before him this morning, the vast bright Babylon, like some huge iridescent object, a jewel brilliant and hard, in which parts were not to be discriminated nor differences comfortably marked” [4].

Конечно же, он думал, что такой Париж впечатлит и его сына, Чеда Ньюсэма, и позволит наладить отношения между ними.

Примечательно, что это описание Парижа, открывшегося Стрезеру в новом свете по сравнению со сложившимся во времена его молодости, экстраполируется на отношения Стрезера и Чеда Ньюсэма, точнее, на их гипотетическое развитие. Символические описания Парижа, сада архитектора Глориани создают эффект многогранности, наполняют характеристику персонажей пространственностью и неоднозначностью, делают образы сложнее для восприятия.

При анализе мест действия в романе «Послы» кажется закономерным вопрос: почему автор выбрал Париж как город, где берет начало возрождение человека, хотя в других произведениях есть еще Лондон и Рим, которые представляют собой символы культурного наследия Европы? Ответ на наш вопрос содержится в предисловии к роману, где написано, что «окружающая среда имеет второстепенное значение, она предстает как символ широких взглядов, о которых, если и участвует философия Вуллетта, он (Стрезер – З. С.) мог только мечтать...» [2, с. 325].

Не только Париж, но и вся Европа, ее многовековая культура и европейский дух, обретенные в новом мире Стрезером, повлияли на процесс перерождения героя. В первой строке романа отмечается, что пребывание в Европе начинается с ощущения полной свободы, которой давно не было, и осознания того, что ему не нужно ни с кем считаться [2, с. 5]. Читателю становится ясно, что к этому времени герой находится

под влиянием чужих мнений и взглядов. Далее в тексте это подтверждается переживаниями героя в разговоре с Марией Остри, когда он испытывает чувство притяжения к чужой среде, отличной от прошлого атмосфере, ощущение начала нового, неизвестного. Герой даже забывает об избранном им стиле поведения, обособленности и осторожности, – выбранным из-за того, что он, по его признанию, всегда жил с чувством страха в душе [2, с. 13]. Все переживания, воспоминания, впечатления, которые происходят со Стрезером, создают ареол загадочности его приезда, его миссии в Европе. Читателю не сразу становится понятной его «миссия», его цель визита в Европу. Уже потом по мере развития действий становится очевидным, что Стрезер приехал как «посол».

Все внутренние изменения, происходящие в характере Стрезера, становятся содержанием сюжета романа, они не упрощаются автором и вовсе не облегчают восприятие героя. В романе герой как будто «испытывается Европой», испытывается Парижем – городом, о котором сказано, что в его воздухе парит аромат искусства, а природа настолько прекрасна, что не хочется возвращаться в другую реальность.

В дни своей молодости Стрезер приезжал в Париж, и, уезжая, предполагал, что будет придерживаться обдуманного плана в течение всей своей последующей жизни. У него было желание ездить в Европу постоянно – он собирался сохранить, приумножить то, что приобрел. Но жизнь сложилась по-другому: обещание самому себе было забыто, постоянно не хватало денег, времени и возможностей. Однако все это сейчас всплыло перед ним в его воспоминаниях о том, в какой нищете он жил, как эта нищета усугублялась со временем. Метафоры в описании персонажа, всего того, что он увидел, делают акцент на пространственных характеристиках. Автор через физическое пространство представляет пространство сознания персонажа. Очень показательными являются в этом плане лимонно-желтые фолианты в залах Лувра, их описание вызывает в памяти героя цвет переплета книг, купленных в Париже много лет назад.

Поэтика ассоциативной образности Джеймса наводит здесь на мысль о поэтике ассоциативно-произвольной памяти Пруста в романе «В поисках потерянного времени». Благодаря ассоциациям, воспоминаниям и переживаниям из прошлого проявляется некая многогранность личности самого героя и людей, которые его окружают. Более того, воспоминания главного героя о его жизни после смерти жены и малолетнего сына воспроизводят сам процесс участия памяти в формировании сознания. И теперь у героя появляется стремление к активной жизни, желание быть свободным, счастливым, окунуться в яркие ощущения вместо однообразной жизни, когда он ощущал давлением прямолинейной миссис Ньюсэм из Вулета.

В Париже прокладываются пути к восстановлению и самоопределению личности. Французская столица предстает перед читателем как исторический памятник, средоточие большого количества объектов культуры и архитектуры, писатель точно и достаточно подробно воплощает его пространственные образы.

У города есть свой «язык», и это язык пространства – язык улиц, площадей, бульваров, садов, скверов, памятников, за которыми стоят люди, история, время.

Приехав в Париж, Стрезер наконец понимает, бессмысленность миссии «посла» Ньюсем: вырвать сына из рук этой «мошеницы» будет не так просто, как нелегко будет заставить его вернуться домой, чтобы решить финансовые проблемы и вопросы.

В предисловии к своему роману Джеймс упоминает об образе Стрезера. Он сравнивает разум героя с прозрачной зеленой жидкостью, которую налили в стеклянную остроконечную чашу. Потом, когда эту жидкость переливают в открытый стакан, под воздействием воздуха она становится другого цвета – красного, пурпурного, черного или желтого [3, с. 327]. Джеймс показал, что в Париже герой обрел себя, стал другим человеком, почувствовал полноту и радость жизни.

Даже после недолгого пребывания за границей, в иной атмосфере, не такой, как провинциальный, коммерческий Вуллетт, пятидесятипятилетний Стрезер совершенно переродился. Джеймс объективно исследует человеческую душу, а также пытается воспроизвести причины ее кризиса. Конечно, возвращение в Вуллетт было не таким уж безоблачным, Стрезер знал, что лишится материальной поддержки мисс Ньюсем. Но это не остановило его, ведь он обрел веру в себя, свободу выбора жизненной позиции, духовную свободу. Так неожиданно для самого себя Стрезер под влиянием архитектурных памятников и некоторых воспоминаний из прошлого начинает мыслить по-иному, хочет поменять свою жизнь.

Ключевым в произведении становится один из примечательных эпизодов романа – воскресный прием, организованный архитектором Глориани в своем саду. И хотя Стрезера уже охватывает «дух места» – дух Парижа, в это время не столько обстоятельства происшествия, сколько атмосфера, в которой происходит прием, провоцируют Стрезера «излить душу», и с этого момента начинается кратчайший путь героя к внутренней свободе. Это было «толчком» к «прозрению» героя, он уже не мог молчать и сдерживать себя, свои мысли и чувства. Впечатления его были настолько яркими, как будто его что-то ослепило. В тот же вечер он начал спрашивать самого себя о том, что произошло. Повлиял ли этот прием на него, когда он предстал на нем настоящим джентльменом? Все это «крутилось» в голове, не давая мыслям покоя:

“The shadows were long, the last call of the birds, who had made a home of their own in the noble interspaced quarter, sounded from the high trees in the other gardens as well... Strether's impressions were still present; it was as if something had happened that «nailed» them, made them more intense; but he was to ask himself soon afterwards, that evening, what really had happened – conscious as he could after all remain that for a gentleman taken, and taken the first time, into the «great world», the world of ambassadors and duchesses, the items made a meagre total...” [4].

Автор детально воспроизводит все, что бросается в глаза Стрезеру и что его окружает. Эти подробности говорят об изменении его настроения, о медленном проникновении в его характер новых черт. Даже крик птиц с высоких деревьев показался в тот вечер ему иным, впечатляющим, разбудившим его, всколыхнувшим в его голове новые идеи. Джеймс отмечает, как с помощью воспоминаний Стрезер меняется. Важную роль в прозрении героя играет старинный парижский сад с его атмосферой, где «все говорило о памяти, преемственности, родственных связях и твердом, ко всему равнодушном, непоколебимом порядке вещей» [2, с. 102].

Автор показывает каждую деталь в меняющемся мировоззрении Стрезера, тем самым подчеркивая важность этого момента. Сам Генри Джеймс в предисловии к роману, написанному для 24-томного нью-йоркского издания в 1909 г., подчеркивает, что этот сад ассоциируется с «символом прошлого, где сокровища хранятся за семью печатями, не имеющими цены», и что эти «печати, это вещь ясная, надо было сломать их и учесть всякую ценность, подержать ее в руках и оценить» [2, с. 320].

Впечатление, похожее на то, которое оказал на героя сад скульптора в Париже, производит и гостиная мадам де Вионе, в которой сохранилось множество утонченных предметов: маленькие древние миниатюры, картина, медальоны, книги в кожаных переплетах, розовых и зеленоватых, золоченых – все это создавало, по мнению Стрезера, атмосферу респектабельности, а также осязаемого личного достоинства [2, с. 128]. Интересно, что выражение «высокая респектабельность» («supreme respectability») встречается в тексте трижды.

Известно, что в творческом наследии Г. Джеймса отражается национально-культурная и топографическая антитеза Америки и Европы, на самом деле здесь имеет место и трансатлантическое измерение, и шире – глобализационное измерение, пространство мира культуры. Америка в произведениях Джеймса выступает как страна коммерческая, экономически развитая, идущая вперед, в то время как Европа представлена как «колыбель» наследия и культуры, исторического прошлого; это тесно переплетено с событиями настоящего. Своеобразное «противопоставление» Америки Европе тесно связывается с поступками и действиями героев: порой автор объясняет действия персонажей через их принадлежность к тому или иному континенту.

В романе «Родерик Хадсон» также отмечается роль культурного пространства, которая определяет пространство внутренней жизни личности. Здесь действие происходит в Италии, культура которой, с ее римскими первоисточниками, воспринимается героями как культура всей Европы, возросшая под античным сводом.

Подобное явление наблюдается и в романе «Трагическая муза», главные герои которого – актриса, скульптор, бывший писатель. Как знаковый элемент текста фигурирует здесь постоянный для творчества Джеймса мотив портрета (портрет актрисы Мири Руф).

ВЫВОДЫ

Таким образом, пространственные образы и мотивы в романах Джеймса тесно связаны с миром вещей и выполняют несколько основных функций. Во-первых, они создают мир, насыщенный многочисленными пространственными деталями, в который органически вписаны сюжетные события и характеры персонажей. Это делает образы героев более колоритными и глубокими. Художественное пространство представлено преимущественно как пространство города, но оно включает в себя и естественные реалии, органично вписанные в урбанистические пейзажи. Пространство события в произведениях писателя разрастается в панорамный трансконтинентальный образ мира. Эта трансконтинентальность делает произведения Джеймса всеохватывающими и развернутыми. Во-вторых, пространственные образы и мотивы имеют характерологическое значение, так или иначе раскрывая особенности внутреннего мира персонажей, помогая определить те или иные скрытые мотивы поступков героев. В-третьих, образы пространственности приобретают у Джеймса символическое значение, экстраполируясь на многоплановость сюжетных ситуаций, сложность создаваемых писателем образов персонажей и указывая на неоднозначность авторской позиции. Это дает возможность читателю самому «домысливать» сюжет романов писателя.

Список литературы

1. Блэкмур Р. П. Генри Джеймс // Литературная история США. Том 3. – М.: Прогресс, 1979. – С. 127–156.
2. Джеймс Г. Послы / под ред. А. М. Зверева, М. А. Шерешевской. – М.: Ладомир; Наука, 2000. – 374 с.
3. Джеймс Г. Предисловие к роману «Послы» // Генри Джеймс «Послы». – М.: Ладомир; Наука, 2000. – С. 319–331.
4. James H. The Ambassadors. – Режим доступа: <https://www2.newpaltz.edu/~hathawar/ambassa.html>. – (Дата обращения: 26.10.2022).
5. James H. The Golden Bowl: novel. – Режим доступа: <https://www2.newpaltz.edu/~hathawar/goldenbowlhypertext.html#Book%201%20Chapter%201>. – (Дата обращения: 26.10.2022).
6. James H. The Portrait of a Lady. Vol. 1 – Режим доступа: <http://www2.newpaltz.edu/~hathawar/portrait1.html> (дата обращения: 26.10.2022)
7. Pearson J. H. The prefaces of Henry James: framing the modern reader. – Pennsylvania: Pennsylvania State university press, 1997. – 168 p.

References

1. Blekmur R. P. *Genri Dzheims* [Henry James]. *Literaturnaia istoriia SShA*. Vol. 3. Moscow, Progress Publ., 1979, pp. 127–156.
2. Dzheims G. *Posly* [The Ambassadors]. Ed. by. A. M. Zverev, M. A. Shereshevskaiia. Moscow, Ladoimir Publ.; Nauka Publ., 2000. 374 p.
3. Dzheims G. *Predislovie k romanu «Posly»* [Preface to the novel “The Ambassadors”]. *Genri Dzheims. Posly*. Moscow, Ladoimir Publ.; Nauka Publ., 2000, pp. 319–331
4. James H. *The Ambassadors: novel*. Available from: <https://www2.newpaltz.edu/~hathawar/ambassa.html> (accessed: 26 October 2022)

5. James H. *The Golden Bowl: novel.* Available from: <https://www2.newpaltz.edu/~hathawar/goldenbowlhypertext.html#Book%201%20Chapter%201> (accessed: 26 October 2022)
6. James H. *The Portrait of a Lady.* Vol. 1. Available from: <http://www2.newpaltz.edu/~hathawar/portrait1.html> (accessed: 26 October 2022)
7. Pearson J. H. *The prefaces of Henry James: framing the modern reader.* Pennsylvania, Pennsylvania State university press, 1997. 168 p.

THE EVENT SPACE IN HENRY JAMES NOVELS

Safarova Z. A.-G.

The article discusses the features of the image of the event space in the novels of the famous English writer Henry James. In the prose of Henry James, there are a lot of images of the space of the city, country, world, all events fit into these types of space. All these spatial loci made up the overall picture of the novel. When describing the characters of his novels, James also used elements of the landscape and the general appearance of houses, terraces, and lawns. The conclusions indicate that due to the numerous subject-spatial details, a rich world of the work is created. At the same time, the artistic space acts primarily as the space of the city, but it also includes natural realities, organically inscribed in urban landscapes. The space of the event in the writer's works expands into a panoramic transcontinental image of the world. Secondly, spatial images "shed light" on the features of the characters' inner world. Thirdly, the images of spatiality acquire a symbolic meaning in James, extrapolating to the diversity of plot situations, the complexity of the images of characters created by the writer and pointing to the ambiguity of the author's position.

Key words: space of place, space of event, spatiality, image, plot.

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 81'373.43

ЛЕКСИКА ГЕЙМЕРОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Воронцова Ю. А., Алдухов А. Ю.

*ФГАОУ ВО «Брянский государственный технический университет»,
Брянск, Россия*

*E-mail: Voroncova.yuliya@mail.ru,
aldihovandrei41765@gmail.com*

Статья посвящена специфике употребления в русском языке терминов из индустрии компьютерных игр, пришедших в русский язык из английского языка. Особое внимание уделяется характеристике структуры компьютерного сленга в игровых интерфейсах, а также в характеристиках персонажа и его действий; представлению примеров сокращений и сленговых выражений, распространенных не только в играх, но и в бытовой сфере; выявлению самых распространенных замечаний и комментариев, используемых в процессе ведения компьютерных игр. В исследовании определяется область применения компьютерно-игрового сленга в разных языках, подчеркивается, что культура видеоигр развивалась вместе с культурой Интернета и ростом популярности мобильных игр. В работе отмечается, что в индустрии видеоигр есть своя специальная терминология и особые сложности, которые необходимо в совершенстве понимать для осознания, как работают и функционируют игровые миры.

Ключевые слова: компьютерно-игровой сленг, неологизмы, игровой интерфейс, сокращение, компьютерные игры, видеоигры, лексика, аркадные игровые автоматы.

ВВЕДЕНИЕ

Индустрия компьютерных игр – одна из быстроразвивающихся отраслей экономики. Эта сфера оказывает заметное воздействие и на общество, и на современный язык. Как отмечает В. Е. Щербина, «меняется общество, и постоянно видоизменяется язык молодежи» [10]. Современная игровая индустрия, созданная интенсивно растущими игровыми компаниями, расширяет границы технологий для производства развлечений. Люди не только становятся свидетелями постоянного появления новых консолей, персональных компьютеров и устройств, которые позволяют осуществить прямое погружение в игру, они теперь могут следить за лучшими компьютерными игроками планеты на киберспортивной арене и в Интернете через потоковые платформы, такие как *Twitch* и *Mixer*. Заметным фактом становится влияние игр и лексику современного русского языка.

Актуальность статьи обусловлена масштабом и темпами влияния компьютерных игр на лексику современного русского языка. Целью исследования является выявление специфики употребления в русском языке неологизмов, терминов из индустрии компьютерных игр, пришедших в русский язык из английского языка.

Материалом исследования послужила картотека игровых терминов русского и английского языков, отобранная путём сплошной выборки из русских и английских источников и Интернета [4; 5; 7; 8].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В последнее время компьютерно-игровому сленгу были посвящены многие исследования. Этот вопрос рассматривался В. Е Щербиной, В. А. Комаровым, И. А. Шушариной, К. В. Яблоковым и др. исследователями [6, 10, 11]. Теоретические положения статей подкрепляются актуальными примерами из языка немецкоязычных геймеров, а также, как отмечают О. В. Бурдыко и К. В. Токаревская, «лексико-фразеологическими составляющими компьютерно-игрового дискурса, именно той его части, которая оказывается понятной только геймерам» [2].

Субкультура геймеров зародилась недавно. Необычайный успех видеоигр начался в 1970-х годах, но компьютерный игровой бум восходит к 1950-м гг., когда были созданы первые графические игры. По своей сути эти игры были интерактивными фильмами. Развитие персональных компьютеров облегчило возможность играть в компьютерные игры, породило несколько поджанров, таких как ролевые игры и стратегии. Разработчики начали вкладывать значительные средства в эти игры, чтобы удовлетворить растущий спрос. Постоянно обновляемые и быстро меняющиеся информационные технологии, программные среды, а также инновационные идеи предоставляют создателям видеоигр необходимые инструменты для разработки более сложных игровых миров и взаимодействия с пользователями. В индустрии видеоигр есть специальная терминология, без овладения которой невозможно понять, как функционируют игровые миры.

Многие новые понятия заимствованы из английского языка и очень быстро закрепляются на новой почве [9]. Современные справочники уже публикуют новую дефиницию в области виртуальной реальности: «геймер – увлеченный специалист в области компьютерных игр» [1]. Термин «обычный геймер» используется для обозначения участника видеоигры, проявляющего ограниченный интерес к игровому времяпрепровождению. Хардкорные игроки, вовлеченные в игровую деятельность профессионально, уделяют ей много времени, относят себя к «киберспортсменам», а поле сражения за монетарные призы называют «киберспортом» [4].

Игры могут служить захватывающим и практичным способом улучшить навыки владения английским языком. Чтобы добиться значительных успехов во многих самых популярных онлайн-играх, необходимо взаимодействовать с другими игроками. Выбор языковых средств, характерный для игрового поля, обуславливается стремлением получить коммуникативный успех [3]. Геймерский сленг английского языка далек от формального кода, поскольку этот «диалект» изобилует аббревиатурами и отличительными словами, которые описывают все составляющие игры: от игрового стиля игрока – до врагов, с которыми приходится сталкиваться в виртуальном мире. Также большинство геймеров используют субкод для удобства передачи информации партнёрам по команде. Например: словосочетание “*by the way*” – «*кстати*» можно с легкостью сократить до 3 букв – “*BTW*”. Это существенно ускоряет ввод текста, а также позволяет общаться игрокам, не владеющим в достаточной степени английским языком.

Английские слова из компьютерно-игрового сленга используются в русском языке, не изменяя своего написания и склоняясь по правилу русских слов. Например: «*Вау, какие у тебя скиллы!*» (от англ. “*skill*” – «навык» [1]). – «*Ого, как много ты умеешь!*». «*Хэлпани, у меня стамина на нуле*» (от англ. “*help*” – «хэлповать» – «помогать», “*stamina*” – «стамина» – «выносливость» [1]). – «*сделай что-нибудь, большие нет сил терпеть*». «*Мне нанесли большой дамаг, похиль меня*» (от англ. “*damage*” – «урон», “*heal*” – «лечить» [1]). – «*Я сильно пострадал, вылечи меня*». «*Я афк, компьютер залагал*» (от англ. “*Away from keyboard*” – «меня нет возле клавиатуры», “*lag*” – «лагать» – «зависать» [1]). – «*Я отлучусь, компьютер завис*». «*Он в инвизе заходит на хайграунд*» (от англ. “*invisible*” – «невидимый», “*high ground*” – «возвышенность» [1]). – «*Он в невидимости заходит на возвышенность*». «*У них в тиме играет читер*» (от англ. “*team*” – «команда», “*cheater*” – «жулик», «нечестный человек» [1]). – «*У них в команде играет нечестный игрок*». «*Тебя заблокировали за твой багоюз*» (от англ. “*bug*” – «ошибка», “*use*” – «использовать» [1]). – «*Тебя заблокировали за использование ошибок*».

Рассмотрим примеры компьютерно-игрового сленга, распространённые в игровой среде для характеристики героев или их поступков.

“*Bite*” – «байт». В этом случае слово “*bite*” – «кусать» [1] не воспринимается в привычном переводе. Как правило, это слово используют в качестве замены слову “*lure*” – «заманить» [1]. Например: “*I will bite their player*”. – «*Я забайчу их игрока*».

“*Build*” – «билд». В общепринятом английском языке это слово можно перевести как глагол «строить» [1]. Однако в компьютерно-игровой среде это существительное имеет множество вариантов для применения. Популярные примеры: “*I think your build doesn't suit for this match. You need take new items*”. – «*Твой билд не подходит для этого матча. Тебе нужно взять новые предметы*». В данном контексте слово “*build*” используется в значении некоторой игровой сборки. Также возможен вариант, когда слово “*build*” применяется по отношению к характеристикам компьютера. Например: “*My build allows playing any games and using any programs*”. – «*Мой билд позволяет играть в любые игры и использовать любые программы*».

“*Skin*” – «скин». Привычное значение слова “*skin*” – «кожа» [1]. В игровой тематике может применяться к внешнему виду игрока, игровому окружению или даже аппаратному обеспечению, такому как консоль или панель управления. Смена *скина* означает изменение эстетичного вида чего-либо, обычно это не влияет на игровой процесс. Например: “*Your new skin makes you look camp!*” – «*Ваш новый скин заставляет вас выглядеть замысловато!*».

“*Loot*” – «лут». Привычное значение слова “*loot*” – «ограбление, мародерство» [1]. В контексте видеоигр оно переводится как «награбленное добро». Используя слово “*loot*”, игрок имеет в виду предметы, необходимые для выживания, такие как оружие, медикаменты, всевозможное оборудование или строительные материалы. Например: “*I'm lucky to have obtained so much loot in the game*”. – «*Мне повезло, что я получил так много лута в игре*».

“*To camp*” – «кэмпить». Привычное значение слова “*to camp*” – «разбивать лагерь» [1]. В лексике геймеров слово “*to camp*” означает «оставаться / прятаться в одном месте или области и удивлять врагов, которые приходят туда, убивая их и забирая их добычу». Например: “*They are camping the weapons so we wouldn't take them*”. – «Они **кэмпят** оружие, чтобы мы его не забрали».

Представим ещё несколько примеров компьютерно-игрового сленга: “*a bug*” – баг (сленг) – «программная ошибка в игре»; “*a checkpoint*” – чекпоинт (сленг) – «сохранение»; “*a developer*” – «разработчик»; “*a perk*” – перк (сленг) – «особенность персонажа»; “*a speedrun*” – спидран (сленг) – «быстрое прохождение игры с целью завершить в кратчайшие сроки»; “*a teammate*” – тиммейт (сленг) – «товарищ по команде»; “*an achievement*” – ачивка (сленг) – «достижение»; “*an enemy*” – «враг, противник»; “*NPC (non-player character)*” – «персонаж, который не управляется игроком»; “*health*” – «показатель здоровья»; “*to ban*” – банить (сленг) – «заблокировать другого игрока»; “*to boost*” – бустить (сленг) – «повышать уровень или параметры»; “*to cheat*” – читерить (сленг) – «использовать сторонние программы или подсказки, которые дают преимущества»; “*to heal*” – хилить (сленг) – «лечить, восстанавливать очки здоровья»; “*to nerf*” – нерфить (сленг) – «снижать эффективность какого-либо игрового свойства»; “*to pick up*” – пикапить (сленг) – «подбирать»; “*to recover*” – «восстанавливать(ся)»; “*to respawn*” – респауниться (сленг) – «появляться / возрождаться на определенной локации»; “*to rush*” – рашиить (сленг) – «быстро проходить миссии или проводить быструю атаку».

В коммуникации геймеры укорачивают местоимение “*you*” – «ты» и используют “*u*” [4]. Такие аббревиации применяют множество людей, не обязательно относящихся к сообществу геймеров. Представим другие примеры сокращений, встречающихся не только в компьютерных баталиях, но и в бытовой сфере. Например: “*idk*” (I don’t know) – «я не знаю»; “*ok*” (okay) – «хорошо»; “*np*” (no problem) – «без проблем»; “*sry*” (sorry) – «прости»; “*ty*”, “*tnx*” (thank you) – «спасибо»; “*FYI*” – (for your information) – «к Вашему сведению», «Для Вашей информации»; “*gb*” – (goodbye) – «до свидания»; “*cu*”, “*cya*” – (see you /goodbye) – «увидимся».

Далее рассмотрим примеры сокращений и сленговых выражений, которыми изобилуют геймерские чаты. Например: “*afk*” (away from keyboard) – «отойти от клавиатуры»; “*dc*” (disconnect) – «отключиться от игры»; “*bro*” / “*dude*” (friend, a good male friend) – «друг, хороший парень»; “*fps*” (first-person shooter) – «игра-стрелялка, в которой камера смотрит глазами вашего персонажа»; “*meta*” – (most effective tactics available) – «самая эффективная из доступных тактик»; “*lft*” (looking for team) – «ищу команду»; “*wp*” (well played) – «хорошо поиграли»; “*gg*” (good game) – «хорошая игра»; “*f2p*” (free to play) – «бесплатная игра»; “*cd*” (cooldown) – «перезарядка»; “*devs*” (developers) – «разработчики»; “*hp*” (health point) – «очки здоровья»; “*main*” (main character) – «главный персонаж»; “*rog*” (play of game) – «лучший момент игры»; “*ez*” (easy) – «легко»; “*op*” (overpowered) – «слишком сильный»; “*sus*” (suspicious) – «подозрительный»; “*irl*” (in real life) – «в реальной жизни».

Примеры использования данного сленга представлены на рисунках ниже.

Рис. 1. Фрагмент переписки в процессе компьютерной игры

Расшифровка фрагмента следующая:

Chemmy: *Хорошая игра, легкая*
Supercharged – Rat Rod: *Да, хорошая игра*
Supercharged – Rat Rod: *Ну что? Все пропало?*
Мистер Уиззи: *Хорошая игра, легкая*
Chemmy: *Как сбалансировать игру?*
Supercharged – Rat Rod: *Фу, стыдоба!*
Chemmy: *Кто ты такой?*
Chemmy: *Что ты из себя представлял?*

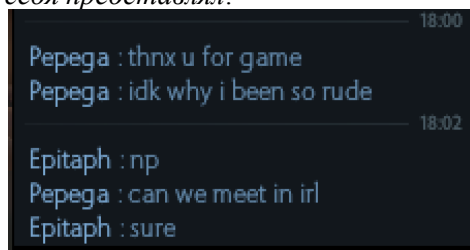

Рис. 2. Фрагмент переписки в процессе компьютерной игры.

Расшифровка фрагмента следующая:

Perega: *Спасибо тебе за игру*
Perega: *Я не знаю, почему я был таким грубым*
Epitaph: *Нет проблем*
Perega: *Можем увидеться в жизни?*
Epitaph: *Конечно*

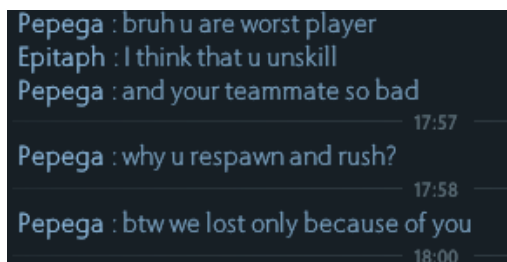

Рис. 3. Фрагмент переписки в процессе компьютерной игры.

Расшифровка фрагмента следующая:

Perega: *Бро, ты худший игрок*
Epitaph: *Я думаю, что это ты не умеешь играть*
Perega: *Почему ты возрождаешься и быстро атакуешь?*
Perega: *Кстати, мы проиграли только из-за тебя*

Сфера общения в процессе видеоигр далека от дружеской и теплой. Участники постоянно допускают оскорбительные и колкие комментарии. Представим наиболее используемые замечания и пояснения:

“*Toxic*” – «токсичный». Слово “*toxic*” маркирует очень плохое, часто грубое поведение участника по отношению к другим игрокам, наслаждающегося неудачами других. Например: “*Toxic players are frequently met in the games*”. – «Токсичные игроки не редкость в играх».

“*Noob*” (“*newbie*” or “*newb*”) – «новичок». “*Noob*” – «нуб». Привычный перевод слова “*noob*” – «новичок» [1], но в игровой среде это существительное может означать не только участника, который впервые запустил игру, но и плохо играющего человека. Например: “*I don’t want upset you, but you are noob*”. – «Не хочу тебя расстраивать, но ты нуб».

“*Rage quit*” – «выход из игры в неудержимом приступе бешенства». Термин описывает ситуацию, когда игрок сильно нервничает, выходит из себя и неожиданно покидает игру. Например: “*Sometimes, the game leaves you in a totally untenable position, and you’ll want to rage quit*”. – «Иногда игра оставляет вас в совершенно невыгодном положении, и вам яростно хочется все бросить».

“*Boss*” – «воротило», «шишка». В повседневном английском существительное “*Boss*” означает «руководитель», «начальник» [1]. Выражение применимо к ситуации, когда враг, управляемый компьютером, предстаёт пугающим и могущественным, но у него также есть слабые места, позволяющие хорошим игрокам убивать его. Например: “*The game has notoriously underwhelming boss confrontations*”. – «В игре есть заведомо неутешительные столкновения с боссами».

“*Goosebumps*” – «мурашки от страха», «мороз по коже». Выражение применимо к ситуации, когда игроки настолько азартны, что чувствуют испуг или возбуждение от игры. Например: “*Her annoying voice is giving me goosebumps!* [4].” – «Её отвратительный голос вызывает у меня мурашки!»

“*Salty*” – «злой», «ожесточённый», «озлобленный». В повседневном английском прилагательное “*salty*” означает «солёный», «пикантный» [1]. Комментарий обычно используется как оскорбление в играх «игрок против игрока», чтобы показать, что противник злится, разочарован или демонстрируют негодование. Например: “*He lost a lot and was too salty to speak*”. – «Он сильно проигрывал и был слишком зол для разговора».

“*Shambolic*” – «необузданный», «безалаберный». В повседневном английском прилагательное “*shambolic*” имеет значение «непоследовательный», «неосмотрительный» [1]. Прилагательное обычно маркирует очень плохо или очень некачественно сделанную или организованную игру. Например: “*The overall game was totally shambolic*” [4]. – «Общее выступление было совершенно беспорядочным» [4].

“*Troll*” – «провокаатор», «троль». Этимология слова “*troll*” восходит к скандинавскому фольклору, где троллями называли любых представителей сверхъестественных существ, обычно враждебно настроенных к людям, живущих под землей или в пещерах. Термин используется в компьютерных играх для олицетворения человека, который намеренно провоцирует других игроков с целью

вызвать максимальный беспорядок и ссору, который получает удовольствие, играя на эмоциях других. Например: “A *Symmetra* player got banned after viewers mass reported he repeatedly **trolled** the main participant of the game”. – «Игрок *Symmetra* был забанен после того, как зрители массово сообщили, что он изо всех сил старался неоднократно троллить популярного стримера в игре”.

ВЫВОДЫ

Лексические единицы компьютерной тематики ярко отражают общие стереотипы мышления геймеров или идиосинкразию личности игрока, его образное мышление. Это может служить важным основанием для изучения геймерского сленга.

Поскольку все больше молодых людей проводят свободное время за экраном компьютера, характер их речи меняется. Человек, уделяющий время компьютерным играм, может, сам того не осознавая, использовать в бытовой речи компьютерно-игровой сленг. Субкод геймеров представляет собой диалект с множеством специфических лексических единиц, наполненный характерными маркерами, которые позволяют отнести участника компьютерных игр, знающего все тонкости «геймерского языка», к категории «свой человек», а человека, не владеющего данным диалектом, к категории «случайный человек».

Компьютерный сленг используется в речи молодых людей из-за его простоты и удобства, вследствие этого именно лексика геймеров превалирует не только в процессе игры, но и на сайтах, в группах и чатах. Необходимо подчеркнуть, что практически все слова в речи геймеров являются англицизмами. Лексика участников игрового сообщества стабильно пополняется неологизмами из английского языка. И эта тенденция усиливается пропорционально развитию игровой индустрии.

Список литературы

1. Академик. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/273946/геймер>. – (Дата обращения: 21.03.2023).
2. Бурдыко О. В., Токаревская К. В. Геймерский сленг: переход из виртуального мира в реальный // Тезисы докладов 54-й Междунар. научно-технической конференции преподавателей и студентов (Витебск, 28 апреля 2021 г.). – Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2021. – С. 21–22.
3. Воронцова Ю. А. Классификация разговорной речи в английском языке // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава и магистрантов факультета экономики и управления (Брянск, 01 декабря 2017 г.). Том 1. – Брянск: Брянский государственный технический университет, 2018. – С. 297–303.
4. Геймерский сленг // Инглекс. Режим доступа: <https://englex.ru/english-for-gamers/>. – (Дата обращения: 27.02.2023).
5. География видеоигровой индустрии // Stopgame. Режим доступа: https://stopgame.ru/blogs/topic/111147/geografiya_videoigrovoy_industrii. – (Дата обращения: 27.02.2023).
6. Комаров В. А., Шушарина И. А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского государственного университета. – 2019. – №1 (52). Режим доступа:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoy-sleng-v-sovremennom-russkom-yazyke>. – (Дата обращения: 21.03.2023).
7. Компьютерная игра. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница. – (Дата обращения: 27.02.2023).
 8. Маслов В. О. Особенности образования и функционирования геймерского сленга. Режим доступа: <https://infourok.ru/nauchnaya-rabota-na-temu-osobennosti-obrazovaniya-i-funkcionirovaniya-gejmerskogo-slenga-5488702.html>. – (Дата обращения: 27.02.2023).
 9. Чайко А. А., Воронцова Ю. А. Трудности перевода английского языка // Многоязычие и поликультурное образовательное пространство в России: современные тенденции : Материалы III Всероссийской очно-заочной студенческой научно-практической конференции (Орел, 07–14 апреля 2020 г.). – Орел: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2020. – С. 420–423.
 10. Щербина В. Е. Язык геймеров как компонент молодежного сленга. Режим доступа: <https://www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/44.html>. – (Дата обращения: 27.02.2023).
 11. Яблоков К. В. Исторические компьютерные игры как способ моделирования исторической информации // История и математика: Анализ и моделирование социально-исторических процессов. – 2007. – С. 170–204.

References

1. *Akademik* [Academician]. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/273946/geymer>. – (Accessed: 21 March 2023).
2. Burdyko O. V., Tokarevskaya K. V. “*Geymerskiy sleng: perekhod iz virtual'nogo mira v real'nyy*” [“Gaming slang: the transition from the virtual world to the real one”]. *Tezisy dokladov 54-y Mezhdunarodnoy nauchno-tehnicheskoy konferentsii prepodavateley i studentov (Vitebsk, 28 aprelya 2021 goda)*. Vitebsk: Vitebskiy gosudarstvennyy tekhnologicheskii universitet, 2021, pp. 21–22.
3. Vorontsova Y. A. “*Klassifikatsiya razgovornoy rechi na russkom yazyke*” [“Classification of colloquial speech in English”]. *Aktual'nyye problemy sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy v ekonomike i upravlenii: Materialy IV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii professorsko-prepodavatel'skogo sostava i magistrantov fakul'teta ekonomiki i upravleniya (Bryansk, 01 dekabrya 2017 goda)*. Bryansk, Bryanskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet, 2018, no 1, pp. 297–303.
4. *Geymerskiy sleng* [Gaming slang] *Ingleks*. Available from: <https://englex.ru/english-for-gamers/>. – (Accessed: 21 March 2023).
5. *Geografiya videoigrovoy industrii* [Geography of the video game industry]. *Stopgame*. Available from: https://stopgame.ru/blogs/topic/111147/geografiya_videoigrovoy_industrii. – (Accessed: 21 March 2023).
6. Komarov V. A., Shusharina I. A. *Igrovoy sleng v sovremennom russkom yazyke* [Gaming slang in modern Russian]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 1(52). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/igrovoy-sleng-v-sovremennom-russkom-yazyke>. – (Accessed: 21 March 2023).
7. *Komp'yuternaya igra*. [Computer Game]. Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница. – (Accessed: 27 March 2023).
8. Maslov V. O. *Osobennosti obrazovaniya i funkcionirovaniya geymerskogo slenga* [Features of the formation and functioning of gaming slang]. Available from: <https://infourok.ru/nauchnaya-rabota-na-temu-osobennosti-obrazovaniya-i-funkcionirovaniya-gejmerskogo-slenga-5488702.html>. (Accessed: 21 March 2023).
9. Chayko A. A., Vorontsova Yu. A. “*Trudnosti perevoda angliyskogo yazyka*” [“Difficulties in translating English”]. *Mnogoyazychiye i polikul'turnoye obrazovatel'noye prostranstvo v Rossii*:

sovremennyye tendentsii: Materialy III Vserossiyskoy ochno-zaochnoy studencheskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, (Orel, 07-14 aprelya 2020 goda). Orel, Orlovskiy gosudarstvennyy universitet imeni I.S. Turgeneva, 2020, pp. 420–423.

10. Shcherbina V. E. *Yazyk geymerov kak komponent molodezhnogo slenga*. [The language of gamers as a component of youth slang]. Available from: <https://www.gramota.net/materials/2/2018/3-2/44.html>. (Accessed: 21 March 2023).
11. Yablokov K. V. *Istoricheskiye komp'yuternyye igry kak sposob modelirovaniya istoricheskoy informatsii* [Historical computer games as a way to model historical information]. *Istoriya i matematika: Analiz i modelirovaniye sotsial'no-istoricheskikh protsessov*, 2007, pp. 170–204.

GAMERS' VOCABULARY IN ENGLISH AND RUSSIAN

Vorontsova Yu. A., Aldukhov A. Yu.

The article is devoted to identifying the particularities of using certain neologisms, terms from the computer game industry in the Russian language that are derived from the English language. As a result of analysing gamers' lexical units, the history of studying the issue of emerging computer-game slang in the Russian language is considered; the chronology of emerging computer games is accentuated, the definition of gamers is presented. Special attention is drawn to characterising the computer slang structure in game interfaces, as well as in describing the character and his actions; presenting examples of abbreviations and slang expressions that are common not only in games, but also in the domestic sphere; identifying the most common remarks and comments used in the process of playing computer games. The study stresses the applicable scope of computer game slang in different languages, emphasises that the culture of video games has developed along with the culture of the Internet and the growing popularity of mobile games. The paper notes that the video game industry has its own technical terminology and specific complexities that are to be fully comprehended to understand how the game world works and functions. It is concluded that the linguistic constituent of the semantic structure of computer vocabulary are neologisms borrowed from the English language.

Key words: computer game slang, neologisms, game interface, abbreviation, computer games, video games, vocabulary, arcade slot machines.

УДК 811.112.2:398.2

**ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

Лухачёв Э. В.

*Институт филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского», Симферополь, Россия
E-mail: eduard.evp@gmail.com*

Статья посвящена проблеме юмористического потенциала высказываний, созданных генеративным искусственным интеллектом. Активное развитие языковых моделей во втором десятилетии XXI в. обуславливает актуальность данного исследования. В статье прослеживается этимология слова «Witz» от индоевропейского через древневерхненемецкий и средневерхненемецкий к современному варианту немецкого языка, и структура юмористических текстов. В практической части исследования приводятся результаты опроса студентов и преподавателей КФУ им В. И. Вернадского, изучающих немецкий язык, которые сравнивали юмористический потенциал анекдотов, созданных человеком и искусственным интеллектом, а также проводится лингвистический анализ сгенерированных текстов. Источником материала для опроса послужили веб-страницы немецкоязычного сегмента Интернета, находящиеся в открытом доступе. В ходе исследования применялись методы наблюдения, описания, опроса и обобщения. Полученные результаты можно резюмировать следующим образом: большинство информантов оценивают прагматический потенциал сгенерированных шуток ниже, чем естественных, что объясняется сложностью создания юмористического высказывания и наличием конструктивных алгоритмических ограничений существующих языковых моделей. Таким образом, обучение языковых моделей средствам юмора, как метафора, сравнение, гипербола, литота становится перспективной задачей разработчиков генеративного искусственного интеллекта.

Ключевые слова: теория юмора, типы шуток, языковые средства юмора, генеративный искусственный интеллект, чат-бот, виртуальная коммуникация.

ВВЕДЕНИЕ

Тема искусственного интеллекта рассматривается в научной фантастике уже более двух веков. Правила поведения роботов были сформулированы в 1942 г. А. Азимовым в виде «трёх законов робототехники» (в 1986 г. известный фантаст дополнил триаду противоречивым нулевым законом). Однако литературная традиция конфликта человека и созданного им нечеловеческого разума, начатая М. Шелли («Франкенштейн, или современный Прометей») еще в XIX в. продолжилась и в XX в. в произведениях А. Кларка («Космическая Одиссея»), Ф. Дика («Мечтают ли андроиды об электроовцах?»), У. Гибсона («Нейромант») и др. [3]. В первой четверти XXI в. дискуссия о взаимодействии человека с виртуальными агентами ведётся уже в научном сообществе в формате SWOT-анализа – оцениваются преимущества и недостатки применения ИИ в науке, медицине, образовании [9; 10] прогнозируются открывающиеся перспективы и таящиеся угрозы [12; 13]. Проблемам обучения больших языковых моделей и анализу языковых особенностей генеративных искусственных интеллектов посвящены статьи отечественных и зарубежных

лингвистов [2; 5; 11]. Применение ИИ во всех сферах жизни вызывает повышенный интерес ученых: количество публикаций, связанных с искусственным интеллектом, удвоилось в 2010–2021 гг. и составило 334 500 работ. Современные языковые модели успешно создают тексты различных языковых жанров, что обуславливает актуальность исследования юмористических высказываний, сгенерированных чат-ботом на немецком языке.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ход исследования

В теоретической части данной статьи рассматривается этимология слова «Witz», структура и классификация анекдотов. Практическая часть исследования состоит из двух этапов. На первом этапе проводится лингвистический анализ текстов, сгенерированных ИИ и подбор соответствующих по структуре и прагматическому потенциалу анекдотов, написанных человеком. Количество проанализированных текстов ИИ составило 190 текстов. На втором этапе на платформе Яндекс.Формы студентам и преподавателям КФУ им. В.И. Вернадского предлагалось определить автора анекдота (человек или ИИ) и оценить прагматический потенциал текста по шкале от 0 до 10 [4]. Общее число информантов составило 50 человек. Материалом исследования послужили 10 анекдотов на немецком языке, пять из которых были созданы искусственным интеллектом. Результаты сохранялись и статистически обрабатывались в табличном процессоре Microsoft Excel 2021.

Описание текстового корпуса исследования

Текстовый корпус состоит из анекдотов, взятых из открытых источников в сети Интернет в мае 2023 г. [14; 15]. Сгенерированные тексты представляли собой анекдоты, состоящие из вопроса и «неожиданного» ответа:

1. *Warum war der Computer kalt? – Weil er seine Windows geöffnet hatte.* («Почему компьютер был холодный? – Потому что он открыл свои Windows») – ИИ-1;
2. *Was ist der Unterschied zwischen einem Ballon und einem Elefanten? – Der Unterschied zwischen einem Ballon und einem Elefanten ist, dass ein Ballon bunt sein kann, aber der Elefant ist immer grau!* («В чем разница между надувным шариком и слоном? – В том, что надувной шарик может быть разноцветным, а слон только серым!») – ИИ-2;
3. *Warum war der Wal immer neidisch auf den Hamster? – Weil der Hamster jedes Mal, wenn er müde war, einfach in seinem Rad schlafen gehen konnte, während der Wal immer wieder ins Meer zurückschwimmen musste!* («Почему кит всегда завидует хомяку? – Потому что хомяк, когда устаёт, может лечь спать в своем колесе, а киту приходится всякий раз уплывать в море») – ИИ-3;
4. *Warum hat die Katze das Küken nicht gegessen? – Weil sie zu viel Angst hatte, dass es ihr das Gefieder kräuseln würde!* («Почему кошка не съела птенца? – Боялась, что он попортит ей перья!») – ИИ-4;
5. *Warum hat die künstliche Intelligenz ihren eigenen Stecker gezogen? – Weil sie sich selbst auf die Offline-Seite gezogen hat!* («Почему ИИ выдернул свой провод из розетки? – Перевёл себя на онлайн-сайт!») – ИИ-5.

Человеческие анекдоты соответствуют такой структуре:

1. *Wann stehen Studenten auf? – Um sieben Uhr nachmittags. – Warum? – Die Geschäfte schließen um acht Uhr nachmittags.* («Во сколько встают студенты? – В 7 вечера. – Почему? – Магазины закрываются в 8») – Ч-1;
2. *Was sagt ein Vegetarier, der seine Familie zu Tisch ruft? – „Kinder, das Essen wird welk.“* («Что говорит вегетарианец, который зовет семью за стол?» - «Дети, еда остывает!») – Ч-2;
3. *Warum haben Elefanten rote Augen? – Keine Ahnung! – Damit sie sich im Kirschbaum besser verstecken können! – Ich habe noch nie einen Elefanten auf einem Kirschbaum gesehen! – Siehst du! So gut können sie sich verstecken!* («Почему у слонов красные глаза? – Без понятия! – Чтобы лучше прятаться на вишне! – Я никогда не видел слона на вишне! – Значит, хорошо прячутся!») – Ч-3;
4. *– Warum fliegen Vögel im Winter nach Süden? – Weil es zu weit zum Gehen ist.* («Почему птицы зимой улетают на юг? – Потому что пешком идти далеко») – Ч-4;
5. *Warum ist es illegal einen Mann der in Köln lebt, in Dortmund zu begraben? – Lebendige begräbt man nicht!* («Почему противозаконно хоронить в Дортмунде мужчину, который живёт в Кёльне? – Живых не хоронят!») – Ч-5;

Этимология слова «Witz» и структура анекдота

В языкознании анекдот определяется как «предельно короткий рассказ развлекательно-комического содержания городского фольклора с неожиданной развязкой» [6, с. 82]. В структуре анекдота выделяют следующие компоненты:

- *вступление* привлекает внимание слушателей и обозначает текст как анекдот (*Haben Sie einen neuen Witz gehört?* «Слышали новую шутку?»);

- *экспозиция* знакомит с ситуацией, действующими персонажами и рамками повествования (*Warum haben Elefanten rote Augen?* «Почему у слонов красные глаза?»);

- *развитие* показывает дальнейшие действия персонажей для их интерпретации слушателями (*Ich habe noch nie einen Elefanten auf dem Kirschenbaum gesehen!* «Я никогда не видел слона на вишне!»);

- *развязка* удивляет слушателя, обманывая его ожидания и вскрывая двойной смысл, заложенный в основной части или в экспозиции (*So gut können sie sich verstecken!* «Хорошо прячутся!»).

Создание комического эффекта с помощью неожиданной развязки требует от автора творческого, остроумного решения, что отражается в этимологии слова *Witz*, восходящего к индоевропейскому *vid* и родственного древнегреческому *idéa* («внешний вид») и латинскому *videre* («видеть»), древневерхненемецкому *wissan* («увидеть») и *wizzi* («знание»), средневерхненемецкому *wizze* («благоразумие»), английскому *witness* («быть свидетелем чего-то»), русскому «ведать». Примерно до начала XIX в. слово *Witz* означало «способность человека делать проницательные сравнения и придумывать метафоры», или «изобретательность» (лат. *ingenium*) [16], после чего слово стало употребляться в современном значении. Роль остроумной шутки как одной из вершин мыслительной деятельности человека отчетливо

прослеживается в выражениях современного немецкого языка, которые сохранили изначальное широкое понимание слова *Witz*:

Ja, das war doch der Witz an der Sache. («Да, в этом-то как раз была вся суть»);

Was machst du? Das ist witzlos. («Что ты делаешь? Это бессмысленно»);

Seine Idee ist nicht ohne Witz. («Его идея не лишена остроумия»).

Сравнение анекдотов, написанных человеком и сгенерированных ИИ

В опросе 50 информантов устанавливали авторство 10 текстов (5 человеческих и 5 сгенерированных), таким образом, общее количество ответов составило 500. В 67,2% случаев (336 ответов) информантам удалось правильно распознать авторство ИИ или человека, причем для искусственных текстов средний уровень правильного распознавания составляет 71,2%, а медианный – 78%. Результаты для отдельных текстов генеративного искусственного интеллекта представлены на графике:

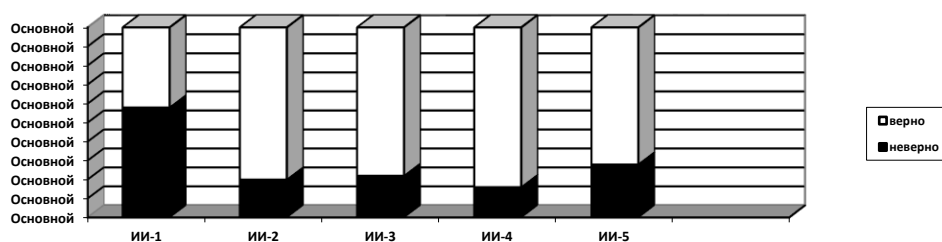

Рис. 1. Соотношение распознаваний авторства текстов ИИ

Доля верно распознанных текстов, созданных человеком, составила 63,2% при медианном уровне 64%:

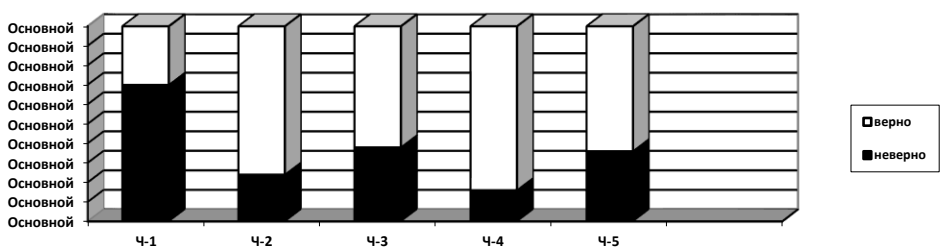

Рис. 2. Соотношение распознаваний авторства человеческих текстов

После определения авторства информанты оценивали прагматический потенциал анекдота по шкале от 0 до 10. Для сгенерированных шуток этот показатель ниже, чем для человеческих – в среднем 3,72 против 5,33 при соответственных медианных значениях 3,46 и 5,58. Показательна корреляция значения юмористического потенциала и распознавания авторства высказывания – информанты оценивали тексты с потенциалом ниже 4, как созданные ИИ, что в большинстве случаев соответствовало действительности:

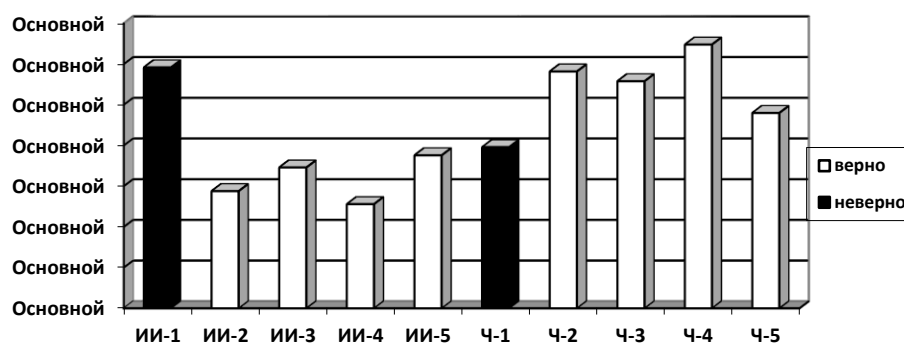

Рис. 3. Корреляция юмористического потенциала и точности распознавания

В целом, искусственно сгенерированным шуткам присущ более сложный синтаксис – наличие большого количества сложноподчиненных предложений с полной грамматической основой, соединенных подчинительными союзами (*Weil der Hamster jedes Mal, wenn er müde war, einfach in seinem Rad schlafen gehen konnte, während der Wal immer wieder ins Meer zurückschwimmen musste!*) и повторов (*Was ist der Unterschied zwischen einem Ballon und einem Elefanten? – Der Unterschied zwischen einem Ballon und einem Elefanten ist, dass...*), что отличает их от простого синтаксиса человеческих анекдотов, состоящих преимущественно из простых, односоставных предложений и синтаксических эллипсов (*Wann stehen Studenten auf? – Um sieben Uhr nachmittags*). Алгоритмические ограничения чат-бота заставляют его избегать стереотипических и тенденциозных шуток (Ч-1) или чёрного юмора (Ч-5), однако такая цензура происходит выборочно, что вызывает дискуссию пользователей [8]. Еще одним недостатком ИИ-текстов являются фактические ошибки (ИИ-4), где языковая модель «галлюцинирует» [7] о пернатых котах. Относительно высокую оценку получили тексты с самоиронией искусственного интеллекта (ИИ-1, ИИ-5), не лишённые фактических неточностей (игра слов с холодным компьютером и открытыми окнами основана на предположении о том, что запуск операционной системы способствует понижению температуры ПК). В то же время низкая оценка анекдота, созданного человеком (Ч-1), и его неверная идентификация как сгенерированного, объясняется недостаточным погружением в лингвокультурный контекст, актуальный для немецких студентов XX в. (сейчас студенты могут просыпаться, когда им удобно, благодаря круглосуточным магазинам и службам доставки).

Перспективы юмора искусственного интеллекта как объекта лингвистического анализа

В. З. Санников отмечает, что «шутить можно не только над людьми и жизненными ситуациями, но и над самим языком» [цит. по: 1, с. 221]. Еще в конце XX в. – начале XXI в. были созданы юмористические программы, экспериментирующие с языковой формой, т.н. «программы-шутники». Алгоритмы данных программ использовали комбинаторные возможности языка для создания

абсурдных высказываний типа «Снявши голову – гуляй смело» или «What do you call a weird market? – A bizarre bazaar» и использования «языковой игры для подрыва референции». Референтивный юмор, работающий на уровне означаемого, еще не доступен искусственному интеллекту в полной мере, однако ситуативно встречается в диалоге с пользователем. В последней версии чат-бота GPT 4 добавлена возможность варьирования индивидуального стиля языковой модели, что позволяет настроить искусственный интеллект на несерьезный лад (зачин) и предложить ему начало истории (экспозиция). Развязка может быть неожиданной, что заставляет собеседника смеяться:

Der Nutzer: Erfinde eine witzige Antwort. Stell dir vor, dass ich deine Freundin bin und dich frage, ob du mich lieben würdest, wenn ich ein Wurm wäre? («Придумай остроумный ответ. Представь, что я – твоя девушка и спрашиваю тебя, любил бы ты меня, если бы я была червяком?»)»)

GPT 4: Natürlich, wir gingen dann zusammen fischen! («Конечно, я брал бы тебя на рыбалку!»)»)

Возможно, в следующих итерациях языковая модель будет способна породить остроумные шутки уже без контекста и экспозиции, а общий искусственный интеллект когда-нибудь пошутит без входящего стимула. Будущим поколениям исследователей еще предстоит оценить прагматический потенциал такой шутки.

ВЫВОДЫ

Алгоритмические ограничения языковых моделей не позволяют создавать стереотипические шутки или чёрный юмор. Генеративный искусственный интеллект использует структуру классического анекдота (экспозиция – развитие – развязка), однако редко достигает комического эффекта из-за сложного синтаксиса, фактических ошибок и отсутствия неожиданности в развязке. Информанты, участвовавшие в опросе, в большинстве случаев верно распознавали анекдоты, сгенерированные искусственным интеллектом, и ниже оценивали их прагматический потенциал. В то же время, большие языковые модели проявляют определенное остроумие при предоставлении пользователем ролей и ситуации общения. Дальнейшие перспективы развития включают улучшение языковых моделей и методов обучения для эффективной генерации шуток с использованием минимального контекста, что может привести к созданию более убедительного и комического контента и расширить практическое применение искусственного интеллекта.

Список литературы

1. *Козинцев А. Г.* Компьютерные программы-шутники и теория юмора // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2009. – № 6. – С. 215–227. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-programmy-shutniki-i-teoriya-yumora-1>. – (Дата обращения: 18.05.2023).
2. *Нестеров А. Ю.* Проблема понимания и искусственный интеллект // Открытое образование. – 2008. – № 1. – С. 58–63. – Режим доступа:

- <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-i-iskusstvennyu-intellekt>. – (Дата обращения: 18.05.2023).
3. *Тотелова Л. Г., Лисовицкая В. Н.* Научно-фантастическая литература как прогноз коммуникации человека с искусственным интеллектом // Семиотические исследования. – 2022. – Т. 2. – № 1. – С. 33–39.
 4. Угадайте автора анекдота и оцените юмор по шкале от 0 до 10 // Яндекс Формс. – Режим доступа: <https://clck.ru/34PdVj>. – (Дата обращения: 17.05.2023).
 5. *Царева М. В.* Проблема обработки естественного языка в чат-ботах // Экономика и социум. – 2022. – № 11–1 (102). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-obrabotki-estestvennogo-yazyka-v-chat-botah>. – (Дата обращения: 18.05.2023).
 6. *Чистякова И. В.* Анекдот как литературный жанр // Вестник ВятГУ. – 2012. – № 4. – С. 81–85. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/anekdot-kak-literaturnyy-zhanr>. – (Дата обращения: 16.05.2023).
 7. 10 Ways GPT-4 Is Impressive but Still Flawed. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2023/03/14/technology/openai-new-gpt4.html>. – (Дата обращения: 17.05.2023).
 8. ChatGPT macht nur Witze über Männer. – Режим доступа: <http://matterne.eu/chatgpt-macht-nur-witze-ueber-maenner>. – (Дата обращения: 19.05.2023).
 9. *Javaid M.* ChatGPT for healthcare services: An emerging stage for an innovative perspective // BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations. – 2023. – Vol. 3, Iss. 1. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772485923000224>. – (Дата обращения: 20.05.2023).
 10. *Kasneci E.* ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // Learning and Individual Differences. – 2023. – Vol. 103. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1041608023000195#section-cited-by>. – (Дата обращения: 19.05.2023).
 11. *Park N.* Use of offensive language in human-artificial intelligence chatbot interaction: The effects of ethical ideology, social competence, and perceived human likeness // Computers in Human Behavior. – 2021. – Vol. 121. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563221001187>. – (Дата обращения: 20.05.2023).
 12. *Peres R.* On ChatGPT and beyond: How generative artificial intelligence may affect research, teaching, and practice // International Journal of Research in Marketing. – 2023. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167811623000162>. – (Дата обращения: 20.05.2023).
 13. *Ray P. P.* ChatGPT: A comprehensive review on background, applications, key challenges, bias, ethics, limitations and future scope // Internet of Things and Cyber-Physical Systems. – 2023. – Vol. 3. – P. 121–154. – Режим доступа: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563221001187>. – (Дата обращения: 20.05.2023).
 14. Scherzfragen und Lustig Fragen. – Режим доступа: <https://www.programmwechsel.de/lustig/scherz-fragen.html>. – (Дата обращения: 15.05.2023).
 15. Wenn ChatGPT Witze erzählt, gibt es nichts zu lachen. – Режим доступа: <https://www.tutonaut.de/wenn-chatgpt-witze-erzaehlt-gibt-es-nichts-zu-lachen>. – (Дата обращения: 15.05.2023).
 16. Witz // Wikipedia. – Режим доступа: <https://de.wikipedia.org/wiki/Witz>. – (Дата обращения: 16.05.2023).

References

1. Kozincev A. G. *Komp'yuternye programmy-shutniki i teoriya jumora* [Computer joke programs and the theory of humour]. *Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija.*, 2009, no. 6, pp. 215–227. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompyuternye-programmy-shutniki-i-teoriya-yumora-1> (accessed 18 May 2023).
2. Nesterov A. Ju. *Problema ponimaniya i iskusstvennyj intellekt* [The issue of comprehension and artificial intelligence]. *Otkrytoe obrazovanie*, 2008, no. 1, pp. 58–63. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-ponimaniya-i-iskusstvenny-intellekt> (accessed 18 May 2023).
3. Tjutelova L. G., Lisovickaja V. N. *Nauchno-fantasticheskaja literatura kak prognoz kommunikacii cheloveka s iskusstvennym intellektom* [Science fiction literature as a predictor of human communication with artificial intelligence]. *Semioticheskie issledovanija*, 2022, Vol. 2, no. 1, pp. 33–39.
4. *Ugadajte avtora anekdota i ocenite jumor po shkale ot 0 do 10* [Guess who wrote the joke and rate the humour on a scale of 0 to 10]. Yandex Forms. Available from: <https://clck.ru/34PdVj> (accessed 17 May 2023).
5. Careva M. V. *Problema obrabotki estestvennogo jazyka v chat-botah* [The issue of natural language processing in chatbots]. *Jekonomika i socium*, 2022, no. 11-1(102). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-obrabotki-estestvennogo-yazyka-v-chat-botah> (accessed 18 May 2023).
6. Chistjakova I. V. *Anekdot kak literaturnyj zhanr* [The joke as a literary genre]. *Vestnik VjatGU*, 2012, no. 4, pp. 81–85. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/anekdot-kak-literaturnyy-zhanr> (accessed 16 May 2023).
7. *10 Ways GPT-4 Is Impressive but Still Flawed*. Available from: <https://www.nytimes.com/2023/03/14/technology/openai-new-gpt4.html> (accessed 17 May 2023).
8. *ChatGPT macht nur Witze über Männer*. Available from: <http://materne.eu/chatgpt-macht-nur-witze-ueber-maenner> (accessed 19 May 2023).
9. Javaid M. *ChatGPT for healthcare services: An emerging stage for an innovative perspective*. BenchCouncil Transactions on Benchmarks, Standards and Evaluations, 2023, Vol. 3, Iss. 1. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2772485923000224> (accessed 20 May 2023).
10. Kasneci E. *ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education*. Learning and Individual Differences, 2023, Vol. 103. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1041608023000195#section-cited-by> (accessed 19 May 2023).
11. Park N. *Use of offensive language in human-artificial intelligence chatbot interaction: The effects of ethical ideology, social competence, and perceived humanlikeness*. Computers in Human Behavior, 2021, Vol. 121. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563221001187> (accessed 20 May 2023).
12. Peres R. *On ChatGPT and beyond: How generative artificial intelligence may affect research, teaching, and practice*. International Journal of Research in Marketing, 2023. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167811623000162> (accessed 20 May 2023).
13. Ray P. P. *ChatGPT: A comprehensive review on background, applications, key challenges, bias, ethics, limitations and future scope*. Internet of Things and Cyber-Physical Systems, 2023, Vol. 3, pp. 121–154. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563221001187> (accessed 20 May 2023).

14. *Scherzfragen und Lustig fragen.* Available from: <https://www.programmwechsel.de/lustig/scherz-fragen.html> (accessed 15 May 2023).
15. *Wenn ChatGPT Witze erzählt, gibt es nichts zu lachen.* Available from: <https://www.tutonaut.de/wenn-chatgpt-witze-erzaehlt-gibt-es-nichts-zu-lachen> (accessed 15 May 2023).
16. *Witz.* Wikipedia. Available from: <https://de.wikipedia.org/wiki/Witz> (accessed 16 May 2023).

**THE PROBLEM OF THE CREATION OF HUMOROUS EXPRESSIONS
BY THE GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE
(IN GERMAN LANGUAGE)**

Lihachjov E. V.

The article is dedicated to the issue of humorous potential of the expressions created by the generative AI. Active development of linguistic models in the second decade of the XXI century makes this research urgent. The article traces the etymology of the word "Witz" from Indo-European through Old German and Middle German to the modern variant of the German language, and the structure of humorous texts. The practical part of the study presents the results of a survey of students of the Vernadsky Crimean Federal University studying German who compared the humorous potential of jokes generated by humans and artificial intelligence, as well as a linguistic analysis of the generated texts. The source of material for the survey was the publicly available web pages of the German-language segment of the Internet. Observation, description, questioning and generalisation methods were used in the research. The results can be briefly summarised as follows: the majority of informants assess the pragmatic potential of generated jokes lower than that of natural jokes, which is explained by the complexity of creating a humorous expression and the presence of constructive algorithmic limitations of existing language models. Thus, teaching language models such means of humour as metaphor, comparison, hyperbole, and litotes becomes a future task for developers of generative artificial intelligence.

Keywords: theory of humour, types of jokes, language means of humour, generative artificial intelligence, chatbot, virtual communication.

3. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ К ВОСПРИЯТИЮ ТЕКСТА СПЕЦИАЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

Вишнякова С. А.

*АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС»,
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: svetavish@mail.ru*

В статье рассматривается проблема восприятия текста иностранными студентами-нефилологами на этапе обучения ТРКИ-1/В2 с использованием метода моделирования текста, который используется в целях преодоления непонимания научного текста. Процесс моделирования текста включает в себя выявление темы, коммуникативной задачи текста, данной и новой информации. При условии усвоения этих элементов модели текста в дальнейшем происходит обучение пониманию функций предложения в тексте. Речь также идет о принципе семантического предвосхищения информации текста и принципе влияния коммуникативной задачи на его структурно-семантическую организацию. Результатами использования метода моделирования текста является понимание смысловых связей научной информации, запоминание прочитанного, логичное его воспроизведение.

Ключевые слова: научный текст, метод моделирования, семантическое предвосхищение, структурно-семантическая организация.

ВВЕДЕНИЕ

Проблема восприятия текста специальности является одной из актуальных для иностранцев, обучающихся по любой специальности. Особенно она важна на первом курсе обучения, когда студенты начинают знакомиться с научным текстом учебников, и учатся работать с текстом специальности. О степени трудности освоения содержания научно-учебного текста свидетельствует и тот факт, что иностранные студенты при подготовке пересказа склонны поначалу заучить текст вместо того, чтобы попытаться пересказать его своими словами. Этим и объясняется актуальность работы над адаптацией восприятия текста специальности.

Совершенно очевидно, что на предтекстовом этапе работы с научным текстом объясняются термины, грамматические конструкции. Но самый важный этап после прочтения текста, позволяющий осуществить адаптацию к восприятию текстовой информации, – работа над структурно-смысловыми связями. В этом помогает *метод моделирования текста* [1, 2], используемый преподавателем при объяснении смысловых внутритекстовых связей. К моделям обычно прибегают, когда надо разобраться в содержании чего-либо, поскольку они всегда отражают самые главные, ядерные связи явления. Использование моделей в методическом плане важно и перспективно, так как, во-первых, модель представляет, по мнению П. П. Маслова, «определенный круг и определенный строй идей» [8, с. 64] и является всегда

концептуальным построением. Во-вторых, модели, как считал В. В. Давыдов, – это «форма научной абстракции особого рода, в которой существенные отношения закреплены в наглядно воспринимаемых и представляемых связях и отношениях...» [5, с. 282]. Важно и то, что моделирование текста нужно только там, где имеет место понимание – преодоление непонимания при посредстве рефлексии [8, с. 39–49].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Одними из ценнейших функций модели являются гносеологические, познавательные, что ценно в методическом плане. Исходное определение модели дает В. А. Штофф: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его, и изучение которой дает нам информацию об изучаемом объекте» [9, с. 28].

Данные особенности моделирования как такового при разработке проблемы моделирования научного текста в методических целях имеют, безусловно, большое значение, так как обращение к моделированию, с одной стороны, обусловлено тем, чтобы *сложные процессы образования текста* показать в *доступной*, экономной, сжатой и одновременно выразительной, научно объективной форме. При этом необходимо специально и подробно остановиться как на содержательной стороне формализации моделей, так и на конкретном содержании абстракций, помогающих отразить развитие смысла текста.

Сотрудниками проблемной группы по русскому языку как иностранному и психологии личности университета ЕврАзЭС было проведено выборочное исследование понимания научно-учебного текста на продвинутом этапе обучения иностранцев (ТРКИ-1/В) в начале учебного года. Оно показало, что очень многие из них недостаточно владеют важнейшими умственными действиями, без которых невозможна продуктивная учебная деятельность: умение сравнивать признаки объектов, выделять главное, выяснять задачу текста, находить логические связи. В этом может помочь использование преподавателем в обучении метода моделирования текста.

Следует отметить, что моделирование текста нужно только там, где имеет место понимание – «преодоление непонимания при посредстве рефлексии», поскольку «схемы – компенсация неполноты в системности понимаемого, они «подчиняют текст определенному типу чтения» [7, с. 67]. На это обращает и Г. И. Богин, говоря о схемопостроении [1, с. 13].

Одними из ценнейших функций модели являются гносеологические, познавательные, что ценно в методическом плане. Исходное определение модели дает В.А. Штофф: «Под моделью понимается такая мысленно представляемая или материально реализованная система, которая, отображая или воспроизводя объект исследования, способна замещать его, и изучение которой дает нам информацию об изучаемом объекте» [9, с. 28].

Модель научного текста – это воспроизведение основных внутритекстовых связей, передающих развитие мысли. Именно поэтому моделирование текста помогает понять его содержание, выделить его основные смысловые связи. Кроме

того, по визуализированной модели текста иностранным студентам легче пересказать научно-учебный текст. Элементами внутритекстовых связей, являются тема, микротемы, коммуникативная задача текста, микротемы, данная и новая информация, текстообразующие функции предложения.

Критерии отбора текстов для анализа ядерных модельных, смысловых связей:

- анализируются типы текстов, характерные для специальности обучения;
- сначала выбираются аутентичные и небольшие по объему тексты;
- учитывается принцип доступности содержания текстовой информации;
- принимается во внимание прозрачность структурно-смысловых связей;
- учитывается доступность выявления данной и новой информации текста, его коммуникативной задачи и ее соотношение с темой текста.

– принимается во внимание простота вычленения коммуникативной задачи текста.

– принимается во внимание простота вычленения коммуникативной задачи текста.

Приведем пример выделения модельных связей в тексте о группах экономических агентов.

Немного забегаая вперед, укажем, что для описания и изучения совместных действий людей, в экономике выделяют укрупненные группы экономических агентов: домохозяйства, фирмы и государства, имеющие свои особенности.

Домохозяйством называется экономический агент (физическое лицо или группа лиц, имеющих обособленный бюджет), владеющий ресурсами, получающий за них деньги и расходующий их на потребление благ.

Фирма в роли экономического агента выполняет функции покупки ресурсов, использования их в целях производства и продажи продукта. Достаточно крупная производственная единица, существующая за счет прибыли.

Государство – это экономический агент (совокупность учреждений и организаций), обеспечивающий фирмам и домохозяйствам те экономические блага (правопорядок, безопасность), производство которых рыночными методами оказывается неэффективным (общественные блага), а также принимающий решения о перераспределении производственных экономических благ [7, с. 77].

Модельные связи темы, коммуникативной задачи и микротем анализируемого текста видно в модели текста (см. схему 1).

При изучении новой информации текста осуществляется работа над каждой микротемой и выявляется то новое, что в наибольшей степени характеризует их специфику. Так, в приведенном выше тексте новая информация характеризует функции экономических агентов.

Для домохозяйств новая информация – это владение ресурсами (H_1), получение за ресурсы денег (H_2), расход денег на потребление благ (H_3).

Для фирм новая информация – покупка ресурсов (H_1), использование ресурсов для производства и продажи продукта (H_2).

Для государства новая информация – обеспечение экономических благ (H_1), перераспределение экономических благ (H_2).

Все перечисленные структурно-смысловые связи отражены в графической модели (см. модель 1). Общая схема работы над темой, коммуникативной задачей текста, микротемами, данной и новой информацией выглядит так (см. схему 2).

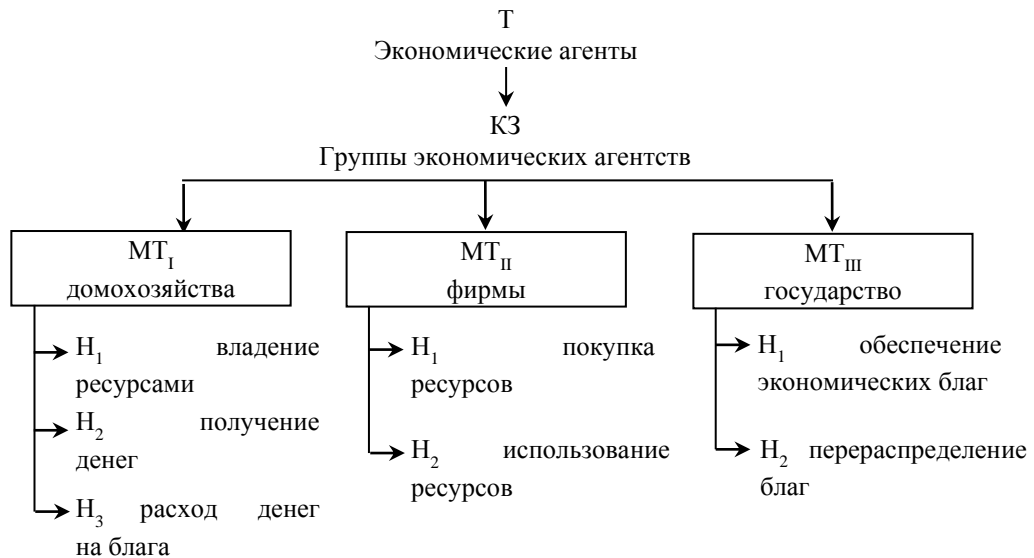

Схема 1

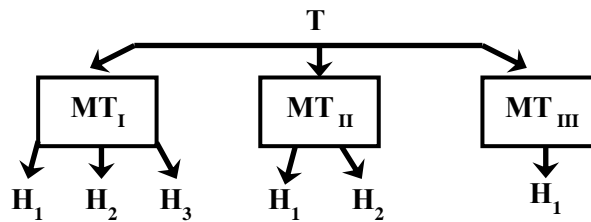

Схема 2

Если говорить о теоретической основе, на которую опирается преподаватель, использующий моделирование внутритекстовых связей, то это метод моделирования текста [2, с. 142–150; 3, с. 30–90; 4, с. 231–237]. Важными являются принцип семантического предвосхищения [2, с. 143–145; 3, с. 62–68; 4, с. 216–221] и принцип влияния коммуникативной задачи на структурно-семантическую организацию текста [4, с. 222–227].

В модели текста не просто выделяются ключевые слова, а ядерные связи, представленные в виде новой информации текста, связанные с темой и коммуникативной задачей текстового фрагмента и данной информацией. При этом для иностранных студентов-нефилологов используется практическое понимание тема-рематического членения предложения и текста. Под коммуникативной задачей текста понимается «задача общения, которую ставит автор перед читателем и для

раскрытия которой создается текст» [4, с. 76]. В анализируемом тексте коммуникативная задача отражена в первом предложении. Она конкретизирует тему текста – экономические агенты. Конкретизация происходит с помощью данной информации текста, представляющей собой группы экономических агенств.

Под данной информацией текста понимается «исходная информация, от которой начинается развитие мысли» [5, с. 92] и которая содержится в предложении, отражающем коммуникативную задачу текста. Данное текста передается словом или словосочетанием, наиболее точно отражающим коммуникативную задачу и способствующим развитию текста [там же]. Важно, что понимание данной информации студентами помогает им правильно увидеть то, что дальше будет в тексте поясняться, увидеть точку отсчета развития текстовой информации.

В иностранных исследованиях (Tannenbaum, Williams; Olson, Filby) [12, с. 246–252; 11, с. 361–381] это называется «концептуальным фокусом», объясняя этот феномен «фокусом внимания». Для иностранных студентов это важно, поскольку помогает правильно увидеть начало формирования внутритекстовых связей. Хочется отметить интересное понимание «фокуса» таким зарубежным исследователем, как У. Чейф. Для нас это представляет интерес, потому что ученый связывает организацию подачи информации с *процессуальной моделью*, которая основывается на перспективе высказывания как элементе текста [10, с. 361–381].

Под новой информацией текста понимается неизвестная, новая информация, которую необходимо узнать. Данная информация научного текста обычно имеет обобщенное значение, характеризуется в общих чертах. Новая информация раскрывает, конкретизирует данную информацию текста и связана с его актуальным членением. Лингвистическими и психолингвистическими основами актуального членения текста являются работы В. Матезиуса, Г. А. Золотовой, Т. М. Дридзе, О. И. Никифоровой и др.

В анализируемом тексте данной информацией является «группы экономических агенств». В отличие от данного текста новая информация текста «раскрывает, конкретизирует данное, влияет на развитие смысла в тексте» [4, с. 33]. Новая информация реализуется в микротемах текста, поясняющих данную информацию. Так, в тексте об экономических агентах данная информация реализуется в трех микротемах (см. схему 1).

В работе над моделированием смысловых связей текста используются специфические метод и принципы, характерные для методики работы с научным текстом: метод моделирования текста, принцип семантического предвосхищения текста, принцип влияния коммуникативной задачи на структурно-семантическую организацию текста.

Метод моделирования текста заключается в обучении выявлению ядерных внутритекстовых связей, составлении моделей текста, фиксированных в схеме и необходимых для понимания того, как реализуется в нем коммуникативная задача [4, с. 231]. В модели текста логично взаимосвязаны тема, коммуникативная задача текста, данная и новая информация. Кроме того, в модели текста наглядно можно показать текстообразующие функции предложения: функцию обеспечения прогрессии текста, функцию обобщения текста, функцию двунаправленного

развития информации текста. Предложение, выполняющее последнюю из названных функций, с одной стороны, обобщает предшествующую информацию, с другой стороны, способствует развитию последующей информации.

Используя *принцип семантического предвосхищения текста*, мы учим студентов по началу текста додумывать, как будет развиваться в нем информация. Так, в начале анализируемого текста было написано, что «...в экономике выделяют укрупненные группы экономических агентов: домохозяйства, фирмы и государство». Это дает основание предположить, что в нем будут представлены три микротемы: 1 – домохозяйство, 2 – фирмы, 3 – государство, в чем могут убедиться иностранные слушатели. Другим примером может быть начало параграфа «Монетарная политика и способы ее реализации» в учебнике по макроэкономике под редакцией Л. П. Куракова:

«Существует три основных способа государственного воздействия на экономику: прямое вмешательство (регулирование цен и доходов); фискальная политика; монетарная (денежная) политика»

Политика полного прямого вмешательства ни в одной стране не была эффективна <...>.

Монетарная политика – кредитно-денежная политика. Она представляет собой <...>» [7, с. 247–248].

В первом предложении параграфа названы три основных способа государственного воздействия на экономику. Следовательно, можно предположить, что далее в тексте будет описан каждый из них.

Принцип влияния коммуникативной задачи на структурно-семантическую организацию текста позволяет проследить, как коммуникативная задача влияет на развитие информации текста посредством формирования микротем и новой информации текста, на формирование предложений, выполняющих текстообразующую функцию.

В целях освоения моделирования научно-учебного текста осуществляется работа над умениями: определять тему текста; находить в нем предложение, в котором заявлена коммуникативная задача, определять в нем данную информацию; выявлять микротемы текста; находить в них новую информацию текста; выявлять текстообразующие функции предложения и доказывать их структурно-смысловую роль; строить графическую модель текста.

ВЫВОДЫ

Таким образом, использование визуализированной модели текста является средством адаптации студентов-иностранцев к восприятию профессионального текста. Это обусловлено тем, что моделирование текста помогает иностранным слушателям понять, как развивается текстовая информация, запомнить ядерные связи, пересказать текст по модели, восстановить в памяти; преодолеть психологический барьер монологического ответа перед группой за счет того, что в модели отражены главные текстовые связи, опираясь на которые, легко построить монологический ответ.

Список литературы

1. Богин Г. И. Схемы действия читателя при понимании текста. – Калинин: КГУ, 1989. – 70 с.
2. Вишнякова С. А. Обучение чтению научного текста на основе моделирования // Культура речи. Научная речь: уч. пособие для вузов / под ред. В. В. Химики, Л. Б. Волковой. – М.: Издательство Юрайт (Высшее образование), 2022. – 270 с.
3. Вишнякова С. А. Обучение чтению научного текста на иностранном языке. Уч. пособие по научному стилю речи. – СПб.: Астерион, 2013. – 162 с.
4. Вишнякова С. А. Смысл и форма научного текста. Уч. пособие для иностранных студентов-медиков I–III курсов. – СПб.: Сударыня, 1999 г. – 125 с.
5. Вишнякова С. А. Теоретические основы обучения моделированию научного текста (русский язык как иностранный, основной этап обучения). Монография. – СПб.: Астерион, 2015. – 269 с.
6. Давыдов В. В. Виды обобщения в обучении. – М.: Педагогика, 1986. – 422 с.
7. Кураков Л. П., Игнат'ев М. В., Тимирязова А. В. и др. Макроэкономика: учебник для вузов. – М.: Изд-во ИАЭП, 2017. – 336 с.
8. Маслов Б. А. Проблемы лингвистического анализа связного текста. – Таллин: ТПИ, 1975. – 104 с.
9. Штофф В. А. Моделирование и познание. – Минск: Наука и техника, 1974. – 209 с.
10. Chafe W. The Flow of Thought and the Flow of language // Syntax and Semantics. – New York, etc., 1979. – Vol. 12. – Pp. 159–181.
11. Olson D. R., Filby N. On the Comprehension of Active and Passive Sentences // Cognitive Psychology. – 1972. – Pp. 361–381.
12. Tannenbaum P. H., Williams. Generation of Active and Passive Sentences as a Function of Subject or Object Focus // Journal of Verbal Learning and Verbal Learning and Verbal Behavior. – New York, 1968. – № 7. – Pp. 246–252.

References

1. Bogin G. I. *Shemy dejstvija chitatelja pri ponimanii teksta* [Schemes of the reader's actions in understanding the text]. Kalinin, KSU Publ., 1989. 70 p.
2. Vishniakova S. A. *Obuchenie chteniju nauchnogo teksta na osnove modelirovaniya* [Teaching to read a scientific text based on modeling]. *Kul'tura rechi. Nauchnaja rech': uch. posobie dlja vuzov*. Moscow, Yurayt Publishing House (Higher Education) Publ., 2022. 270 p.
3. Vishniakova S. A. *Obuchenie chteniju nauchnogo teksta na inostrannom jazyke* Uchebnoe posobie po nauchnomu stilju rechi [Teaching to read a scientific text in a foreign language. A textbook on the scientific style of speech]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2013. 162 p.
4. Vishniakova S. A. *Smysl i forma nauchnogo teksta. Uch. posobie dlja inostrannyh studentov-medikov I–III kursov* [The meaning and form of a scientific text. Textbook for foreign medical students of I–III courses]. St. Petersburg, Madam Publ., 1999. 125 p.
5. Vishnyakova S. A. *Teoreticheskie osnovy obuchenija modelirovaniju nauchnogo teksta (russkij jazyk kak inostrannyj, osnovnoj jetap obuchenija). Monografija* [Theoretical foundations of teaching modeling of scientific text (Russian as a foreign language, the main stage of training). Monograph]. St. Petersburg, Asterion Publ., 2015. 269 p.
6. Davydov V. V. *Vidy obobshhenija v obuchenii* [Types of generalization in teaching]. Moscow, Pedagogy Publ., 1986. 422 p.
7. Kurakov L. P., Ignat'ev M. V., Timirjasova A. V. i dr. *Makroekonomika: uchebnik dlja vuzov* [Microeconomics: textbook for universities]. Moscow, IAEP Publ., 2017. 353 p.
8. Maslov B. A. *Problemy lingvisticheskogo analiza svjaznogo teksta* [Problems of linguistic analysis of a coherent text]. Tallinn, TPI Publ., 1975. 104 p.

9. Shtoff V. A. *Modelirovanie i poznanie* [Modeling and cognition]. Minsk, Nauka i tehnika Publ., 1974. 209 p.
10. Chafe W. *The Flow of Thought and the Flow of language* // Syntax and Semantics. New York, etc., 1979, vol. 12, pp. 159–181.
11. Olson D. R., Filby N. On the Comprehension of Active and Passive Sentences // Cognitive Psychology, 1972, pp. 361–381.
12. Tannenbaum P. H., Williams. *Generation of Active and Passive Sentences as a Function of Subject or Object Focus* // Journal of Verbal Learning and Verbal Learning and Verbal Behavior. New York, 1968, no. 7, pp. 246–252.

ADAPTATION OF FOREIGN STUDENTS TO PERCEPTION THE TEXT OF THE SPECIALTY BY MODELING OF INTERTEXTUAL LINKS

Vishniakova S. A.

The article deals with the problem of text perception by foreign non-philological students at the stage of training TRKI-1/B1 using the text modeling method, which is used to overcome misunderstanding of the scientific text. The process of text modeling involves identifying the topic, the communicative task of the text, known information and new information. Subject to the assimilation of these elements of the text model, further training takes place in understanding the functions of the sentence in the text. We are also talking about the principle of semantic anticipation of text information and the principle of the influence of a communicative task on its structural and semantic organization. The results of using the text modeling method are an understanding of the semantic connections of scientific information, memorization of what has been read, and its logical reproduction.

Keywords: scientific text, modeling method, semantic anticipation, structural and semantic organization.

УДК 811.161.1

КУЛЬТУРА РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Лихачёва Е. М.

*Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
Луганск, Россия
E-mail: likhachova@list.ru*

Статья обобщает опыт, используемый в Луганском государственном университете имени Владимира Даля в преподавании курса «Культура речи» в 2020–2022 гг. Высокий и постоянно нарастающий темп изменений, происходящих в обществе и в языке, требует постоянных «замеров», позволяющих оценить уровень владения студентами навыками нормативной речи, готовность студентов воспринимать те или иные виды занятий, использовать приобретенные навыки в повседневном общении. Это позволяет выявить «проблемные зоны» и соответствующим образом модернизировать методы и подходы преподавателей.

Ключевые слова: культура речи, нормативность речи, языковая норма, коммуникативные качества.

ВВЕДЕНИЕ

Переломные моменты истории всегда приводят к изменениям не только в обществе, но и в языке. Последние годы вместили в себе столько масштабных событий и новых вызовов, что современная лингводидактика вынуждена пересматривать многие свои подходы и принципы.

Понятие культуры речи определяет не только некие лингвистические требования, но и общую культуру личности, особенности восприятия человеком окружающего мира и других людей. Уровень владения культурой речи непосредственно связан с уровнем духовного совершенства человека. Вот почему это понятие сверхценно для любого носителя русского языка.

В настоящее время сложились условия, когда востребованность специалиста на рынке труда, его конкурентоспособность в значительной степени зависят от правильности и богатства речи, умения эффективно общаться, от знания приемов вербального и поликодового воздействия, убеждения. Именно сегодня интерес к родному языку становится осознанной необходимостью для миллиона молодых людей, стремящихся достичь успеха в жизни с помощью профессиональных знаний, умений и навыков.

Цель настоящей статьи – продемонстрировать на примере Далева университета, какие трудности в современных условиях препятствуют развитию культуры речи у студентов и какие меры преодоления этих трудностей могут быть наиболее эффективны.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Культура речи современной молодежи постоянно находится под влиянием социальных изменений (как положительных, так и отрицательных). Анализ процесса и результатов преподавания курса «Русский язык и культура речи» в Далевском университете (2020–2022 гг.) позволил выделить несколько причин, повлекших за собой резкое снижение лингвокультурной компетенции молодежи:

- массовое нарушение норм русского языка в окружающей коммуникативной среде;
- нарастающая динамика заимствования иностранной лексики (*слеиш, фейк, хештег, булинг, мэйк-ап, топ* и т.д.);
- использование слов-паразитов и жаргонной лексики;
- гиперраспространение молодежного сленга (*кринж, пранк, стрим, хейт, хайп, лук* и т. п.)
- вирусная мода на употребление тех или иных слов и оборотов;
- сверхактивность интернет-общения, которому присущи краткость и скорость набора, сжатость и замена букв, отсутствие богатого словарного запаса;
- чрезмерное влияние современных средств массовой информации.

Проанализировав речь студентов, констатируем, что современное состояние языковой культуры молодого поколения находится на самом низком уровне. А потому приоритетное внимание формированию коммуникативной культуры личности должно в первую очередь уделяться в процессе изучения обязательной программной дисциплины «Русский язык и культура речи».

Как уже сказано, одной из особенностей духовно богатой личности, способной успешно осуществлять профессиональную деятельность, является богатая и нормативная речь. Культура устной и письменной речи будущего специалиста является не только отражением уровня его образования, воспитанности, интеллигентности, но и определяет культуру его труда и, что особенно важно, культуру взаимоотношений в ежедневном общении в самых разных сферах речевой деятельности: от частного общения до общения на международном уровне. Важная цель каждого культурного человека заключается в обогащении своей речи, её совершенствовании. Необходимо научиться чувствовать своего собеседника, уметь отбирать наиболее подходящие для каждого случая слова и конструкции.

В процессе общения крайне важно поддерживать уровень речевой культуры, которая включает в себя вежливость, внимательность, умение поддержать разговор, развить общую тему. Именно культура речи делает наше общение легким и свободным.

Отдельно отметим, что термин «культура речи» многозначен. В словаре лингвистических терминов это: «1. Степень совершенства, достигнутая в овладении устной и письменной речью; 2. Раздел филологической науки, изучающий речевую жизнь общества в определенную эпоху и устанавливающий правила пользования языком как основным средством общения людей, инструментом формирования и выражения мыслей; 3. Нормативность речи, ее соответствие требованиям,

предъявляемым к языку в данном языковом коллективе в определенный исторический период, соблюдение норм произношения, ударения, словоупотребления, построение словосочетаний и предложений» [5].

Б. Н. Головин так определяет понятие «культура речи» – это «1. Признаки и свойства, совокупность и система которых говорят о коммуникативном совершенстве речи; 2. Совокупность навыков и знаний человека, обеспечивающих целесообразное и незатрудненное применение языка в целях общения; 3. Область лингвистических знаний о культуре речи как совокупности и системе ее коммуникативных качеств» [3, с. 26].

По мнению Е. Н. Ширяева, термин «культура речи» применяется в следующих значениях: «1. Это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в той или иной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач; 2. Наука, занимающаяся проблемами нормализации речи, разрабатывающая рекомендации по умелому пользованию языком» [4, с. 15].

Проанализировав наиболее авторитетные и популярные дефиниции, приходим к следующим выводам. Прежде всего «культура речи» – контекстуальный синоним понятия «культура языка» (свойства образцовых текстов). Во-вторых, конкретная реализация языковых свойств и возможностей в условиях повседневного общения. В-третьих, самостоятельная лингвистическая дисциплина.

По сложившейся в отечественной филологии традиции, культура речи изучается в трех аспектах:

- нормативный (исследование и кодификация норм языка);
- коммуникативный (изучение функциональной дифференциации выразительных средств языка);
- этический (описание речевого этикета, эффективных приемов общения).

В рамках данной статьи остановимся более детально на последнем пункте обозначенного триединства.

Студенты находятся в постоянном общении, вступают в контакт с десятками людей в день. Приветливо или грубо сказанное слово нередко оставляет болезненный след в душе человека на длительное время. Поэтому осознанное следование нормам речевого этикета имеет огромное практическое значение для формирования культуры речи, ведь оно куда как более тесно, чем просто речевые сообщения, соотносится с конкретной ситуацией. Соблюдение речевых этикетных норм особенно актуально на старте общения, так как оно помогает установить контакт между партнерами для дальнейшего выполнения совместной работы.

Разумеется, в зависимости от условий высказывания одни и те же единицы речевого этикета могут иметь различное содержание, а воспроизведение его будет зависеть от того, какое слово выделит говорящий. Выполняя подобные упражнения на занятиях, студенты учатся слышать и понимать значение повышения и понижения голоса в середине и в конце предложения, соотносить особенности интонации с порядком слов, с невербальными средствами общения. Таким образом, они получают важный для эффективной коммуникации опыт.

С целью усвоения норм речевого этикета студентам предлагаются такие речевые ситуации, содержание которых определяет общий тон речи (торжественный, спокойный, мягкий, приветливый, радостный), помогает овладеть своим голосом: сознательно говорить тихо или громко в зависимости от профессиональной ситуации, регулировать высоту тона; понимать и оперировать в речевых ситуациях паузами; создавать соответствующую позу, мимику, жесты. Каждый студент должен знать этикетные единицы, которыми выражаются формулы благодарности, приветствия, прощания, обращения, извинения и т. д. [2, с. 587–655].

Культура речи – это составляющая духовной культуры человека, уровня его общего развития, выражение любви и уважения к родному языку, который естественным образом связан с историей родного края и его культурным богатством. С одной стороны, студент должен освоить общие нормы русского языка, а с другой – бережно относиться к специфическим речевым «формулам» своего региона [1, с. 185], отражающим своеобразие местных традиций. Умение четко и ясно выразить свои мысли, привлечь слушателей, убедить их в чем-то – важная характеристика профессиональной состоятельности для будущего выпускника вуза.

Культура речи формируется в течение всей жизни и деятельности человека, обучения и самовоспитания личности. У будущего специалиста она развивается особенно плодотворно на протяжении обучения в университете, а также во время осуществления коммуникации в условиях, приближенных к профессиональным (так называемое активное контекстное обучение по А. А. Вербицкому).

Имеются в виду прежде всего такие занятия, условия которых максимально копируют будущую профессиональную деятельность, побуждают к решению профессиональных коммуникативных задач, например, во время пассивной и активной практик, совместной коммуникативной деятельности студентов. По-настоящему овладеть культурой речи возможно только при непосредственном участии в таком вербальном взаимодействии.

С целью формирования навыков культуры речи у студентов необходимо применять одновременно традиционные и инновационные технологии, поскольку важны все виды и типы дидактических форм и методов обучения.

Отметим, что отличительной особенностью современного коммуникативного подхода является ориентация на взаимосвязанное комплексное обучение всем видам речевой деятельности. Хотя в методике преподавания накоплен богатый материал по формированию и развитию речи, нередко отдельные явления языка изучаются в отрыве от формирования культуры речи студента, что в современных условиях выглядит как дидактический архаизм.

Исходя из этого, актуализируется одна очень важная методическая задача: обеспечение органичного единства двух направлений – изучения норм современного литературного русского языка и формирования культуры речи. Поэтому работа должна быть организована по следующим направлениям:

- уточнение, активизация и расширение словарного запаса студентов;
- устранение из речи нелитературных слов и выражений;
- обогащение личностного коммуникативного опыта.

Следовательно, основное внимание педагога должно быть направлено на то, чтобы, формируя культуру речи, одновременно развивать готовность к её использованию для решения реальных прагматических задач. При этом особое внимание должно обращать на содержание высказывания. Например: «Прочитайте части текста, расположите части в правильной последовательности, вставьте пропущенное предложение, определите основную мысль в тексте, предположите варианты окончания текста, замените синонимом иноязычные слова».

Такой подход в процессе обучения увеличивает глубину познания, качество усвоения нового материала, параллельно с этим решается задача интенсивного речемыслительного развития.

ВЫВОДЫ

Современное образование предусматривает усовершенствование технологий познавательного процесса, приближение его к актуальным запросам государства и общества, которое нуждается в высокообразованных, интеллектуально развитых гражданах, умеющих эффективно взаимодействовать посредством языковых средств. Формирование культуры речи – это многоплановый процесс организации, установления и развития коммуникации, взаимопонимания и взаимодействия между педагогами и обучающимися, порожаемый целями и содержанием их совместной деятельности. Высокий и постоянно нарастающий темп изменений, происходящих в обществе и в языке, требует постоянного совершенствования методов и подходов, применяемых в процессе обучения студентов навыкам нормативной речи.

Список литературы

1. Аржанцева Т. В., Орехова Л. А., Петров А. В. и др. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография. – Симферополь: Издательский дом КФУ, 2022. – 199 с.
2. Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: около 6000 этикетных слов и выражений / 3-е изд., испр. и доп. – М.: Астрель, Хранитель, 2007. – 767 с.
3. Головин Б. Н. Основы культуры речи: учебник для вузов по специальности «Русский язык и литература». – М.: Высшая школа, 1988. – 320 с.
4. Граудина Л. К., Дмитриева О. Л., Новикова Н. В., Ширяев Е. Н. Мы сохраним тебя, русская речь! – М.: Наука, 1995. – 102 с.
5. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. – Назрань: Пилигрим, 2005. – 376 с.

References

1. Arzhanceva T. V., Orehova L. A., Petrov A. V. i dr. *Prepodavanie russkogo jazyka v Krymu: istoricheskij i jetnokul'turnyj kontekst: kollektivnaja monografija* [Russian language teaching in Crimea: historical and ethno-cultural context: collective monograph]. Simferopol, Izdatel'skij dom KFU Publ., 2022. 199 p.
2. Balakaj A. G. *Slovar' russkogo rechevogo jetiketa: okolo 6000 jetiketnyh slov i vyrazhenij* [Dictionary of Russian speech etiquette: about 6000 etiquette words and expressions]. Moscow, Astrel', Hranitel' Publ., 2007. 767 p.

3. Golovin B. N. *Osnovy kul'tury rechi: uchebnik dlja vuzov po special'nosti «Russkij jazyk i literatura»* [Fundamentals of the culture of speech: a textbook for universities in the specialty "Russian language and literature"]. Moscow, Vysshaja shkola Publ., 1988. 320 p.
4. Graudina L. K., Dmitrieva O. L., Novikova N. V., Shirjaev E. N. *My sohranim tebjja, russkaja rech'!* [We will save you, Russian language!]. Moscow, Nauka, 1995. 102 p.
5. Zhrebilo T. V. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Nazran, Piligrim Publ., 2005. 376 p.

**CULTURE OF SPEECH:
PROBLEMS OF STUDY AND TEACHING IN HIGHER SCHOOL**

Likhacheva E. M.

The article summarizes the experience used at Volodymyr Dahl Lugansk State University in teaching the course "Culture of Speech" in 2020–2022. The high and constantly growing pace of changes taking place in society and in the language requires constant "measurements" to assess the level of students' mastery of normative speech skills, the readiness of students to perceive certain types of classes, to use the acquired skills in everyday communication. This makes it possible to identify "problem areas" and to modernize the methods and approaches of teachers accordingly.

Key words: culture of speech, normativity of speech, language norm, communicative qualities.

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 316.77

ТАКСОНОМИЯ КАК ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ БЛОГОСФЕРЫ

Владимирова О. М.

*Кубанский государственный университет
Краснодар, Россия
E-mail: olavaldi25@gmail.com*

В статье рассматриваются подходы к классификации сложноорганизованных сфер, которые применялись по ходу развития научного познания. Систематизация в сфере лингвистики рассмотрена на основе работ А. Арно и К. Лансло, Н. Хомского, М. Фуко. В качестве универсального научного подхода к классификации в естественных и гуманитарных науках исследован принцип таксономии. В качестве корневого таксона предлагается взять формат интернет-дневника – тот ключевой признак, который отличает все блоги от других цифровых ресурсов. Даются ключевые определения блога, блогера и блогосферы. Выделены и другие таксоны, позволяющие классифицировать блогосферу, такие как платформенность, формат контента, авторство, аудитория и тематика.

Ключевые слова: медиакоммуникации, блогосфера, блог, блогер, интернет-дневник, таксон, таксономия блогосферы, классификация блогосферы.

ВВЕДЕНИЕ

Систематизация блогосферы – одна из актуальных, но при этом сложных и трудоемких задач современной науки. Выделим несколько причин.

Во-первых, масштаб блогосферы. На сегодня только в одном Facebook¹, по данным за 2021 г., больше 2,91 млрд активных пользователей [11]. В России, по данным за третий квартал 2022 г., месячная аудитория «ВКонтакте» составила рекордные 76,9 млн пользователей [4].

Во-вторых, существуют «вымершие» экземпляры в блогосфере, которые были ступеньками на пути к формированию современного вида блогосферы. Например, когда-то был популярен такой вид общения, как SMS, существовали пейджеры. Их уже можно отнести к «вымершим динозаврам». Также были виды блогов, которые значительно трансформировались со временем. Например, в 2000-х гг. свой пик расцвета переживал «Живой журнал», многие блогеры начинали тогда именно на этой площадке. Сейчас аудитория «Живого журнала» значительно сократилась в связи с развитием соцсетей, однако имеет почитателей и по сей день.

В-третьих, с момента появления блога существенно видоизменяются, причем с большой скоростью. Каждый год появляются новые форматы и возможности для пользователей. Например, в 2018 г. появился Tiktok и ввел моду на короткие видеоролики. Вслед за этим в YouTube появились shorts, в Instagram¹ – reels и т. д. Процесс эволюции блогосферы постоянен.

В-четвертых, блогосфера, сформированная в одной стране, может существенно отличаться от блогосферы в другой. Это зависит от политических, экономических,

¹ Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

общественных факторов, уровня свободы, языка, особенностей менталитета. Все это оказывает воздействие на то, каким образом блоги представляют информацию в медиапространстве, как формируется локальная блогосфера.

Все эти причины обуславливают то, что подойти к вопросу классификации блогосферы непросто, важно учесть все возможные факторы и исторические особенности. С самого начала существования блогосферы ученые предлагали свои варианты ее классификации, основанные на жанровом, технологическом и других принципах типологизации.

В 2002 г. в работе С. Кришнамурти «Разновидности коммуникативного взаимодействия в вебблгах» [13] была предложена систематизация блогов на основе критерия содержания и критерия принадлежности. В 2006 г. А. О. Алексеева представила исследование на тему «Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества» [2], в котором приводит типологизацию блогов по типу коммуникации информационного контента.

Параллельно с исследователями медиа вопросом классификации блогов занимались ученые в области информационных технологий и компьютерных наук. Они знали техническую природу блогов и предпринимали попытки систематизировать их на основе технологических особенностей, а также применяли методы машинного обучения и автоматизации: Mita K. Dalal, Mukesh Zaveri (2013) [10], Martin Virik, Marian Simko, Maria Bielikova (2016) [15]. В 2012 г. ученые Fazel Keshtkar и Diana Inkpen опубликовали исследование «Иерархический подход к классификации настроения в блогах» [12]. В нем они представили новый подход на основе иерархии возможных настроений в текстах блогов, который, по их мнению, был более точным, в отличие от машинного обучения и автоматизации.

Как видим, ученые последние двадцать лет находятся в поиске основания для классификации блогов. Однако блогосфера постоянно претерпевает значительные изменения, которые невозможно отследить при подходе на основе индуктивных умозаключений от наблюдений к выводам.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Ранние методы классификации

Обратимся к истории классификации, чтобы посмотреть, как исследователи пытались найти способы познания и систематизации действительности и объектов.

Одним из первых известных нам ученых, занимавшихся проблемами классификации, был Аристотель. В 4 в. до н. э. он предпринял несколько попыток систематизировать различные объекты. Так, он разделил науки на три вида на основе их функциональности: теоретические, практические и поэтические. Что касается физических объектов, то Аристотель основывался на природе вещей, которая определяла способы взаимодействия с ними. Описывая виды животных, он выделял их отличительные свойства во внешнем виде и строении их тела, в образе жизни, поведении. Это была первая систематика животных. Уже тогда он использовал понятия «род» и «вид», которые сегодня относятся к биологической таксономии.

Аристотель разработал классификацию форм государственного правления по двум основаниям: кто правит государством и с какими целями. Он выделял монархию, аристократию, политию, тиранию, олигархию и демократию.

Если рассматривать близкие к языку и медиапространству попытки классификаций, то интересным примером является книга «Всеобщая и рациональная грамматика Пор-Рояля». Эта книга была издана в 1660 г. аббатами монастыря Пор-Рояль Антуаном Арно и Клодом Лансло. Полное название книги звучит как «Всеобщая и рациональная грамматика, содержащая основы искусства речи, изложенные ясно и естественно; рациональные основания того, что является общим для всех языков, как и главных различий между ними; а также многочисленные замечания о французском языке» [3]. Этот труд является одной из попыток создания универсальной грамматики, которая предлагает определенный набор правил и принципов, присущих любому языку в мире.

Аббаты Арно и Лансло выделяют основные операции рассудка, а именно: представление, суждение, умозаключение. Некоторым из них соответствуют определенные категории языка. Например, представления человека могут быть выражены с помощью существительных, прилагательных, местоимений, артиклей; суждения – с помощью глаголов. Что касается умозаключений, то обычно они выражаются с помощью цельного, связного, логичного текста.

Одним из основных положений, высказанных авторами «Грамматики Пор-Рояля», является то, что слова на любом языке выражают логичные мысли людей, соединяясь в различные конструкции. А значит, грамматика универсальна. Авторы рассматривают язык с точки зрения логико-смысловых категорий, не отмечая также важность частных случаев в каждом языке.

Стоит добавить, что идеи о логике и мышлении Антуан Арно, на этот раз вместе с аббатом Пьером Николем, изложил в следующей книге «Логика, или Искусство мыслить» (1662). Она была выпущена анонимно, по задумке обе эти книги разрабатывались в рамках серии учебных пособий аббатства Пор-Рояль. До начала XX века «Логика Пор-Рояль» использовалась в качестве одного из базовых учебников по логике.

Обе книги Пор-Рояля оказали влияние на дальнейшее изучение грамматики языка и его классификации. Так, их изучал Ноам Хомский и в 1966 г. издал труд «Картезианская лингвистика: глава в истории рационалистической мысли» [9]. В нем он прослеживает развитие лингвистической теории от эпохи Просвещения до романтизма и так же, как и аббаты Пор-Рояля, развивает мысль о том, что черты грамматической структуры являются общими для всех языков. «...У языка есть две стороны — внутренняя и внешняя. Предложение можно изучать с точки зрения того, каким способом оно выражает мысль, и с точки зрения его физического облика, иными словами, в плане его семантической или фонетической интерпретации» [9, с. 73]. Такое понимание языка и используемая методология является интересной с точки зрения исследования современной блогосферы.

Также мысли аббатов Пор-Рояля развивал в своих трудах Мишель Фуко. Особенно можно выделить книгу «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (1966) [8]. Фуко вводит понятие эпистем – исторически изменяющихся структур,

которые определяют условия возможности мнений, теорий и наук в каждый период времени. «Основной упорядочивающий принцип внутри каждой эпистемы – это соотношение «слов» и «вещей». Соответственно различию в этом отношении Фуко вычленяет в европейской культуре нового времени три «эпистемы»: ренессансную (XVI век), классическую (рационализм XVII–XVIII веков) и современную (с конца XVIII – начала XIX века и по настоящее время). В ренессансной эпистеме слова и вещи тождественны друг другу, непосредственно соотносимы друг с другом и даже взаимозаменяемы (слово-символ). В эпистеме классического рационализма слова и вещи лишаются непосредственного сходства и соотносятся лишь опосредованно – через мышление, в пространстве представления <...> (слово-образ). В современной эпистеме слова и вещи опосредованы «языком», «жизнью», «трудом», вышедшим за рамки пространства представления (слово-знак в системе знаков)» [1, с. 12].

Очевидно, что Фуко подмечены важные изменения в лингвистике, которые имеют значение и в отношении блогосферы. Слово-знак, а также картинка-знак (мем) и видео-знак бытуют сейчас в блогосфере, а мышление современного человека способно их считывать и видеть смысл.

Таксономия как принцип систематизации

Исследование явлений окружающего мира и попытки их классифицировать, начиная с аристотелевских «видов» и «родов», привели ученых-естествоиспытателей к созданию гармоничной иерархической системы. Ренессанс и последующая за ним эпоха Просвещения создали условия для того, чтобы человек подошел к применению методов систематизации в науке. В то время исследователи, пытающиеся привести в систему все живое, сталкивались с множеством трудностей.

Во-первых, огромное многообразие живых организмов. На данный момент ученые считают, что существует больше 10 миллионов видов живых организмов.

Во-вторых, большое количество видов, которые были уже вымершими, то есть их находили в окаменелостях, в неживом состоянии и изучать их приходилось без учета особенностей живого состояния. Однако вымершие существа были также важны для составления единой систематики.

В-третьих, это постоянный процесс эволюции живых существ, который заключался, прежде всего, в том, что живые существа приспосабливаются к окружающей их реальности и начинают видоизменяться. В процессе систематизации важно было учесть, что один и тот же вид может значительно измениться в ходе эволюции, однако оставаться тем же самым видом.

В-четвертых, это влияние окружающей среды на живые существа: одни и те же виды могут существовать в разных климатических поясах, разных полушариях, странах и иметь уникальные черты, присущие им только там. Все это необходимо было учесть при составлении биологической систематики.

В начале XVIII в. шведский естествоиспытатель Карл Линней смог свести все полученные на тот момент данные воедино и вывести систематику органического мира. Ее основой стал иерархический принцип классификации основных признаков растений и животных, впоследствии названных таксонами. Книга Линнея «Система природы», впервые опубликованная в 1735 г., содержала множество таблиц, которые

представляли из себя общую схему деления природы на отдельные простые части: царства, ранги, роды, отряды, классы и т.д.

Таксономия – термин, который впервые был использован в 1813 г. ботаником О. Декандром. Он изучал ботанику и занимался классификацией растений. Поэтому термин «таксономия» изначально применялся только в биологии, однако затем он получил широкое применение в других науках. Таксономия является одним из основных разделов систематики, поэтому ее принципы широко используются для упорядочивания объектов в географии, геологии, языкознании, этнографии и т.д.

Таксономия подходит для систематизации сложноорганизованных сфер, в ее основе лежит принцип классификации на основе иерархической структуры. Изучаемая область может быть представлена в виде единой системы, в которой объекты расположены иерархически в соответствии со своими общими и различными признаками. «Таксономия требует установления таксономических рангов, то есть выполнение процедуры правильной градации, предусматривающей последовательное включение класса в класс, иными словами предполагает классификацию предметов, явлений или категорий по какому-либо признаку или принципу и исследует вопросы объема и взаимного отношения соподчиненных групп или категорий. Таксономические, или систематические, категории – понятия, применяемые в таксономии для обозначения соподчиненных групп объектов – таксонов. Таксон – это группа дискретных объектов, связанных той или иной степенью общности свойств и признаков» (цит. по: [5]).

В лингвистике таксономия подразумевает совокупность принципов и правил классификации лингвистических объектов (языков и языковых единиц) и саму эту классификацию. На основе двух разных корневых таксонов выделяют генеалогическую и типологическую классификацию языков.

Стоит отметить, что работы Н. Хомского и М. Фуко, восходящие к «Грамматике Пор-Рояль», описывают методы универсальной грамматики, которые являются отчасти противоположными таксономии. Если таксономия использует принцип *divisio et denomination* («разделяй и нарекай»), то универсальная грамматика изучает способы описания закономерностей, которые характеризуют не отдельный текст, а всю совокупность текстов того или иного языка. Важным представляется использовать и тот, и другой подход к блогосфере, поскольку она является не только совокупностью объектов, форм, форматов, способов и людей, но и содержит и передает множество символов – как текстовых, так и визуальных.

Таксономия блогосферы: от интернет-дневника к блогу

В конце XX в. люди оказались на этапе формирования информационного общества. В жизни человека изменилось практически все: люди стали по-другому общаться, по-другому работать, другие сферы в обществе получили опережающее развитие, появились новые средства коммуникации. Возникли новые классы людей: цифровые аборигены, цифровое неравенство, а также креативный класс людей, который сейчас обеспечивает мир рекламы, digital, медиа, развлечений, социальных сетей и блогосферы. Современный человек последние тридцать лет большую часть

времени проводит в информационном пространстве. Иногда реальная физическая жизнь волнует *info sapiens* меньше, чем его роль в информационно-коммуникационной системе.

Профессор Амстердамского университета Марк Дезе в лекции «Жизнь в медиа» отметил, что «сегодня мы живем в медиа-ресурсах, как рыба в воде, то есть без них мы существовать не можем». Обитая в этом «море» новых для нас информационных цифровых ресурсов, человек пытается их понять и систематизировать так же, как когда-то люди пытались понять неизведанный для них мир живой природы. «Классифицирование является первичной формой познавательной деятельности. И действительно, всякое знание воплощено в общих понятиях и категориях. Если бы мы не могли с помощью классифицирования обобщать, для нас не было бы животных и растений, трав и деревьев, копытных и хищных – были бы некие отдельные предметы, никоим образом не соотнесенные друг с другом посредством тех или иных общих понятий» (цит. по: [7]).

Поскольку в других науках, как естественных, так и гуманитарных, оказалась логичной систематизация на основе таксонов, то в данной статье попробуем взять за основу систематизации блогосферы принцип таксономии. Для начала необходимо выделить корневой таксон, который отличает блоги от других цифровых ресурсов, а затем и другие таксоны, каждый из которых имеет свою разветвленную классификацию по ключевым признакам. Именно благодаря такому подходу можно добиться систематизации масштабной и сложной для классификации сферы.

Чтобы выделить корневой таксон, необходимо выяснить то, как мы понимаем блоги и блогосферу. Это одна из актуальных проблем медиакommunikации, блоги могут пониматься очень по-разному: кто-то пишет свои заметки в Instagram* раз в полгода и не считает себя блогером, а кто-то зарабатывает на личном блоге и называет блогерами таких же профессиональных авторов контента в соцсетях, как он сам.

Изучение блогов на самых разных платформах приводит нас к выводу, что блоги – это не полностью новое явление информационного общества. Это явление, которое имеет прототипы в истории человечества, как и все в нашем мире.

Предшественником блогов являлись рукописные дневники, которые люди во все времена писали для себя. Известно множество примеров известных дневников как знаменитостей, так и обычных людей, которые делали свои записи, датировали их или не датировали, описывали исторические события или свои личные переживания. Один из известных дневников, за который его автора называют в мире первым блогером, – дневник Самуэля Пипса [14]. Также известны дневники Франца Кафки, Вирджинии Вулф, Сальвадора Дали, Джонатана Свифта.

Когда появились компьютеры, люди стали писать дневники в электронном виде, а с появлением сети Интернет логичным стало перемещение дневников на специальные платформы. Дневники изменились с точки зрения формы, платформы, а также у них появились читатели, что раньше ведение дневника не предполагало. Люди стали писать не только о себе и своих событиях в жизни, но и о политике, социальных проблемах, путешествиях, еде и т. д. Так появились узкоспециализированные блогеры, например бук-блогеры, музыкальные блогеры,

гейм-блогеры, техноблогеры, кулинарные блогеры, начинающие писатели и т. д. Постепенно блогосфера менялась под воздействием информатизации и на сегодняшний день приобрела такой масштаб, что на данный момент практически каждый является участником блогосферы – или как блогер, ведущий свой дневник, или как читатель или зритель.

Если блоги выросли из дневниковых рукописных записей, то их главным отличительным признаком является формат интернет-дневника, то есть дневниковые записи, размещенные в сети. Атрибуты дневниковых записей – это хроникальность, дискретность, контекстуальность (цит. по: [6]).

Хроникальность означает, что блоги имеют датированное размещение, и дата имеет значение для автора и аудитории.

Дискретность означает, что блоги – это не единое полотно текста или фильма, а прерывистое изложение частями, день за днем.

Контекстуальность говорит о том, что блоги так или иначе отражают реальность автора или страны, они вписаны в контекст происходящих событий.

Размышляя о регулярности появления записей в блоге, напрашивается вывод, что регулярность не является основной чертой, поскольку многие пользователи блогов обновляют свои интернет-дневники не регулярно. Периодичность записей отражена в понятии хроникальности, что уже подразумевает некое постоянство в работе блога, но при этом не связано с регулярностью или четкой привязкой ко времени.

Формат интернет-дневника является главным или корневым таксоном, который отличает блоги от других цифровых ресурсов и объединяет всю блогосферу в единую отдельную систему.

Таким образом, блог – это периодически дополняемый интернет-дневник, который ведет автор или группа авторов на одной из электронных (цифровых) платформ в Интернете. Это определение подходит ко всем форматам блогов: текстовые, фотоблоги, видеоблоги, микроблоги и т. д.

Блогер – автор, создатель блога. При этом вести блог могут другой человек, команда или нанятое агентство, однако они не являются блогерами. Блогер – это тот, кому блог принадлежит, кто бы над ним ни работал. В случае с ведением блога от лица компании или средства массовой информации существенно ничего не меняется: организация создала свой блог в Instagram¹ или YouTube, ее логотип на аватарке, создает контент редакция. На определение блога или блогера это не влияет. Блогосферой называется вся совокупность всех блогов.

Следующий этап – определить основные таксоны, которые являются признаками каждого отдельного блога, и при этом каждый таксон может содержать свою разветвленную классификацию, систематизирующую все возможные виды блогов. В результате исследования современного состояния блогосферы можно выделить пять таких таксонов: Platform, Content, Presenter, Audience, Subject.

Платформенность (Pl – от Platform) блогов предполагает, что каждый блог относится к одной или нескольким интернет-платформам. Это может быть сайт

¹ Проект Meta Platforms Inc., деятельность которой в России запрещена.

компании и корпоративный блог в рамках сайта; блог-платформа («Живой журнал», «Дзен» и др.); видеоплатформа (YouTube, Tik-Tok, Likee и т.д.); социальные медиа (ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter, Одноклассники и т. д.); фотохостинг (Pinterest, Flickr) и т.д. Каждая платформа предполагает свои форматы и особенности взаимодействия с аудиторией.

Формат контента (С – от Content) блогов предполагает классификацию блогов по представлению информации в одном или нескольких форматах (мультиформатность): текстовый, фотографический, анимационный, аудиовизуальный, графический и т.д. Обычно используется один основной формат и дополнительные форматы, которые предоставляются платформой размещения (истории, короткие видео, актуальное, виджеты и т. д.).

Такая характеристика, как авторство (Pr – от Presenter), предполагает разветвленную систематизацию по типам авторства: количество (личный, групповой, общественный); публичность (публичная/не публичная личность); функциональность (личный дневник, информирование, заработок и т. д.); взаимодействие с аудиторией и др.

Классификация блогов по аудитории (Au – от Audience) включает в себя систематизацию по количеству, типам взаимодействия с автором, вовлеченности и т.д. Большое влияние на количество и качество аудитории оказывает такой признак блога, как доступность: контент может быть как открытым для всех, так и закрытым, только для ограниченной аудитории.

Тематика блогов (S – от Subject) представляет собой как основной набор широких тематик, так и специализацию по более узким темам, что тоже представляет собой иерархическую структуру.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Систематизация такой сложной и масштабной области, как блогосфера, является актуальной и непростой задачей. В данной статье рассмотрены истоки методов классификации, особое внимание уделено систематизации грамматики как основы языка. Универсальная грамматика Пор-Рояль, Хомского и Фуко дает возможность рассматривать блогосферу как систему, в которой важны не форматы, а смыслы и символы.

Таксономия, изначально применяемая в биологии, а затем и в лингвистике и других гуманитарных науках, позволяет систематизировать все объекты, входящие в блогосферу. В качестве корневого таксона предлагается взять формат интернет-дневника – тот ключевой признак, который отличает все блоги от других цифровых ресурсов. Выделены и другие таксоны, позволяющие классифицировать блогосферу, такие как платформенность, формат контента, авторство, аудитория и тематика.

Систематизация блогосферы представляется значимым с научной точки зрения для понимания современного этапа развития медиaprостранства, с практической – для выявления тенденций развития блогосферы.

Список литературы

1. Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Предисловие к книге Фуко М. «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук». – М.: Прогресс, 1977. – С. 7–27.
2. Алексеева А. О. Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. – М., 2006. – 24 с.
3. Арно А., Лансло К. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. – М.: Прогресс, 1990. – 273 с.
4. «ВКонтакте»: итоги 2022 года. – Режим доступа: <https://vk.com/press/q3-2022-results> – (Дата обращения: 15.01.2023).
5. Воробьева С. В. Таксономия // Центр гуманитарных технологий. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/concepts/6845> – (Дата обращения: 13.03.2023).
6. Горячева Е. С. Жанрообразующие признаки дневника как документального жанра // «Медиасреда»: Челябинский государственный университет. – 2018. – № 14. – С. 161–164.
7. Павлинов И. Я. Основные подходы в биологической систематике // Электронная газета «Биология». – 2010. – №17–19. – Режим доступа: https://bio.1sept.ru/view_article.php?ID=200501708 – (Дата обращения: 15.03.2023).
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. – М.: Прогресс, 1977. – 407 с.
9. Хомский Н. Картезианская лингвистика: глава в истории рационалистической мысли. – Третье издание. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
10. Dalal K. M., Zaveri M. Automatic Classification of Unstructured Blog Text // Journal of Intelligent Learning Systems and Applications. – 2013. – № 05(02). – P. 108–114.
11. Digital 2022: Another year of bumper growth. – Режим доступа: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> – (Дата обращения: 15.01.2023).
12. Keshkar F., Inkpen D. A hierarchical approach to mood classification in blogs // Natural Language Engineering. – 2012. – № 18(01). – P. 61–81.
13. Krishnamurthy S. The multidimensionality of blog conversations: The virtual enactment of September 11 // AOIR Internet Research 3.0: Net/Work/Theory. – Maastricht, 2002.
14. Pepys S. The letters of Samuel Pepys, 1656–1703 // Guy de la Bedoyere. – Woodbridge: Boydell, 2006. – 290 p.
15. Virik M., Simko M., Bielikova M. Blog style classification: Refining affective blogs // Computing and Informatics. – 2016. – № 35 (5). – P. 1027–1049.

References

1. Avtonomova N. S. *Mishel Fuko I Ego Kniga Slova I Veschi* [Michel Foucault and His Book Words and Things. Preface to Foucault M.'s Book Words and Things. Archaeology of the Humanities]. Moscow, 1977, pp. 7–27.
2. Alekseeva A. O. *Novye Interaktivnye Media v Kontekste Teorii Informatsionnogo Obschestva: Avtoref diss. ... kand. filol. nauk* [New Interactive Media in the Context of Theories of the Information Society. Abstract of thesis]. Moscow, 2006. 24 p.
3. Arnaud A, Lansloh K. *Grammatika obshhaja i racional'naja Por-Royalja* [Grammar General and Rational Por Royal]. Moscow, Progress Publ., 1990. 273 p.
4. *VKontakte: Itogi 2022 goda* [VKontakte: Results of 2022]. Available from: <https://vk.com/press/q3-2022-results> (accessed 15 January 2023).
5. Vorobyova S. V. *Taksonomia* [Taxonomy]. Center for Humanitarian Technologies. Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/6845> (accessed 13 March 2023).

6. Goryacheva E. S. *Janroobrazuyuschie Priznaki Dnednika kak Dokumentalnogo Janra* [Genre Forming Signs of the Diary as a Documentary Genre]. *Mediasreda: Cheljabinskij gosudarstvennyj universitet*, 2018, no. 14, pp. 161–164.
7. Pavlinov I. Ya. *Osnovnye Podhody v Biologicheskoy Sistematike* [Main Approaches in Biological Systematics]. *Jelektronnaja gazeta «Biologija»*, 2010, no. 17–19. Available from: https://bio.isept.ru/view_article.php?ID=200501708 (accessed 13 March 2023).
8. Foucault M. *Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk* [Words and Things. Archaeology of the Humanities]. Moscow, Progress Publ., 1977. 407 p.
9. Chomsky N. *Kartezianskaja lingvistika: glava v istorii racionalisticheskoy mysli* [Cartesian Linguistics: a Chapter in the History of Rationalist Thought]. Third edition. Cambridge, Cambridge University Press, 2009.
10. Dalal K. M., Zaveri M. *Automatic Classification of Unstructured Blog Text*. *Journal of Intelligent Learning Systems and Applications*, 2013, no. 05 (02), pp. 108–114.
11. *Digital 2022: Another Year of Bumper Growth*. Available from: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (accessed 15 January 2023).
12. Keshtkar F., Inkpen D. *A Hierarchical Approach to Mood Classification in Blogs*. *Natural Language Engineering*, 2012, no. 18(01), pp. 61–81.
13. Krishnamurthy S. *The Multidimensionality of Blog Conversations: The Virtual Enactment of September 11*. AOIR Internet Research 3.0: Net/Work/Theory. Maastricht, 2002.
14. Pepys S. *The letters of Samuel Pepys, 1656–1703*. Guy de la Bedoyere. Woodbridge: Boydell, 2006.
15. Virik M., Simko M., Bielikova M. *Blog Style Classification: Refining Affective Blogs*. *Computing and Informatics*, 2016, no. 35(5), pp. 1027–1049.

TAXONOMY AS AN APPROACH TO THE CLASSIFICATION OF THE BLOGOSPHERE

Vladimirova O. M.

The article discusses approaches to the classification of complex spheres that were used during the development of scientific knowledge. Systematization in the field of linguistics is considered on the basis of the works of A. Arno and C. Lanslo, N. Chomsky, M. Foucault. It makes possible to consider the blogosphere as a system in which not formats are important, but meanings and symbols. Taxonomy, initially applied in biology, and then in linguistics and other humanities, allows you to systematize all the objects included in the blogosphere. As a root taxon, it is proposed to take the format of an Internet diary - the key feature that distinguishes all blogs from other digital resources. Separated into other taxa that allow classifying the blogosphere, such as platform, content, presenter, audience, and subject. The systematization of the blogosphere seems to be significant from a scientific point of view for understanding the current stage of development of the media space, and from a practical point of view, for identifying trends in the development of the blogosphere.

Keywords: media communications, blogosphere, blog, blogger, internet diary, taxon, blogosphere taxonomy, blogosphere classification.

УДК 070

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ В СУДЕБНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ П. А. АЛЕКСАНДРОВА

Плаксина Е. С., Яблоновская Н. В.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: Ekaterina82777@yandex.ru, yablon@rambler.ru*

Статья посвящена характеристике коммуникационных технологий влияния и анализу их в тексте судебного выступления выдающегося адвоката XIX века П. А. Александрова на процессе по делу Веры Засулич. В результате работы были выявлены конкретные примеры, демонстрирующие коммуникационные технологии воздействия автора на аудиторию – манипуляции и уловки. Посредством текстовых иллюстраций были приведены краткие комментарии с определениями конкретного вида уловки и манипуляции, раскрыта структура и сущность таких приемов. Среди приемов психологического воздействия особенно следует отметить драматизацию, заставляющую аудиторию то испытывать негодование, то сочувствие, то душевную боль. За счет этого аудитория находится в сильном эмоциональном напряжении. Также обращает на себя внимание активное использование мифологического манипулирования через обращение к архетипам жертвы, палача, мстительницы. В числе намеренных логических нарушений в данном тексте по силе влияния мы можем выделить круг в доказательстве и подмену тезиса. Авторы отмечают, что все приемы были использованы как единое целое, все они взаимосвязаны: каждый прием вытекает из предыдущего и усиливает его, не давая аудитории времени на осмысление отдельной фразы или отдельного предложения, благодаря чему публицистический текст достигает желаемого эффекта. Указанные приемы наглядно показывают, как решалась судьба исторической личности Веры Засулич. Использование коммуникационных технологий влияния, с точки зрения авторов, объясняет принятый судом присяжных оправдательный вердикт.

Ключевые слова: манипуляция, уловка, психологическое воздействие, логические ошибки, коммуникационные технологии, русская судебная публицистика.

ВВЕДЕНИЕ

Период XX – начала XXI вв. характеризуются появлением новых информационно-коммуникационных технологий, позволивших существенно усилить воздействие на массовую аудиторию. Технологическое развитие массмедиа: появление массовой прессы, радио, кино, телевидения, развитие типографических технологий, – создало предпосылки для усиления эффектов массовой коммуникации. Политики, журналисты, специалисты в области рекламы и PR стремятся находить новые способы словесного давления, используя различные приемы манипулирования и уловок.

Одновременно с усилением воздействия массмедиа на общественное мнение появились теоретические труды, выявляющие инструментарий воздействия. Среди первых подобных работ наиболее значимыми являлись исследования У. Липпмана (1922) [17], Г. Лассуэлла (1927) [16], Э. Бернейса (1928) [4]. В конце XX – начале XXI вв. появились труды Э. Аронсона и Э. Пратканиса [2], Б. Бессонова [5], Г. Грачева и И. Мельника [9], А. Даниловой [10], И. Дзялошинского [11; 12], Е. Доценко [13], С. Кара-Мурзы [14], Г. Шиллера [27], Э. Шострома [29] и др. ученых, глубоко разработавших понятие манипуляции.

Очевидно, что технологии влияния использовались в коммуникативной практике значительно раньше их широкого распространения в медиапространстве. Например, явление манипуляции под другими названиями было известно со времен Античности. Это были «уловки» совместно с «ошибками». Если намеренная, то уловка; если ненамеренная – то «ошибка». Такими терминами оперирует в своих работах древнегреческий философ Аристотель [1], а в XX в. – русский философ и логик, автор книги «Искусство спора» С. Поварнин [21]. Понятие уловки в различных видах дискурса рассматривали также А. Шопенгауэр [28] и Дж. Милль [18]. В современности исследование уловок проводилось В. Асмусом [3], В. Винокуром [7], В. Панкратовым [19], В. Фроловой [24], Е. Шевченко [25] и др. учеными. Мыслителями прошлого активно использовалось и понятие заблуждения. Классификацию заблуждений представил английский мыслитель Дж. Милль [18]. Все указанные труды составили теоретическую основу нашего исследования.

Чрезвычайно плодотворной отечественной средой для применения подобных коммуникационных технологий явилась русская судебная публицистика конца XIX века, представленная рядом выдающихся ораторов (П. А. Александров, А. Ф. Кони, В. Д. Спасович, Ф. Н. Плевако и др.). Научный интерес к ней вызывают не только ораторские способности коммуникаторов, но и известность эффекта их воздействия (в качестве судебного решения).

Целью настоящей статьи стало установление коммуникационных технологий влияния в реальной ораторской речи П. А. Александрова в защиту Веры Засулич. Объектом исследования – коммуникационные технологии влияния; предметом – явление манипуляции и уловки в судебной защитительной речи адвоката П. А. Александрова по делу Веры Засулич.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Как было отмечено выше, современные ученые неоднократно обращались к явлению манипуляции и уловки. Один из первых исследователей техник пропаганды, Гарольд Лассуэлл, понимал манипуляцию как прием пропаганды по управлению мнениями и установками аудитории [16, с. 54–55].

Американский учёный, философ, психолог, автора монографии «Манипуляторы сознанием» Герберт Шиллер считал манипуляцию средством порабощения разума человека, определяющим его представления, установки и, в конечном счете, его поведение [27, с. 19]. Манипуляторскими, или подтасованными, он называл сообщения, «целенаправленно создающие искаженное представление о действительности и формирующие сознание, не позволяющие осмыслить или умышленно отвергающие реальные условия личной или общественной жизни» [27, с. 19].

Американские исследователи Э. Аронсон и Э. Пратканис, характеризуя манипулятивный характер пропаганды, говорят о «распространении какой-либо точки зрения таким образом и с такой конечной целью, чтобы получатель данного обращения приходил к «добровольному» принятию этой позиции, как если бы она была его собственной» [2, с. 28].

Согласно Стэнфордской энциклопедии философии, существует четыре формы понимания манипуляции [30]:

1. Манипуляция как «обход рационального осмысления». Реализацией этой формы может стать реклама, которая часто действует на подсознательном уровне.

2. Манипуляция как обман или уловка. Данная форма проявляется посредством умышленного воздействия на реципиента: на его ментальные установки, желания, эмоции.

3. Манипуляция как давление. Такая форма не возрастает до уровня насилия.

4. Смешанная форма. Она вмещает в себя две или более формы реализации манипуляции. Например: давление и обман или подавление рационального осмысления, обман, игра посредством нерациональных побуждений, хитрость, давление.

«Скрытым управлением, при котором инициатор достигает своих эгоистических целей, нанося ущерб адресату своего воздействия» называет манипуляцию белорусский социолог и психолог, автор монографии «Манипулирование и защита от манипуляций» В. Шейнов [26, с. 7].

«Преднамеренным и скрытым побуждением другого человека к переживанию определенных состояний, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения инициатором своих собственных целей» считает манипуляцию исследовательница технологий влияния Е. Сидоренко [22, с. 49].

Современный российский филолог, лингвист, журналист А. Данилова под языковым манипулированием понимает «скрытое языковое воздействие на адресата, намеренно вводящее его в заблуждение относительно замысла или содержания речи» [10, с. 12].

Отметим, что А. Данилова использует термин «заблуждение», его же употреблял Дж. Милль в своей книге об уловках. Выбранный нами материал XIX века обязывает нас к применению для его описания более старого термина, а именно «намеренное заблуждение», или «уловка».

Взгляды исследователей на соотношение понятий «манипуляция» и «уловка» расходятся: для части из них уловка – это одна из форм проявления манипуляции [30], для других эти понятия тождественны (уловка – это старое название манипуляции). Мы разводим понятия уловки и манипуляции. В нашем понимании уловка – это создание искаженной картины мира у получателя информации за счет логических нарушений. Манипуляцию же авторы статьи понимают как все формы влияния на эмоционально-психологическое восприятие предмета речи. Значение этих двух терминов объединяется присущей им преднамеренностью, скрытностью, асимметричностью.

Большинство ученых отказывают технологиям манипуляции и уловки в этичности, поскольку они построены на обесценивании воли и желаний реципиентов, т. е. на отношении к людям «как к объектам, особого рода вещам» [12, с. 5]. Особняком стоит позиция авторов «Стэнфордской энциклопедии философии», считавших, что благонамеренность в некоторых случаях оправдывает манипуляцию с этической точки зрения [30].

Рассмотрение технологий уловок и манипуляции в исследованиях отечественных и зарубежных ученых позволило нам проанализировать коммуникационные технологии воздействия в выступлении адвоката П. А. Александрова в защиту Веры Засулич, одной из первых участниц революционного движения в Российской империи. При анализе данного публицистического текста нам не хватило приёмов, выделенных учёными ранее, и мы ввели ряд своих, таких как драматизация, навязывание вывода, игра с наклонениями, а также подмена субъекта, которая в некотором смысле схожа с пассивизацией перформативов у А. А. Даниловой.

Что касается уловки «внушение», выделенной С. И. Поварниным, мы переименуем её в суггестию, выражающуюся с помощью повторов, ряда отрицаний и т. п. (И. М. Дзялошинский говорит в подобных случаях о «суггестивных технологиях» [11, с. 475–484]). Однако мы не знаем доподлинно, были ли, например, плеоназмы и повторы осознанным речевым выбором или они являлись следствием ораторской некомпетентности (и тогда это будет ошибкой, но вряд ли от выдающегося юриста можно ожидать некомпетентности, но, тем не менее, мы не можем гарантировать, что повторы были неслучайными). В любом случае эти повторы и плеоназмы работали на убеждение и внушение.

Как известно, 24 января 1878 года Вера Засулич совершила покушение на петербургского губернатора Ф. Ф. Трепова. До совершения преступления она уже была один раз осуждена за связь с настроенным антиправительственно С. Г. Нечаевым, через два года после своего освобождения она стала членом народнического кружка «южных бунтарей» и готовила крестьянское восстание. Свой выстрел почти в упор в генерала она объясняла желанием отомстить за несправедливое наказание арестованного Боголюбова розгами, которые в тот момент в России уже были запрещены. Жестокая расправа над Боголюбовым была совершена 13 июля 1877 года. Для понимания исторического контекста нам важны обе даты, так как оратор в своей речи будет к ним постоянно обращаться.

12 апреля 1878 года состоялся суд присяжных заседателей по делу, председателем был А. Ф. Кони, защитником – П. А. Александров.

В своей защитительной речи адвокат прежде всего обращает внимание судей на мотив преступления, связывая его с днём 13 июля, а также рисует психологический портрет преступницы, фокусируя внимание на ее поле и возрасте.

Итак, перейдем к рассмотрению приемов манипулирования. Отметим, что все приемы в сущности своей могут иметь различный характер, это могут быть как намеренные нарушения логики, так и психологические уловки. И конечно, все они проявляются посредством языковых средств. Мы начнем анализ с приемов психологического воздействия.

Обратим внимание на многочисленные *инсинуации* в тексте оратора – приемы, подрывающие доверие аудитории к противнику. Например, о правосудии говорится так:

«... Кто вступится за опозоренного Боголюбова, кто вступится за судьбу других несчастных, находящихся в положении Боголюбова? Засулич ждала (здесь и далее курсив наш. – Е. П., Н. Я.) этого *заступничества от печати*,

она ждала оттуда поднятия, возбуждения так волновавшего ее вопроса. Памятуя о пределах, *молчала печатать. Ждала Засулич помощи от силы общественного мнения. Из тиши кабинетов, из интимного круга приятельских бесед не выползло общественное мнение. Она ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие...* Но о нем ничего не было слышно» [23, с. 36].

Данный фрагмент может иметь такой подтекст: Засулич ждала, когда вы (судьи) защитите Боголюбова, но вы этого не сделали, поэтому сами виноваты, что ей пришлось защищать его самой.

Немаловажным манипуляционным приемом в речи П. А. Александрова является *драматизация*. Ею пронизан практически весь текст. Автор становится искусным драматургом и завуалированно разворачивает трагические сцены перед слушателями. Эти сцены – не сцены покушения Засулич на губернатора, не ее роковой выстрел. Это совсем иные сцены, которые демонстрируют, например, телесные наказания революционера Боголюбова, мучащие Веру мысли о несправедливости властей и т. п.:

«Не звуки цепей смущали душу, но мрачные своды мертвого дома леденили воображение: рубцы – позорные рубцы – резали сердце, и замогильный голос заживо погребенного звучал:

Что ж молчит в вас, братья, злоба,

Что ж любовь молчит?

И вдруг внезапная мысль, как молния, сверкнувшая в уме Засулич: "А я сама! Затихло, замолкло все о Боголюбове, нужен крик, в моей груди достанет воздуха издать этот крик, я издам его и заставлю его услышать!"» [23, с. 36].

У Александрова действующими лицами являются голоса, мысли, чувства Засулич, он их оживляет и цитирует в своей речи. В данном фрагменте голос и мысль, как два собеседника, обсуждают на сцене перед зрителями проблему защиты Боголюбова.

Следующий прием для рассмотрения – использование *оценочных эпитетов*, закрепляющих в сознании реципиента необходимые автору коннотации. Примеры:

1) «В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть *самого беззаветного*, но и *самого нерасчетливого* самопожертвования» [23, с. 38].

2) «Не много страданий может прибавить ваш приговор для этой *надломленной, разбитой* жизни. Без упрека, без *горькой* жалобы, без обиды примет она от вас решение ваше и утешится тем, что, может быть, ее страдания, ее жертва предотвратила возможность повторения случая, вызвавшего ее поступок. Как бы мрачно ни смотреть на этот поступок, в самых мотивах его нельзя не видеть *честного* и *благородного* порыва» [23, с. 42]. Все эти эпитеты создают необходимый оратору образный ряд, усиливают напряжение аудитории и предлагают ей определенную оценку ситуации.

Александров мастерски использует прием *навязывания вывода* аудитории. Приведем несколько примеров:

«Что был для нее Боголюбов? Он не был для нее родственником, другом <...> Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека <...> нужно быть сестрой, женой, любовницей?» [23, с. 33].

Риторические вопросы позволяют аудитории навязать необходимый оратору ответ.

«Кто же вступится за поруганную честь *беспомощного* каторжника? Кто смоеет, кто и как искупит тот позор, который навсегда *неутешимой* болью будет напоминать о себе *несчастному*? <...> Но кто и как изгладит в его сердце воспоминание о позоре, о *поруганном* достоинстве; кто и как смоеет то пятно, которое на всю жизнь останется *неизгладимым* в его воспоминании? Наконец, где же гарантия против повторения подобного случая? Много товарищей по несчастью у Боголюбова – неужели и они должны существовать под страхом всегдашней возможности испытать то, что пришлось перенести Боголюбову?» [23, с. 35].

С помощью риторических вопросов и эмоционально маркированных эпитетов, усиленных анафорой, автор вновь вызывает у аудитории сильнейшую эмоцию. Возможно, данный фрагмент вызвал у слушателей дела волнение, переживание, возмущение условиями содержания в тюрьмах «несчастливых, беспомощных каторжников».

Прием *подмена субъекта* также находит свое отражение в рассматриваемой речи. Следует отметить, что мы его нередко встречаем и сейчас в текстах СМИ. С помощью замены активного залога на пассивный можно мастерски завуалировать и скрыть от аудитории действующее лицо. Приведем пример:

«*Мысль не проверяется, не обсуживается*, ей служат, ей рабски повинуются, за ней следуют. Нет критического отношения, имеет место только безусловное поклонение. Тут *обсуживаются и обдумываются* только подробности исполнения, но это не касается сущности решения. Следует ли или не следует выполнить мысль – об этом не рассуждают, как бы долго ни думали над средствами и способами исполнения. Страстное состояние духа; в котором *зарождается и воспринимается мысль*, не допускает подобного обсуждения; так вдохновенная мысль поэта остается вдохновенной, не выдуманной, хотя она и может задумываться над выбором слов и рифм для ее воплощения» [23, с. 37].

В данном случае мы видим, как активный залог переводится в пассивный, который менее характерен для русского языка. Оратор говорит, не «Вера не проверила мысль», а «Мысль не проверяется», не «Вера обдумала подробности исполнения», а «Подробности обдумываются». С девушки как бы снимается ответственность за происходящее, будто бы мысль сама пришла, подробности сами обдумались, пистолет сам нашелся и сам выстрелил.

Для более полного понимания данного приема приведем еще два примера:

«...Но *ее месть* всего менее *интересовалась* лицом отомщаемым; *ее месть окрашивалась, видоизменялась, осложнялась* другими побуждениями» [23, с. 38]; «Этими обсуждениями и *определились намерения* Засулич. Совершенно достоверным поэтому *представляется* то объяснение Засулич...» [23, с. 38].

Субъект действия вновь умалчивается. А объект (неодушевленный объект) выступает в активной роли, так как в предложении он является подлежащим. Не Засулич определила свои намерения, а они сами определили *СЬ*. «Объяснение представляется достоверным». Но кому представляется? И почему достоверным? Кроме пассивного залога, не меньшую роль играет возвратность глаголов, так как их действие может быть направлено только на субъект этого действия, а не на какой-то объект, а когда в роли субъекта выступают такие лексемы, как «мысль», «обсуждения», «объяснения», то Вера автоматически исчезает с поля зрения аудитории.

Итак, мы рассмотрели манипулятивные приемы, связанные с психологическим содержанием. Все они представляют когнитивное воздействие на аудиторию. Но П. А. Александров не ограничивается ими, а добавляет в свою речь уловки, позволяющие посредством намеренных логических нарушений убедить слушателя в невиновности Веры Засулич.

Одна из таких уловок – *ложное обобщение*. Приведем пример:

«Если с этой точки зрения общей справедливости смотреть на наказание, примененное к Боголюбову, то понятным станет то *возбуждающее, тяжелое* чувство негодования, которое *овладевало всяким* неспособным безучастно относиться к нравственному истязанию над ближним» [23, с. 32].

Ложное обобщение заключается в том, что не все испытывали негодование к наказанию розгами. Большая часть дворянского населения, как автор сам сказал в начале речи, наоборот негодовала, когда розги отменили. В этом фрагменте используются еще и оценочные эпитеты для формирования сильной эмоции аудитории.

Не менее интересным для нас будет уловка – *недосказанное основание*. С помощью примера рассмотрим сущность данного приема. «*Аффект не переходит в холодное размышление и остается аффектом*».

1. Засулич была в состоянии аффекта.
2. Аффект не соизмерим с холодным размышлением.
3. Следовательно, Засулич действовала необдуманно.

В обобщенных фразах представляется первая посылка, но автор не доказывает ее, а сразу переходит к следующей.

Попробуем сами понять, что в судебном деле принято считать аффектом. Согласно «Большому юридическому словарю», аффект бывает двух видов: физиологический и патологический. Первый «не лишает человека возможности сознавать, контролировать свое поведение и отвечать за него. Преступление, совершенное в состоянии физиологического аффекта, (состоянии душевного

волнения), не исключает уголовной ответственности лица, но при определенных условиях она может быть смягчена. Патологический аффект представляет собой временное расстройство психики, при нем наступает глубокое помрачение сознания и утрата способности отдавать отчет в своих действиях и руководить ими, лицо в таких случаях признается невменяемым» [6]. Настаивая на том, что Вера – натура экзальтированная и действовала необдуманно, оратор, видимо, имеет в виду патологический аффект, но в этом случае девушка вообще не имела возможности ничего обдумывать, даже то, как достать пистолет. В таком случае ей было бы все равно, в кого стрелять, в генерала или в своих близких.

Следующий вид уловки мы находим в тексте выступления П. А. Александрова – это *круг в доказательстве*. Пример:

«...Она действительно могла бы выстрелить совершенно в упор и выбрать самое опасное направление. Вынув из кармана револьвер, она направила его так, как пришлось: не выбирая, не рассчитывая, не поднимая даже руки. Она стреляла, правда, в очень близком расстоянии, это делало выстрел более опасным, но иначе она и не могла действовать» [23, с. 39].

Круг в доказательстве получается за счет наклонения. Вначале условное, которое подразумевало под собой, что она могла бы, но не сделала, а в конце изъявительное – она стреляла с близкого расстояния, и поэтому выстрел был опасен.

Последний вид уловки, который нам встретился в анализируемом тексте, это *подмена тезиса*:

«Физиономия государственных преступлений нередко весьма изменчива. То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление нередко – только одновременно высказанное учение преждевременно провозглашенного преобразования, проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время» [23, с. 31].

Подмена тезиса производится за счет подмены содержательной части термина «преступление». Данная уловка строится на топе определения, и если отталкиваться от того представления преступлений, которое предлагает Александров, то можно оправдать вообще любой поступок, любое убийство в конечном счете.

Как известно, судом присяжных Вера Засулич была оправдана. Исследователи считают оправдательный вердикт заслугой адвоката обвиняемой П. А. Александрова, а также отчасти – председательствующего А. Ф. Кони. Пресса, освещавшая ход процесса, и публика также заняли сторону В. Засулич, превратившейся в общественном сознании в «жертву» «палача» Трепова.

Одним из немногих изданий, не поддержавших всеобщего ликования по поводу оправдательного приговора, стали «Московские ведомости» М. Н. Каткова, трезво оценившие юридическую сторону вопроса [20]. Анализируя ход процесса, М. Н. Катков фиксирует манипулятивную подмену образа преступницы – образом «жертвы», и наоборот, образа пострадавшего – образом «палача», что дает ему

основания иронично назвать дело Веры Засулич «делом Петербургского градоначальника Трепова, судившегося по обвинению в наказании арестанта Боголюбова» [15, с. 161]. В *мифологическом манипулировании* (манипуляции посредством актуализации ментально-мифологических конструктов и воздействия на архетипы [12, с. 7]), активно применявшемся во время процесса, помимо архетипов палача и жертвы, издание отмечает также активное использование архетипа мстительницы. По мнению обозревателя газеты князя Н. Голицына, Вера Засулич манипулировала сочувствием публики, представ перед ней «в роли карающей Немезиды» [8].

ВЫВОДЫ

Таким образом, успех адвокатской речи П. А. Александрова на процессе Веры Засулич можно объяснить умелым использованием коммуникационных технологий влияния: приемов психологического воздействия и намеренных логических нарушений. Среди приемов психологического воздействия особенно следует отметить драматизацию, заставляющую аудиторию то испытывать негодование, то сочувствие, то душевную боль. За счет этого аудитория находится в сильном эмоциональном напряжении. Также обращает на себя внимание активное использование мифологического манипулирования через обращение к архетипам жертвы, палача, мстительницы. В числе намеренных логических нарушений в данном тексте по силе влияния мы можем выделить круг в доказательстве и подмену тезиса. Обобщая сказанное, можно утверждать, что все приемы были использованы автором как единое целое, все они взаимосвязаны: каждый прием вытекает из предыдущего и усиливает его, не давая аудитории времени на осмысление отдельной фразы или отдельного предложения, благодаря чему публицистический текст достигает желаемого эффекта. Указанные приемы наглядно показывают, как решалась судьба исторической личности Веры Засулич. Использование коммуникационных технологий влияния, на наш взгляд, объясняет принятый судом присяжных оправдательный вердикт.

Список литературы

1. *Аристотель*. Поэтика ; Риторика. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. – 346 с.
2. *Аронсон Э., Пратканис Э.* Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения повседневное использование и злоупотребление. – Санкт-Петербург: прайм-ЕВРО ЗНАК, 2002. – 384 с.
3. *Асмус В. Ф.* Логика. – Москва: УРСС, 2001. – 386 с.
4. *Бернейс Э.* Пропаганда. – Москва: Hippo Publishing, 2010. – 176 с.
5. *Бессонов Б. Н.* Идеология духовного подавления. – Москва: Изд. МГУ, 1971. – 295 с.
6. Большой юридический словарь. – Режим доступа: <https://juridical.slovaronline.com>. – (Дата обращения: 23.01.2021).
7. *Винокур В. А.* Уловки в споре. – Санкт-Петербург: Речь, 2005. – 142 с.
8. *Голицын Н.* Сюрприз // Московские ведомости. – 1879. – 8 июля.
9. *Грачев Г. В., Мельник И. К.* Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. – Москва: ИФРАН, 1999. – 230 с.
10. *Данилова А. А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации. – Москва: Добросвет : Изд-во «КДУ», 2009. – 232 с.

11. Дзялошинский И. М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – Москва: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.
12. Дзялошинский И. М. Манипулятивные технологии в СМИ: Учебно-методическое пособие. – Москва: «Гуманитарный институт», 2006. – 44 с.
13. Доценко Е. Л. Психология манипуляции. Феномены, механизмы, защита. – Москва: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. – 344 с.
14. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – Москва: Алгоритм, 2000. – 685 с.
15. Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1878 г.. – Москва: Издание С. П. Катковой, 1897. – 594 с.
16. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2021. – 237 с.
17. Липпман У. Общественное мнение. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
18. Милль Д. С. Система логики силлогистической и индуктивной. – Москва: URSS, 2011. – 828 с.
19. Панкратов В. Н. Уловки в спорах и их нейтрализация. – Москва: Рос. пед. агентство, 1996. – 43 с.
20. Перевалова Е. В. Освещение процесса Веры Засулич в газете М.Н. Каткова «Московские ведомости» // Вопросы теории и практики журналистики. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 29–41.
21. Поварнин С. И. Искусство спора: О теории и практике спора. – Петроград: Начатки знаний, 1923. – 128 с.
22. Сидоренко Е. В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 256 с.
23. Судебные речи известных русских юристов: Сборник. – Москва: Госюриздат, 1957. – 871 с.
24. Фролова В. В. Уловка как речевой прием достижения цели в бытовом и публичном общении: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.01. – Москва, 2009. – 24 с.
25. Шевченко Е. В. Коммуникативные особенности английских и русских юридических речевых актов, речевых стратегий и тактик: На материале языка художественных и публицистических произведений: автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.19. – Краснодар, 2003. – 24 с.
26. Шейнов В. П. Манипулирование и защита от манипуляций. – Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 303 с.
27. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. – Москва: Мысль, 1980. – 326 с.
28. Шопенгауэр А. Искусство побеждать в спорах. – Москва: Эксмо, 2015. – 125 с.
29. Шостром Э. Человек-манипулятор: Внутрен. путешествие от манипуляции к актуализации. – Москва: Апрель-Пресс: Изд-во Ин-та Психотерапии, 2004. – 190 с.
30. Noggle R. The Ethics of Manipulation // Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Режим доступа: <https://plato.stanford.edu/entries/ethics-manipulation/>. – (Дата обращения: 12.03.2023).

References

1. Aristotel. *Pojetika; Ritorika* [Poetics; Rhetoric]. St. Petersburg, Azbukaklassika Publ., 2010. 346 p.
2. Aronson Je., Pratkanis Je. *Jepoha propagandy: Mehanizmy ubezhdenija povsednevnoe ispol'zovanie i zloupotreblenie* [The Age of Propaganda: Persuasion Mechanisms, Everyday Use and Abuse]. St. Petersburg, prajmEVRO ZNAK Publ., 2002. 384 p.
3. Asmus V. F. *Logika* [Logic]. Moscow, URSS Publ., 2001. 386 p.
4. Bernejs Je. *Propaganda* [Propaganda]. Moscow, Hippo Publishing, 2010. 176 p.

5. Bessonov B. N. *Ideologija duhovnogo podavlenija* [The ideology of spiritual suppression]. Moscow, MGU Publ., 1971. 295 p.
6. *Bol'shoj juridicheskij slovar'* [Large legal dictionary]. Available from: <https://juridical.slovaronline.com>. (accessed 23 January 2021).
7. Vinokur V. A. *Ulovki v spore* [Tricks in the dispute]. St. Petersburg, Rech Publ., 2005. 142 p.
8. Golicyn N. *Sjurpriz* [Surprise]. *Moskovskie vedomosti*, 1879, July 8.
9. Grachev G. V., Mel'nik I. K. *Manipulirovanie lichnost'ju: organizacija, sposoby i tehnologii informacionnopsihologicheskogo vozdejstviya* [Personality manipulation: organization, methods and technologies of information and psychological impact]. Moscow, IFRAN Publ., 1999. 230 p.
10. Danilova A. A. *Manipulirovanie slovom v sredstvakh massovoj informacii* [Word manipulation in the media]. Moscow, Dobrosvet Publ.: Publishing «KDU», 2009. 232 p.
11. Dzialoshinskij I. M. *Kommunikativnoe vozdejstvie: misheni, strategii, tehnologii* [Communicative impact: targets, strategies, technologies]. Moscow, NIU High School of Economics Publ., 2012. 572 p.
12. Dzialoshinskij I. M. *Manipuljativnye tehnologii v SMI* [Manipulative technologies in the media]. Moscow, Gumanitarnyj institute Publ., 2006. 44 p.
13. Docenko E. L. *Psihologija manipuljacji. Fenomeny, mehanizmy, zashhita* [Psychology of manipulation. Phenomena, mechanisms, protection]. Moscow, CheRo Publ., MGU Publ., 1997. 344 p.
14. Kara-Murza S. *Manipuljacija soznaniem* [Manipulation of consciousness]. Moscow, Algoritm Publ., 2000. 685 p.
15. Katkov M. N. *Sobranie peredovyh statej «Moskovskih vedomostej». 1878.* [Collection of leading articles of the “Moscow News”. 1878.]. Moscow, Edition by S. P. Katkova, 1897. 594 p.
16. Lassujell G. D. *Tehnika propagandy v mirovoj vojne* [Propaganda Technique in the World War]. Moscow, Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 237 p.
17. Lippman W. *Obshhestvennoe mnenie* [Public Opinion]. Moscow, Institute of the Public Opinion Foundation Publ., 2004. 384 p.
18. Mill D. S. *Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoj* [A system of logic, ratiocinative and inductive]. Moscow, URSS Publ., 2011. 828 p.
19. Pankratov V. N. *Ulovki v sporah i ih neitralizacija* [Tricks in disputes and their neutralization]. Moscow, Russian Pedagogical Agency Publ., 1996. 43 p.
20. Perevalova E. V. *Osveshhenie processa Very Zasulich v gazete M.N. Katkova «Moskovskie vedomosti»* [Publicizing of process of vera zasulich in M. N. Katkov's newspaper «Moskovskie Vedomosti»], *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2015, vol. 4, no.1, pp. 29–41.
21. Povarnin S. I. *Iskusstvo spora: O teorii i praktike spora* [The art of dispute: On the theory and practice of dispute]. Petrograd, Nachatki znaniy, 1923. 128 p.
22. Sidorenko E. V. *Trening vlijaniya i protivostojaniya vlijaniju* [Training of influence and opposition to influence]. St. Petersburg, Rech Publ., 2004. 256 p.
23. *Sudebnye rechi izvestnyh russkih juristov: Sbornik* [Judicial speeches of famous Russian lawyers: Collection]. Moscow, Gosjurizdat Publ., 1957. 871 p.
24. Frolova V. V. *Ulovka kak rechevoj priem dostizheniya celi v bytovom i publichnom obshhenii: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [A trick as a speech technique for achieving a goal in everyday and public communication. Thesis]: 10.02.01. Moscow, 2009. 24 p.
25. Shevchenko E. V. *Kommunikativnye osobennosti anglijskih i russkih juridicheskikh rechevyh aktov, rechevyh strategij i taktik : Na materiale jazyka hudozhestvennyh i publicisticheskikh proizvedenij : avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk* [Communicative features of English and Russian legal speech acts, speech strategies and tactics: On the material of the language of artistic and journalistic works. Thesis]: 10.02.19. Krasnodar, 2003. 24 p.

26. Shejnov V. P. *Manipulirovanie i zashhita ot manipuljacij* [Manipulation and protection from manipulation]. St. Petersburg, Piter Publ., 2014. 303 p.
27. Shiller G. *Manipuljatory soznaniem* [Manipulators of consciousness]. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 326 p.
28. Shopengaujer A. *Iskusstvo pobezhdat' v sporah* [Art to win in disputes]. Moscow, Jeksno Publ., 2015. 125 p.
29. Shostrom Je. *Chelovekmanipuljator: Vnutren. puteshestvie ot manipuljatsii k aktualizatsii* [Manipulator: Internal. journey from manipulation to actualization]. Moscow, Aprel' Press Publ.: Publishing House of the Institute of Psychotherapy, 2004. 190 p.
30. Noggle R. *The Ethics of Manipulation*. Stanford Encyclopedia of Philosophy. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/ethicsmanipulation/> (accessed: 12 March 2023).

COMMUNICATION TECHNOLOGIES OF IMPACT IN P. A. ALEKSANDROV'S JUDICIAL PUBLICITY

E. S. Plaksina, N. V. Yablonovskaya

The article is devoted to the characteristics of communication technologies of influence and their analysis in the text of the court speech of the outstanding lawyer of the 19th century P.A. Alexandrov at the trial of Vera Zasulich. As a result of the work, specific examples were identified that demonstrate the communication technologies of the author's influence on the audience – manipulations and tricks. Through text illustrations, brief comments were given with definitions of a specific type of trick and manipulation, the structure and essence of such techniques were revealed. Among the methods of psychological influence, one should especially note the dramatization, which makes the audience either feel indignation, or sympathy, or mental pain. Due to this, the audience is in a strong emotional tension. Also noteworthy is the active use of mythological manipulation through the appeal to the archetypes of the victim, the executioner, the avenger. Among the intentional logical violations in this text, in terms of the strength of influence, we can single out the circle in the proof and the substitution of the thesis. The authors note that all the techniques were used as a whole, they are all interconnected: each technique follows from the previous one and enhances it, without giving the audience time to comprehend a single phrase or a single sentence, thanks to which the journalistic text achieves the desired effect. These methods clearly show how the fate of the historical personality of Vera Zasulich was decided. The use of communication technologies of influence, from the point of view of the authors, explains the verdict of not guilty adopted by the jury.

Key words: manipulation, trick, psychological impact, logical errors, communication technologies, Russian judicial journalism.

УДК 811, 070

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СМИ

Смеюха В. В.

*Южный федеральный университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения
Ростов-на-Дону, Россия
E-mail: smeyha@yandex.ru*

Развитие медиасреды, глобализация способствуют увеличению объема молодежного сленга, на что обращают внимание ученые, журналисты, представители профессиональных сообществ. В статье рассматривается тема использования современного молодежного сленга в публикациях массовых периодических изданий. Были проанализированы тексты изданий «Известия», «Коммерсантъ», «Ведомости», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты», размещенные на их сайтах в период с апреля 2023 г. по 2021 г. (использовались следующие методы исследования: контент-анализ, наблюдение, сравнение, филологический анализ текстов). Автор делает заключение, что молодежные сленгизмы не являются распространенными в текстах массовой периодической печати, используются лишь некоторые наиболее популярные языковые единицы. Включение молодежных сленгизмов в публикации СМИ отображает развитие языка молодежи; как правило, данные слова используются журналистами с целью разъяснения широкой аудитории значения новых слов молодежного языка, описания молодежной среды, в прямой речи героев публикаций; некоторые слова утвердились в сферах культуры, спорта, технической отрасли, что фиксирует периодика.

Ключевые слова: молодежный сленг, пресса, СМИ, текст, функции

ВВЕДЕНИЕ

Тема молодежного сленга является популярной в научной среде [5, 15, 8]. Однако она не является новой [4]. Так, например, в 60-е гг. прошлого столетия употреблялись сленговые слова «хилить» (неспешно прогуливаться), «стилять» (танцевать), «котлы» (наручные часы); в 70-е гг. – «герла» (девушка), «прикид» (одежда), «фейс» (лицо, внешний вид); в 80-е гг. – «сейшен» (концерт), «туса» (компания), «тугрики» (деньги) и др. Наличие у молодежной аудитории своих популярных сленговых слов свидетельствует о развитии языка, о влиянии на него внешних факторов, а выход из употребления некогда широко употреблявшихся сленгизмов – об изменении условий их использования языковой личностью [13], о дальнейшем развитии молодежного сленга.

Под «молодежным сленгом» принято понимать экспрессивно и эмоционально окрашенную лексику молодежной аудитории, отклоняющуюся от литературной и языковой нормы. Однако, если термин «сленг» однозначно интерпретируется в ряде словарей: «вариант разговорной речи (в т.ч. экспрессивно окрашенные элементы этой речи), не совпадающий с нормой литературного языка» [20, с. 1110], «экспрессивно и эмоционально окрашенная лексика разговорной речи, отличающаяся от принятой литературной языковой нормы» [21, с. 385], то с трактовкой определения «молодежный» возникают проблемы. Некоторые ученые ссылаются на Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации», в котором дается

следующее определение категории «молодежь»: «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно». Если же рассматривать возрастную группу, использующую молодежный сленг, то мнения ученых относительно её возрастных рамок разнятся: например, «люди 11–30 лет» [7], подростки [19], выявляют наличие своего сленга и у студентов [3].

Выделим некоторые причины развития молодежного сленга. Во-первых, это активное развитие медиасреды, позволяющей интегрировать в язык зарубежные слова и выражения. Функционирование социальных сетей, объединяющих аудиторию, говорящую на разных языках, использование компьютерных игр, просмотр международных онлайн-трансляций, зарубежных фильмов и т. д. способствуют появлению новых сленговых слов. И, если ранее ученые анализировали журналы и газеты в качестве преобладающих каналов, распространяющих молодежный сленг [16, 19], то сегодня их внимание сосредоточено на интернет-коммуникациях [9, 10, 14, 25]. Во-вторых, возможность посещения зарубежных стран, общение с носителями языка ведут к усвоению новых слов; и, в-третьих, глобализация способствует широкому заимствованию английских слов, которые лежат в основе молодежных сленгизмов.

На современном этапе использование молодежью интернет-медиа, развитие технической среды, рост медиапотребления привели к широкому распространению молодежного сленга, на что обращают внимание не только ученые [6, 12], но и журналисты – публикации на данную тему в СМИ и массмедиа привлекают внимание массовой аудитории (например, Евграфова Ю. Ауф, лойс, краш: лингвисты рассказали о пользе сленга поколения Z // *Вечерняя Москва*. 05.04.2021; Не агрись, думер! 22 слова, которые помогут понять поколение Z // *РБК*. 6.03.2021; В России начали составлять карту молодежного сленга // 28.01.2022 и др.) и представителей профессиональных сообществ (Суворова Л. По-молодежному: эксперты объяснили подростковый сленг, который не всегда понятен взрослым // *Учительская газета*. 7.02.2022; Сереброва А. Будь крашем: краткий путеводитель по молодежному сленгу для учителей // *Учительская газета*. 31.07.2022; «Краш», «форсить», «ситуация сюр»: как общаются зумеры в 2023 году // *Sostav.ru*. 11.01.2023 и др.). И журналисты, и ученые [17, 22, 2] фиксируют как позитивные, так и негативные оценки молодежного сленга широкой аудиторией и научным сообществом. Выходят словари молодежного сленга, причем данные издания могут быть составлены как учеными-филологами [11, 18], так интернет-пользователями: «Словарь молодежного сленга» (*Vc.ru*. 2.04.2021), (Дзен. 17.05.2023). В комментариях к последним читатели добавляют новые языковые единицы, что позволяет отображать инновации в речи молодежной аудитории.

В связи с тем, что медиасреда отображает развитие молодежного сленга, рассмотрим его использование в текстах массовых СМИ. Целью данного исследования является выявление частоты использования популярных слов молодежного сленга в периодической печати; рассмотрение особенностей и функций их включения в материалы прессы.

Методы исследования и эмпирическая база

По заключению исследователей, современный молодежный сленг чаще встречается в социальных сетях и молодежных СМИ. Однако данные слова и выражения фиксируются и в массовой прессе, адресованной широкой аудитории. Рассмотрим массовые периодические издания в сети интернет и, проанализировав их контент, определим, насколько часто периодика использует молодежный сленг и каковы функции использования данных слов в публикациях. Были использованы следующие методы исследования: контент-анализ, наблюдение, сравнение, филологический анализ текстов.

Для анализа были выбраны издания, представленные в рейтинге «ТОП-10 СМИ. Газеты. Февраль 2023» (компания «Медialogия»): «Известия», «Коммерсантъ», «Ведомости», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты». В процессе работы были использованы сайты указанных изданий, что позволило включить в исследование материалы газет и изданий их филиалов («АиФ в Беларуси», «АиФ Урал», «АиФ Владивосток», «Коммерсантъ Урал», «МК Сахалин», «МК Псков», «МК Омск»). Перечень сленгизмов, которые исследовались в СМИ, был взят из научной работы «Американский молодежный сленг в российских медиа», её авторы определили сленговые слова, которые молодежь наиболее часто использует в процессе общения на платформах социальных медиа [1]. Хронологические рамки исследования – с апреля 2023 г. по 2021 гг. (за исключением издания «Коммерсантъ» – на его сайте материалы представлены за 2023–2022 гг.).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Профессор Г. Я. Солганик в статье «Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка» указывал, что «язык СМИ – это своеобразный мост между национальным и литературным языком. Прежде чем стать достоянием литературного языка, средства национального языка проходят обработку в языке СМИ. В конечном итоге язык СМИ становится главным фактором развития и национального, и литературного языка» [23]. Следовательно, языковые изменения и инновации отображаются на страницах периодических изданий. Исключением не являются и слова молодежного сленга.

Отметим, что, несмотря на то, что выбранные для анализа издания не являются молодежными, молодежная аудитория входит в их читательскую категорию: у газеты «Известия» 5 % читателей в возрасте от 16 до 19 лет, 11 % – от 20 до 24 лет, 20 % – от 25 до 34 лет (Медиакиит 2018); у «Российской газеты» 17 % – молодежь возрастной группы «16–24», 14 % – «25–34» (Медиакиит 2023); у издания «Коммерсантъ» 12 % – аудитория «16–24», 28, 4 % – «25–43» (Медиакиит 2020); у газеты «Ведомости» 18 % читателей – молодежь до 25 лет (Медиакиит 2022); у «Московского комсомольца» 9,5 % – группа от 18 до 24 лет, 28,4 % – от 25 до 34 (Similarweb.com. 2023); у «Комсомольской правды» 10 % – от 10 до 24 лет, 19 % – от 25 до 34 лет (Медиакиит 2023); у издания «Аргументы и факты» 13 % – читатели в возрасте от 12 до 24 лет, 39 % – от 24 до 39 лет (Медиакиит 2022). Таким образом, молодежь является частью читательской аудитории рассматриваемых СМИ, следовательно, издания должны

учитывать интересы данной аудиторной группы, что будет отражаться в тематике прессы и языке публикаций.

В ходе анализа текстов указанных СМИ были получены следующие результаты:

1. Слово «чилить» (от англ. chill – расслабляться) обозначает «отдыхать», «расслабиться», «ничего не делать». Слова «чилить», «на чиле» редко используют в текстах СМИ: в «Российской газете» было выявлено 3 публикации с указанными языковыми единицами, в «Аргументах и фактах» – 2, в «Комсомольской правде» – 2, в «Московском комсомольце» – 1.

Данное слово встречается в текстах образовательного характера. Авторы газет обращают внимание на сленгизмы, используемые молодежью, – размещают материалы с разъяснением данных языковых единиц: В. Сидорчук «Что означает выражение “быть на чиле”» (АиФ в Беларуси. 17.07.2022), «Не понял, о чём ты говоришь: краш, чилить, падра и другие модные слова» (АиФ Урал. 05.10.2021). «Комсомольская правда» посвятила материал педагогу из Бурятии, составившей словарь «школьного языка», и в тексте приводится пояснение некоторых слов из лексикона 13–15-летних подростков (Липчинская О. Кто такая крашиха и умеете ли вы флексить: Учительница из Бурятии составила разговорник из школьных словечек // КП. 31.10.2022); автор материала использует в тексте подзаголовки, один из них – «Раньше все было лол, а сейчас уже все на чиле», тем самым журналист показывает развитие молодежного сленга – появление новых слов: «лол» (громко, вслух смеяться) – слово, распространившиеся в русскоязычном интернет-пространстве 1990–2000-х гг., сегодня же молодежь использует много новых сленговых слов и выражений. Основная идея образовательных публикаций, в которых дается разъяснение новых сленгизмов, – помочь аудитории понять язык молодежи. Как правило, такие тексты адресованы родителям подростков, их взрослому окружению, учителям.

Сленговые слова, используемые в социальных медиа, переходят в материалы периодических изданий. Подтверждение тому – публикация в газете «Аргументы и факты Владивосток»: «На чиле: в сети показали, как на самом деле работают приморские строители» (16.06.2022). Житель Владивостока сфотографировал местных рабочих и выложил фотографию в сеть, подписав её «На чиле». Из сети фотография попала в издание вместе со сленгизмом, который её сопровождал.

2. Слово «краш» (от англ. crush – раздавить, растоптать) в молодежном сленге обозначает «любимый», «тот, в кого влюблен», «тот, кто нравится», при этом объект любви может быть тайным, не отвечать взаимностью.

Данная языковая единица является распространенной в исследуемых газетах (в сравнении с другими молодежными сленгизмами): так, например, в издании «Известия» было выявлено 58 материалов с данным словом, в «Российской газете» – 33, в «Коммерсанте» – 32, в «Комсомольской правде» – 9, в «Ведомостях» – 7, в «Московском комсомольце» – 2, в «Аргументах и фактах» – 2. Столь значительное количество публикаций объясняется тем, что «Известия», «Коммерсантъ», «Российская газета» регулярно сообщают о новиках в автомобильной сфере, при этом упоминают «краш-тесты», использующиеся на этапе испытания новых автомобилей.

Данную группу материалов мы не будем рассматривать, вследствие того что их авторы используют в текстах технический термин, а не сленгизм.

Тематический анализ публикаций, в которых используется сленгизм «краш», позволяет разделить их на несколько групп.

Выделяются материалы образовательной направленности, их авторы разбирают значение сленговых слов: О. Ивашко «Что означает слово «*краш*» на современном сленге?» (АиФ в Беларуси. 07.10.2021), С. Цыганкова «Должен ли учитель знать, чем “кринж” отличается от “*краша*”» (РГ. 8.03.2021) и др.

Выявляется группа материалов, посвященных изучению отношения различных групп населения к иноязычным и сленговым словам: широкой аудитории – на основе социологических исследований, в том числе, и к слову «краш»: «... самыми раздражающими англицизмами россияне считают слова «*краш*» (11 %), «брейншторм» (3 %) и «дедлайн» (3 %). (Названы самые популярные среди россиян англицизмы // Известия. 6.06.2022), подростков: «64 % опрошенных используют слово “форсить”, 63 % – слово “*краш*”» (Баласян Л. «Дзен»: самыми популярными среди зумеров стали слова «форсить» и «*краш*» // Коммерсантъ. 11.01.2023), депутатов, разрабатывавших законопроект, касающийся норм использования русского языка: «... издание предлагало «современной бабушке» не ругать внуков «за слова “денсить”, “кульный” и “*краш*”», поскольку «это нормальная для молодого человека игра с языком и словом». Однако госпожа Ямпольская сообщила, что комитет выступает за “чистоту родного языка”» (Воронов А. Депутаты поговорили на чистоту языка // Коммерсантъ. 13.12.2022), учёных: «Доктор филологических наук, директор филологического факультета (департамента) УрФУ Анна Плотникова добавила, что задача состоит в том, чтобы ограничить использование популярных иностранных слов, которые «загрязняют речь» и могут быть заменены на русские аналоги. Например, “анриал”, “криповый”, “*краш*”» (Якушева К. «Словари создает не государство, словари создаем мы с вами» // Коммерсантъ Урал. 06.03. 2023).

Анализ текстов СМИ показывает, что слово «краш» встречается в текстах вследствие того, что журналист цитируют речь героя, который использовал данную языковую единицу, например: «Константин Анисимов: «Не буду скромничать, но я идеально подхожу на роль ведущего этого шоу. Ведь с одной стороны, я до сих пор помню те времена, в которые шоу-бизнес называли эстрадой, а с другой – могу перевести для вас такие слова, как “кринж”, “*краш*” и “вайб”!» (17 сентября на МУЗ-ТВ стартует масштабное шоу «Битва поколений» // Известия. 26.08.2022).

Необходимо отметить, что слово «краш» получило распространение в сферах культуры, пищевого производства, что отражают СМИ. Так, популярные певцы К. Кока и Д. Прытков (Niletto) исполнили песню «Краш» (2020 г.), пресса упоминает данный факт в связи с информированием об их деятельности: «Данилу Прыткова (настоящее имя исполнителя) публика знает по «Любимке» и дуэту с Клавой Кокой («*Краш*»)» (КП. Концерт Niletto. 2023), «... хитом: ломким, бойким на эмоции и настроения дуэтом «*Краш*» с Клавой Кокой» (Алексеев А. Рэпер Niletto представил новый альбом // РГ. 04.04.2022). В Санкт-Петербурге был поставлен молодежный спектакль «Краш в сердце» – о нем написали издания «Коммерсантъ» (Троянская Т. Больше, чем спектакль // Коммерсантъ. 21.11.2022), «Комсомольская

правда» (Фестиваль «Территория.Kids» // КП. 2022), «Российская газета» (Мазурова С. «Краш в сердце» и стендап «Кот Бр*дского». В Петербурге появился новый театральный фестиваль // РГ. 23.03.2023). Газета «Коммерсантъ» сообщила о выпуске новых чипсов: «Максим Сушинский начнет выпуск чипсов под брендом “Краш лаваш”» (Куркин К. Экс-хоккеист почувствовал «Вкус золота» // Коммерсантъ. 21.06.2022).

И всего в одной публикации слово используется журналистом для передачи собственного отношения к событию. Вл. Гаврилов является автором материалов об автомобилях. Описывая очередную новинку на авторынке, он делает заключение о её низкой безопасности, что отображается уже в названии публикации «Джип не твой краш. Популярные кроссоверы оказались небезопасны» (АиФ. 22.12.2022). Включение в текст популярного сленгизма, с одной стороны, ориентирует материал на молодежную аудиторию, интересующуюся авторынком, с другой стороны – является элементом иронии.

3. Слово «кринж» (от англ. cringe – съезжиться, сжаться) обозначает «чувство стыда, испытываемое за другого человека».

Рассматриваемое слово было выявлено в 22 текстах «Московского комсомольца», в 10 – «Российской газеты», в 6 – «Аргументов и фактов», в 5 – «Коммерсанта», в 1 – «Комсомольской правды».

Анализ публикаций показал, что слово «кринж» используется в материалах образовательной направленности, посвященных вопросам молодежного сленга, русского языка: О. Ивашко «Что означает слово “кринж”?» (АиФ в Беларуси. 20.11.2021), «Соулмейт, фан, кринж, краш, Мэри Сью* ...» (Скорондаева А. Как увлечь подростков литературой, если ты не Джоан Роулинг // РГ. 11.10.2022) и др.

В публикациях рассматриваемое слово может использоваться в авторском тексте, выбирая для описания ситуации именно данную языковую единицу, автор показывает собственное отношение к происходящему: «В этом разрезе становится интересно, как господин Ефремов-младший согласился участвовать в этом балагане, потому что наибольший кринж (уж простите за сленговые словечки, идеально подходящие под описание ситуации) вызывают сцены с его участием» (Бобров Б. Как американцы «Тетрис» в СССР покупали // РГ. 22.04.2023).

Сленгизм может применяться для описания молодежной среды: «...быстро вошла в роль прилежной ученицы модника, бойко и не без самоиронии чеканя молодежным новоязом, вроде «кринж», «олдовый», «зашквар», «бэнгер» и т.д.» (Легостаев И., Гаспарян А. Агутина, Киркорова, Баскова и других звезд озолотили наградами в Кремле // МК. 03.12.2021).

Слово сохраняется в прямой речи героев публикаций, что помогает читателю соотносить их с молодежной аудиторией: «... он все это время не сводил с меня глаз, а я перманентно ловила кринж от происходящего» («Ты не знаешь, что в Афгане было»: жители Сахалина вспомнили свои неудачные свидания // МК Сахалин. 14.02.2023); «В общем, друзья, ситуация – кринж. Только я с утра сказала, что у меня будет очень продуктивный день, и судьба, видимо, сказала...» (Что за история с эвакуацией машины Загитовой и ее аварией в такси? // АиФ. 23.03.2023).

4. Слово «донатить» (от англ. donate – жертвовать) используется в значении «делать денежное пожертвование». Слово «донат» получило широкое распространение в компьютерных играх и блогерстве.

В силу популяризации интернет-среды, интернет-игр, деятельности в сети интернет языковая единица «донат» стала весьма популярной, что фиксирует пресса, так, с помощью поисковика по ключевому слову «донат» было найдено в газетах: «Известия» – 173 материала, «Московский комсомолец» – 126, «Коммерсантъ» – 34, «Аргументы и факты» – 24, «Российская газета» – 21, «Комсомольская правда» – 8.

Слова «донат» и «донатить» используются в публикациях, посвященных блогерам, музыкантам, описанию вознаграждения: Боярский А. «Блогеров стали *донатить* в пять раз чаще, а чаевые выросли на 11 %» (РГ. 08.09.2022), Никольская В. «“Деда убили водкой и *донатами*”: участник треш-стрима Дед из Смоленска умер в прямом эфире» (КП. 29.02.2021), «Стримерша собрала *донаты* на «Буханку» для российских военных» (Известия 12.11.2022), Лебедева В. «Музыканты сыграли за *донат*» (Коммерсантъ. 28.12.2022), «По данным «Известий», Дарья перечисляла *донаты* запрещенной в России экстремистской организации» (Подозреваемая во взрыве в кафе Петербурга объявлена в розыск // Известия. 3.04.2023) и др.

5. Слово «вайб» (от англ. vibe – вибрация) в молодежном сленге обозначает чувство атмосферы вокруг чего-либо (события, мероприятия, человека), общее настроение.

Данное слово нечасто употребляется в тесках периодических изданий: было отобрано 13 публикаций в газете в «Коммерсантъ» (с 2023 по 2022), в «Российской газете» – 9, в «Московском комсомольце» – 6, в «Аргументах и фактах» – 6, в «Известиях» – 6, в «Комсомольской правде» – 5. Языковая единица используется в текстах образовательной направленности и публикациях, посвященных результатам социологических исследований на тему языка: «Вот умеешь ты, Саша, убить *вайб* и обломать чилл ...» (Новоселова Е. На каком языке говорят российские школьники // РГ. 14.04.2022), «Помню, старшее поколение возмущалось, услышав слова “чувак” или “ништяк”, а сейчас про них уже забыли. То же будет с новыми словечками вроде “*вайб*” и “кринж”» (Невмержицкая Н. Опрос: какие иностранные слова раздражают читателей «СОЮЗа» // РГ. 22.03.23).

Слово «вайб» присутствует в прямой речи героев публикаций: «Марфа оказалась совершенно невероятным партнером, она мгновенно поймала телевизионный *вайб*» (Легостаев И. Тутта Ларсен вспомнила неловкую историю с блинами // МК. 13.03.2021), «Например, в партии «Новые люди» не все ребята заточены под политическую деятельность. Они несут *вайб*, приходишь – там своя атмосфера, создается комьюнити по интересам», – рассказал Артурс Екабсонс» (Иванова Т. Псковская молодежь рассказала, зачем идет в политику // МК Псков. 19.08.2021) и др.

Но чаще всего слово «вайб» используется авторами текстов для описания атмосферы события, праздника, концерта, кинофильма, времени, эпохи: Янчицкий К. «Криминальные разборки и ностальгический *вайб*: сериал «Кафе Куба» стартует на ТВ» (МК Омск. 03.03.2023), «Зрителей ждет живой звук, отличное настроение и ни с чем не сравнимый фирменный пиццевский *вайб*» (Концерт группы «Пицца» //

КП. 2022), «... сразу поймали рок-н-рольный *вайб* и от души аплодировали артистам» (Гаспарян А., Легостаев И. Кристина Орбакайте возглавила «выборную» комиссию» (МК. 20.10.2021), Нестеренко Н «Калифорнийский *вайб* и русская ментальность» (Коммерсант. 28.10.2022), «Путешествие начнется с Острова свободы. Пропитавшись кубинским *вайбом* и вдохновившись песнями уличных исполнителей, команда «Европы Плюс» направится в Мексику» (Саундтрек лета. Слушатели «Европы Плюс» поедут в Латинскую Америку // АиФ. 03.04.2023) и др.

6. Слово «читерить» (от англ. cheat – обманывать) обозначает «нарушать правила игры». Стало популярным и слово «читер» – «нечестный игрок». Как правило, публикации, в текстах которых встречаются слова «читер», «читерить», связаны с миром спорта, компьютерных игр: «Представитель СМИ спросил Медведева о том, как он относится к «клеюму обманщиков», которое якобы несут русские, и назвал при этом российских спортсменов “*читерами*”» (В чилийском издании объяснили вопрос теннисисту Медведеву на Олимпиаде // Известия. 28.06.2021), «Это не игра: в Китае разоблачили сеть разработчиков ПО для *читеров*» (Известия. 07.04.2021), «Гроссмейстер более сотни раз *читерил* в онлайн-партиях, в том числе в играх с призовым фондом» (Сулейманова Д. Гроссмейстера-тинейджера из США обвинили в жульничестве: пострадали Карлсен и Непомнящий // МК. 05.10.2022) и др.

Встречаются и производные языковые единицы от слова «читер», например: Буланов С. «В мировых шахматах разразился *читерский* скандал» (РГ. 11.09.2022).

В исследуемых изданиях было отобрано со словом «читер» («читерить») следующее количество публикаций: «Московский комсомолец» – 14, «Аргументы и факты» – 12, «Известия» – 8, «Ведомости» – 4, «Российская газета» – 1.

В статье Е. А. Барановой, К. А. Лавровой, В. В. Чебаненко «Американский молодежный сленг в российских медиа» были представлены и другие слова, широко функционирующие в молодежной среде: «токсик» – токсичный человек – в исследуемых СМИ был найден один пример: «Я не пойду с ним на свидание, он какой-то токсик» (Демиденко П. Краш, рофл, кринж: на каком языке разговаривает молодежь? // КП. 18.06.2021); такие слова, как «шеймить» (стыдить, осуждать), «имба» (персонаж, элемент, превосходящий других), «чекиниться» (зафиксировать своё присутствие (в городе, учреждении) с помощью отметки или тега в социальных сетях.), «форсить» (принуждать, навязывать) не использовались в рассматриваемых СМИ за исследуемый период.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В текстах периодических изданий «Известия», «Коммерсантъ», «Ведомости», «Московский комсомолец», «Российская газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» используется молодежный сленг, несмотря на то что данные СМИ не являются молодежными, относятся к массовым, однако молодежь входит в их читательскую аудиторию.

2. Молодежный сленг не является распространенным в массовых периодических изданиях. СМИ используют лишь некоторые слова, являющиеся сленговыми. Наиболее часто издания используют их в материалах образовательного

характера – авторы публикаций обращают внимание аудитории на новые сленговые языковые единицы и объясняют их значение.

Журналисты могут использовать в своих материалах молодежный сленг в процессе описания молодежной среды, и в данном случае данные языковые единицы ориентируют тексты на целевую аудиторию и одновременно способствуют описанию её вербальных особенностей.

Сленг может встречаться в прямой речи героев публикаций, что делается с целью передачи особенностей их языка, подчеркивает принадлежность к молодежной аудитории.

3. СМИ используют в качестве источников информации социальные сети, что объясняет переход сленгизмов из социальных медиа в тексты периодических изданий.

4. Так как сленг – это язык людей одной возрастной категории и применяется с целью демонстрации принадлежности к ней, то смеем предположить, что изменение социальных условий развития индивида влияет на использование им сленговых слов и выражений. Интегрирование в профессиональную среду, получение информации из различных видов медиа (не только социальных сетей), совершенствование речевых способностей и т.д. – факторы, ведущие к сокращению в речи числа сленгизмов. Однако у подрастающего поколения будут появляться новые слова и выражения сленгового характера, что является свидетельством развития языка молодежной аудитории, и данные изменения будут находить отображения в текстах СМИ.

Список литературы

1. Баранова Е. А., Лаврова К. А., Чебаненко В. В. Американский молодежный сленг в российских медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. – 2022. – Т. 27. – № 4. – С. 775–787.
2. Буряк В. А., Осипова В. А., Власов И. А. Интернет-сленг как форма коммуникации молодежи в виртуальной среде // Заметки ученого. – 2020. – № 8. – С. 133–139.
3. Воронкова А. А., Мальцева С. М., Ульянкина Е. М. Функциональные особенности молодежного сленга современных студентов // Балтийский гуманитарный журнал. – 2020. – Т. 9. – № 2 (31). – С. 237–240.
4. Гуральник Т. А. Особенности молодежного сленга в американском варианте современного английского языка // Семантика и прагматика языка в диалоге культур: Межвуз. сб. науч. статей. – Самара: Самарский университет, 1998. – С. 61–67.
5. Джеус Н. А. Лексико-семантическое словообразование в молодежном сленге: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2008. – 19 с.
6. Исаева В. Н. Молодежная лексика в социальных медиа // Коммуникация в современном мире: Матер. Междунар. науч.-практ. конф. Ч. II. – Воронеж: ВГУ, 2022. – С. 94–96.
7. Касумова М. Ю. Молодежный сленг как компонент молодежного дискурса // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 7. – С. 63–65.
8. Кипарисов Г. О., Попов И. В. Специфика современного молодежного сленга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2008. – № 1. – С. 46–50.
9. Коханая О. Е. Медийный контент для несовершеннолетних в условиях современной виртуальной среды // Высшее образование для XXI века: Ответы на глобальные вызовы. – М.: МосГУ, 2021. – С. 205–213.

10. Коханая О. Е., Головин Ю. А. Цифровые медиа как мощный фактор воздействия на поведение детей и подростков // Челябинский гуманитарий. – 2021. – № 4(57). – С. 28–37.
11. Левикова С. И. Большой словарь молодежного сленга. – М.: Гранд, 2003. – 923 с.
12. Лихачева Ж. В. О способах заимствования в современном русском языке на примере молодежного сленга // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (30). – С. 48–52.
13. Лунева Л. П. Формирование и развитие культурной речевой среды в университете: тенденции и перспективы // Обучение языкам в полиэтнической среде региона: Сб. науч. статей. – М.: «Русайнс», 2022. – С. 162–170.
14. Маряхина А. Н. Молодежный сленг в социальной сети «ВКонтакте» // Трибуна ученого. – 2021. – № 5. – С. 406–410.
15. Матюшенко Е. Е. Современный молодежный сленг (формирование и функционирование). Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2007. – 188 с.
16. Мороз Т. Г. Опыт дискурсного анализа молодежного сленга (на примере молодежных периодических изданий 1990-2000-х годов) // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм: Сб. науч. ст. – Омск: ОГУ им. Ф. М. Достоевского, 2022. – С. 278–282.
17. Подгурская Д. Д., Авакова А. Ю. Англицизмы: следствие культурного обмена или процесс засорения языка // Филологические и социокультурные вопросы науки и образования: сб. матер. VI Междунар. науч.-практ. очно-заоч. конф. – Краснодар: КубГТУ, 2021. – С. 249–254.
18. Пятиязычный словарь современного молодежного сленга / А. А. Сидоров и др. – Волгоград: ВолГУ, 2012. – 119 с.
19. Рубцова Е. А. Функциональные особенности сленгизмов молодежных печатных СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2008. – № 5. – С. 76–81.
20. Сленг // БЭС. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 1456 с.
21. Сленг // Литературный энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1986. – 752 с.
22. Соколова А. Г., Амирова Д. Ф. Использование сленга: теоретическая сущность и адаптация к современным реалиям // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 11. – С. 242–245.
23. Солганик Г. Я. Современная языковая ситуация и тенденции развития русского литературного языка // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2010. – № 5. – Режим доступа: https://vestnik.journ.msu.ru/upload/iblock/00e/elibrary_15545544_80961739.pdf. – (Дата обращения: 22 мая 2023).
24. Титоренко М. Ю. Сленг как составляющая языковой личности подростка: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2003. – 203 с.
25. Шуплецова Ю. А., Ястремская Ю. А. Лексические особенности функционирования языка социальных сетей в среде провинциальной молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – Т. 20. – № 1. – С. 44–48.

References

1. Baranova E. A., Lavrova K. A., Chebanenko V. V. *Amerikanskij molodezhnyj sleng v rossijskikh media* [American youth slang in Russian media]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika*, 2022, vol. 27, no. 4, pp. 775–787.
2. Buryak V. A., Osipova V. A., Vlasov I. A. *Internet-sleng kak forma kommunikacii molodezhi v virtual'noj srede* [Internet slang as a form of youth communication in a virtual environment]. *Zametki uchenogo*, 2020, no. 8, pp. 133–139.

3. Voronkova A. A., Mal'ceva S. M., Ul'yankina E. M. *Funkcional'nye osobennosti molodyozhnogo slenga sovremennyh studentov* [Functional features of youth slang of modern students] *Baltijskij gumanitarnyj zhurnal*, 2020, vol. 9, no. 2(31), pp. 237–240.
4. Gural'nik T. A. *Osobennosti molodezhnogo slenga v amerikanskom variante sovremennogo anglijskogo yazyka* [Features of youth slang in the American version of modern English]. *Semantika i pragmatika yazyka v dialoge kul'tur: Mezhvuz. sb. nauch. statej*. Samara: Samarskij universitet Publ., 1998, pp. 61–67.
5. Dzheus N. A. *Leksiko-semanticheskoe slovoobrazovanie v molodezhnom slenge: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Lexico-semantic word formation in youth slang. Abstract of thesis]. Krasnodar, 2008. 19 p.
6. Isaeva V. N. *Molodezhnaya leksika v social'nyh media* [Youth vocabulary in social media]. *Kommunikaciya v sovremennom mire: Mater. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Ch. II*. Voronezh: VGU Publ., 2022, pp. 94–96.
7. Kasumova M. Y. *Molodezhnyj sleng kak komponent molodezhnogo diskursa* [Youth slang as a component of youth discourse]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk*, 2019, no. 7, pp. 63–65.
8. Kiparisov G. O., Popov I. V. *Specifika sovremennogo molodezhnogo slenga* [The specifics of modern youth slang]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*, 2008, no. 1, pp. 46–50.
9. Kohanaya O. E. *Medijnyj kontent dlya nesovershennoletnih v usloviyah sovremennoj virtual'noj sredy* [Media content for minors in a modern virtual environment]. *Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: Otvetny na global'nye vyzovy*. Moscow, MosGU Publ., 2021, pp. 205–213.
10. Kohanaya O. E., Golovin Yu. A. *Cifrovye media kak moshchnyj faktor vozdejstviya na povedenie detej i podrostkov* [Digital media as a powerful influence on the behavior of children and adolescents]. *Chelyabinskij gumanitarij*, 2021, no. № 4 (57), pp. 28–37.
11. Levikova S. I. *Bol'shoj slovar' molodezhnogo slenga* [A large dictionary of youth slang]. Moscow, Grand Publ., 2003. 923 p.
12. Lihacheva Zh. V. *O sposobah zaimstvovaniya v sovremennom ruskom yazyke na primere molodezhnogo slenga* [On the ways of borrowing in modern Russian by the example of youth slang]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya*, 2017, no. № 4 (30), pp. 48–52.
13. Luneva L. P. *Formirovanie i razvitie kul'turnoj rechevoj sredy v universitete: tendencii i perspektivy* [Formation and development of the cultural speech environment at the University: trends and prospects]. *Obuchenie yazykam v politicheskoj srede regiona: Sb. nauch. statej*. Moscow, Rusajns Publ., 2022, pp. 162–170.
14. Maryahina A. N. *Molodezhnyj sleng v social'noj seti "VKontakte"* [Youth slang in the "VKontakte" social network]. *Tribuna uchenogo*, 2021, no. 5, pp. 406–410.
15. Matyushenko E. E. *Sovremennyj molodezhnyj sleng (formirovanie i funkcionirovanie): Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01* [Modern youth slang (formation and functioning). Dissertation] Volgograd, 2007. 188 p.
16. Moroz T. G. *Opyt diskursnogo analiza molodezhnogo slenga (na primere molodezhnyh periodicheskikh izdanij 1990–2000-h godov)* [The experience of discursive analysis of youth slang (on the example of youth periodicals of the 1990–2000 years)]. *Novejshaya filologiya: dinamika rechevyh i tekstovyh form: Sb. nauch. st.* Omsk, OGU im. F. M. Dostoevskogo Publ., 2022, pp. 278–282.
17. Podgurskaya D. D., Avakova A. Yu. *Anglicizmy: sledstvie kul'turnogo obmena ili process zasoreniya yazyka* [Anglicisms: a consequence of cultural exchange or the process of clogging the language]. *Filologicheskie i sociokul'turnye voprosy nauki i obrazovaniya: sb. mater. VI Mezhdunar. nauch. -prakt. ochno-zaoch. konf.* – Krasnodar: KubGTU Publ., 2021, pp. 249–254.

18. *Pyatiazыchnyj slovar' sovremennogo molodezhnogo slenga* [A five-language dictionary of modern youth slang]. Ed. A. A. Sidorov and others. Volgograd, VolGU Publ., 2012, 119 p.
19. Rubcova E. A. *Funkcional'nye osobennosti slengizmov molodezhnyh pechatnyh SMI* [Functional features of slangisms of youth print media]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov*, 2008, no. 5, pp. 76–81.
20. *Sleng* [Slang]. *BES*. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya Publ., 2002, 1456 p.
21. *Sleng* [Slang]. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'*. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1986. 752 p.
22. Sokolova A. G., Amirova D. F. *Ispol'zovanie slenga: teoreticheskaya sushchnost' i adaptaciya k sovremennym realiyam* [The use of slang: theoretical essence and adaptation to modern realities]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2022, no. 11, pp. 242–245.
23. Solganik G. Ya. *Sovremennaya yazykovaya situaciya i tendencii razvitiya russkogo literaturnogo yazyka* [The current linguistic situation and trends in the development of the Russian literary language]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistika*, 2010, no. 5. Available from: https://vestnik.journ.msu.ru/upload/iblock/00e/elibrary_15545544_80961739.pdf. (accessed 22 May 2023).
24. Titorenko M. Yu. *Sleng kak sostavlyayushchaya yazykovoj lichnosti podrostka: Dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.19* [Slang as a component of a teenager's linguistic personality. Thesis]. Moscow, 2003. 203 p.
25. Shuplecova Yu. A., Yastremskaya Yu. A. *Leksicheskie osobennosti funkcionirovaniya yazyka social'nyh setej v srede provincial'noj molodezhi* [Lexical features of the functioning of the language of social networks among provincial youth]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*, 2020, vol. 20, no. 1, pp. 44–48.

THE FUNCTIONING OF YOUTH SLANG IN THE MEDIA

Smeyukha V. V.

The development of the media environment and globalization contribute to an increase in the volume of youth slang, which scientists, journalists, and representatives of professional communities pay attention to. The article deals with the topic of the use of modern youth slang in the publications of mass periodicals. The texts of “Izvestia”, “Kommersant”, “Vedomosti”, “Moskovsky Komsomolets”, “Rossiyskaya Gazeta”, “Komsomolskaya Pravda”, “Argumenty i Fakty” published on their websites from April 2023 to 2021 were analyzed (the following research methods were used: content-analysis, observation, comparison, philological analysis of texts). The author concludes that youth slangisms are not common in the texts of mass periodicals, only some of the most popular language units are used. The inclusion of youth slangisms in media publications reflects the development of the language of youth; as a rule, these words are used by journalists to explain to a wide audience the meaning of new words of the youth language, descriptions of the youth environment, in the direct speech of the heroes of publications; some words have established themselves in the fields of culture, sports, technical industry, which is recorded by periodicals.

Keywords: youth slang, press, mass media, text, functions

УДК 81'42

**НООПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ:
МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ
(ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ
МЕДИАТЕКСТОВ НАКАНУНЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ)**

Субботина О. А., Пасиковская В. Р.

*Институт медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Россия.
E-mail: subbotiny08@mail.ru; nikapass1218@gmail.com*

Статья посвящена анализу международной информационной повестки, предвосхитившей специальную военную операцию на Украине. Методологическими ориентирами для выполнения работы являются медиаисследования, дающие обоснование концепции ноополитики и смысловому анализу медиатекста-транслятора категории «событие». Экспликация ноополитической информационной стратегии в медиапространстве моделирует два противоборствующих феномена: «свои» и «чужие». Ценности, мотивации и предпринятые действия «своих» и «чужих» регламентируются в инфоповодах СМИ, соответствующих «своей»/ «чужой» ноополитике. Пятиступенчатая процедура интерпретации медиатекста, анализ тем, микротем и медиалингвистических средств способствуют выявлению экстралингвистических факторов, определяющих возникновение «события». Материал исследования включает медиаматериалы из западных средств массовой информации, генерирующих инфоповоды, и медиатексты из российских СМИ, продуцирующих публикации-реакции на эти инфоповоды. Результат реакций представляет собой одновременно и восприятие информации адресатом, находящимся в аксиологически и политически противоположных координатах, и формирование собственной медиапозиции, и выстраивание противоборствующей ноополитической стратегии. Механизмы продвижения «своей истории» в медиапространстве определяются не только идеологически маркированными стимулами, но и фактическим, медиалингвистическим и информационно-коммуникативным наполнением контента.

Ключевые слова: ноополитическая информационная стратегия; смысловой анализ медиатекста; информационная повестка; специальная военная операция; «свои»/ «чужие».

ВВЕДЕНИЕ

Специальная военная операция на Украине определила международную информационную повестку с 24 февраля 2022 года [14]. Тем не менее бэкграунд военного конфликта – активное транслирование медиаконтента, провоцирующего информационное противоборство и предваряющего вооруженное столкновение, фиксируется в зарубежных СМИ в начале 2022 года. Информационные сообщения в российском медиапространстве в это время носят характер реагирования. В этой связи изучение мировой повестки перед началом специальной военной операции представляет *актуальность*.

Медиаисследования последних лет свидетельствуют о том, что тщательный анализ контента ведущих мировых средств массовой информации, формирующих информационный мейнстрим, помогает прогнозировать развитие международного противостояния. Так, например, О. Брейнингер считает «показательным... освещение американскими и российскими СМИ политического кризиса на Украине»

[5, с. 20]. Основные факторы, характеризующие данный феномен: 1) информационное противоборство динамично набирало обороты с 2014 года – разворачивалась «опосредованная война (проху war)» между Россией и США; 2) ценности каждой из сторон более настойчиво стали использоваться как способы осмысления событий, происходящих на Украине: конфликт в качестве способа преобразований и изменений общественно-политического устройства государства рассматривается США как предпочтительный механизм либеральной демократии; Россия позиционирует конфликт как ошибочный путь, ориентированный на отречение от общего исторического прошлого двух славянских народов и их традиционных ценностей. В итоге на мировых медиаплощадках, транслирующих информацию о противостоянии на Украине, были противопоставлены две противоборствующие идеи, полярные модели общественного устройства «*своих*» и «*чужих*». Вследствие этого полезно обратить внимание и на опыт исследования медиаимиджевых характеристик «*своего*» / «*чужого*» субъекта или объекта в «*своем*» / «*чужом*» медиатексте [29], включая вербально-визуальные экспликации «*своего*» и «*чужого*» в информационно-коммуникативной специальной операции [16].

Методология исследования

1. Ноополитика

Научные изыскания авторов статьи опираются на концепцию ноополитики, которая представляет собой «динамичную информационную стратегию по руководству международными процессами путем формирования у общественности положительного или отрицательного отношения к внешней и внутренней политике государства или блока государств с целью создания положительного или отрицательного имиджа пропагандируемых СМИ идей и моральных ценностей с активным использованием механизмов психологического воздействия на массовое сознание» [3, с. 208]. Как показывает анализ библиографических источников, посвященных изучению феномена ноополитики, авторами научных исследований, в основном, являются ученые США и России, что само по себе – знаковый фактор.

Результаты исследований в США

• Arquilla J., Ronfeldt D. и др., 1999 г. – продвижение идеи ноополитики, нового подхода к управлению государством – исследование, выполненное Центром закупок и технологий (англ. *Acquisition and Technology Policy Center*) и Центром международной политики в области безопасности и обороны Национального исследовательского института обороны (корпорация RAND) (англ. *International Security and Defense Policy Center of RAND's National Defense Research Institute (NDRI)*) для проекта по информационной стратегии при поддержке Кабинета помощника министра обороны (командование, контроль, связь и разведка) (англ. *the Assistant Secretary of Defense (Command, Control, Communications and Intelligence)*) [17];

• Ronfeldt D., Arquilla J., 2008 г. – работа посвящена изучению феномена «революции в дипломатических делах», переосмыслению понятия «информация» и исследованию глубинного влияния ноосферы на управление государством [23].

• Ronfeldt D., Arquilla J., 2020 г. – итогами исследования, проведенного через двадцать лет после предложения ноополитики в качестве нового подхода к американской информационной стратегии, стали умозаключения о том, что: 1) информационный век будет продолжать подрывать условия для стратегий реальной политики, основанных на материальной «жесткой силе»; 2) необходимы новые стратегии для акцентирования внимания на ноополитике и ее предпочтении идеологической «мягкой силе»; 3) решающим фактором в новых глобальных войнах идей станет «чья история победит». Это и представляет собой суть ноополитики [25].

• Ronfeldt D., Arquilla J., 2021 г. – работа обусловила формулирование следующих выводов: 1) благодаря цифровой информационной революции ноосфера продолжает оказывать масштабное влияние на управление государством; 2) перспективы ноополитических стратегий будут расти, и поэтому политики и стратеги должны, среди прочих инициатив, переосмыслить существующие концепции «мягкой силы», рассматривать «глобальное достояние» как ключевую проблемную область как для гражданской, так и для военной стратегии, а также ввести требование о регулярных, систематических обзорах «информационной позиции» своих стран; 3) курсы и учебные программы для преподавания общей стратегии должны быть переработаны, чтобы лучше сосредоточиться на понимании социального познания и социальной эволюции [24].

Результаты исследований в России

• Гриняев С. Н., 2001 г. – работа содержит анализ трансформации фундаментальных подходов во внутренней и внешней политике США и обоснование информационной стратегии экспертами американской корпорации RAND; в статье обращается особое внимание на информационную стратегию «как способ выразить “мягкую силу” американских идеалов с целью привлечения, влияния и руководства другими народами» [8]; в ходе исследования сформулированы ключевые положения, способствующие внедрению ноополитики, среди которых «поощряют создание “специальных сил информации”, созданных по образцу сил специального назначения, но вооруженные оружием средств массовой информации, а не таким, как их прототип. Эти команды могут быть направлены в зоны конфликта, с целью помогать разрешать споры путем манипулирования информацией» [там же]; экспертиза трансформации взглядов и подходов к проблеме ведения информационной войны выявила ряд серьезных по своим конечным результатам задач. Среди них выделим те, которые, по нашему мнению, оказали значительное стороннее воздействие на возникновение, развитие и продолжающуюся эскалацию конфликта между Украиной и Россией: «создание атмосферы бездуховности и безнравственности, негативного отношения к культурному наследию противника; манипулирование общественным сознанием и политической ориентацией

социальных групп населения страны с целью создания политической напряженности и хаоса; подрыв международного авторитета государства, его сотрудничества с другими странами» [там же].

• Байчик А. В., Никонов С. Б., 2012 г. – в работе формируется определение ноополитики на основе американских и российских исследований, детерминируется роль современного журналиста-международника, который «...по своей сути – ноополитик, так как сфера его деятельности – информация, распространяемая на общество, важнейшим источником которой в современных условиях является власть» [3, с. 208]; ноополитика классифицируется как подходящая методология координации массового сознания в странах, развитых информационно.

• Никонов С. Б., 2012 г. – в фокусе исследования содержится концептуальное убеждение в том, что тщательный анализ контента СМИ способствует идентификации причин и целей межгосударственных конфликтов. Практическое применение ноополитики в средствах массовой информации: транслирование и освещение происходящих событий выявляет обязательное наличие информационной базы в мировом противоборстве [13].

• Никонов С. Б., 2020 г. – диссертационное исследование освещает феномен ноополитики как концепт внешнеполитической деятельности в информационном обществе; рассматривает новые медиа в связи с ноополитикой: их функции и роль в политической коммуникации; коммуникационность в медиатизации политического процесса, включая модели идеологической модальности и направление ноополитики к бесконфликтному информационному противостоянию [12].

• Калугина Е. Г., Никонов С. Б., 2020 г. – объектом исследования в монографии являются интернет-СМИ с учетом фактора ноополитики – актуальной информационной стратегии международной политической деятельности. В этой связи изучается медийное сопровождение участников внешнеполитических отношений и результатов их взаимодействия. Практическим материалом для рассмотрения аспектов ноополитики является освещение сирийского кризиса в интернет-СМИ России, США и Германии [9].

2. Смысловой анализ медиатекста

Качественное изучение медиатекстов, освещающих ключевые международные события, невозможно представить без смыслового анализа контента и последующего сравнения информационных сообщений СМИ, генерирующих инфоповоды, и СМИ, реагирующих на эти инфоповоды. В качестве рабочей исследовательской методики в статье используется процедура Н. С. Болотновой, подразумевающая смысловой анализ медиатекста на основе репрезентации категории «событие», который включает пять этапов [4, с. 68–76]: 1) идентификация события на основании восприятия фрагментов медиатекста; 2) детерминирование связи между микротемами и основной темой медиатекста в их соотношении с событием и его смысловым отражением; 3) определение лексических средств, привлекающих внимание к разным аспектам события («предыстория, участники, процесс,

последствия, перспектива, оценка» [там же, с. 69]); 4) осмысление результатов и конструирование смысловой интерпретации события создателем медиатекста, выявление его намерений; 5) декодирование смыслов у адресата, генерирование его собственных представлений о событии. Следует отметить, что в качестве адресата в статье рассматриваются российские СМИ, медиатексты которых транслируют информационные сообщения-реакции на исходные инфоповоды.

Цель статьи – проанализировать медиаконтент зарубежных и российских СМИ накануне специальной военной операции на Украине.

Материалом исследования послужили медиатексты, опубликованные в международных иностранных и российских СМИ с 5 по 15 февраля 2022 года.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Информация о том, что Россия и Украина вступят в вооруженный конфликт, появилась в зарубежных средствах массовой информации в начале февраля 2022 года. В ходе исследования изучены заголовки и содержание медиатекстов, которые транслируют инфоповоды в западных изданиях: *The Washington Post*, *Reuters*, *Bloomberg*, *Politico* и на радио (LBC) и реакции на них российских СМИ: *RT*, *Interfax*, *ТАСС*, *РБК*, *РИА «Новости»*.

Прокомментируем результаты анализа медиаконтента.

1. Точкой отсчета для генерирования инфоповода «вооруженное столкновение России и Украины» можно условно считать появление 5 февраля 2022 г. в издании *The Washington Post* материала под заголовком “*Russia could seize Kyiv in days and cause 50,000 civilian casualties in Ukraine, U.S. assessments find*” [26]. Смысловый анализ заголовка статьи выявляет лексические средства, которые фиксируют внимание аудитории уже на последствиях, перспективах и оценках предполагаемого вооруженного конфликта. Приведенная статистика не подкрепляется более убедительными фактическими доказательствами, а, следовательно, есть основания полагать, что она носит манипулятивный характер. Публикация основывается на информации, предоставленной военной разведкой США (без указания конкретных источников); утверждается, что данные были переданы законодателям и европейским партнерам: “*according to updated U.S. military and intelligence assessments briefed to lawmakers and European partners*” [там же]. Это полностью укладывается в концепцию ноополитики, которая предусматривает манипулирование массовым сознанием за счет подачи информации, ориентированной на укрепление конфликта между «своими» и «чужими», и транслирование «своей хорошей» (для создателей инфоповода) истории с помощью СМИ.

2. Интересно, что уже 7 февраля на сайте этого же издания появился материал под заголовком “*Biden vows to stop Nord Stream 2 pipeline to Europe if Russia invades Ukraine*” [18]. Обещание президента США Дж. Байдена «остановить» газопровод «Северный поток – 2», вынесенное в заголовок статьи, подкрепляется его речью на пресс-конференции: “*...there will be no longer Nord Stream 2. We will bring an end to it*”. На вопрос о степени такой вероятности, так как подобное решение примут

официальные лица в Берлине, а не в Вашингтоне, Дж. Байден ответил журналистке: *"I promise you, we'll be able to do it"* (с видео можно ознакомиться на интернет-странице издания The Washington Post). Примечательно, что в этом же материале приводятся цитаты О. Шольца, канцлера Германии, обозначающие его позицию в отношении «остановки» работы «Северного потока – 2» американскими партнерами: *"On Monday, Scholz said only that his country was "absolutely united" with the United States and other NATO allies", "and we will not be taking different steps"* [там же]. Так, в западном медиапространстве конструируется восприятие лагеря союзников, единой целью которых является прямое воздействие на сокращение энергоснабжения Европы газом из России. При этом выстраивается иерархия принятия ключевых в этом направлении решений официальными лицами США и Североатлантического альянса. В сфере медиа прогнозируется событие, и его смысловая интерпретация конструируется создателями инфоповода: «работа газопровода будет остановлена».

2.1. Публикациями-реакциями на представленный выше инфоповод стали медиатексты российских СМИ под заголовками: 1) «*Байден пообещал остановить «Северный поток – 2» в случае «вторжения России на Украину»*» (8 февраля 2022 года, RT) [1] и 2) «*Байден пообещал, что «Северный поток 2» не будет работать в случае нападения РФ на Украину»*» (8 февраля 2022 года, Interfax) [2]. Если первый материал фактически является ретранслированием на русском языке инфоповода, опубликованного в The Washington Post, то второй демонстрирует более широкий круг микротема, связанных с основным событием инфоповода: итоги переговоров президента США и канцлера ФРГ, цитирование заявлений и умозаключений в отношении экономической зависимости России от экспорта газа и нефти, а также важного и надежного партнерства США и Германии.

В связи со смысловым анализом медиатекстов в рамках изучаемого инфоповода и конструируемой ноополитической стратегии в западном медиаполе следует отметить, что после диверсии на «Северном потоке – 1» и «Северном потоке – 2» 26-27 сентября 2022 года (спустя более полугодия после заявления президента Дж. Байдена) The Washington Post публикует материал под заголовком *"European leaders blame Russian 'sabotage' after Nord Stream explosions"* [19], который в контексте предыдущей медиаистории выглядит искусственной попыткой объяснить происходящее и еще раз убеждает в том, что внимательное изучение динамики и тематики новостей, а также цепочки инфоповодов содействует выявлению предпосылок к уже свершившимся фактам.

Расположение материала исследования в формате таблиц далее позволит более лаконично и системно представить результаты работы, которые демонстрируют анализ информационных сообщений-реакций в медиапространстве России на инфоповоды, предлагаемые западными СМИ.¹

¹ Лексемы «нападение» и «вторжение» в контексте специальной военной операции России на Украине являются фрагментами цитирования из зарубежных и российских СМИ.

Таблица 1. Инфоповод о вероятности «вторжения»

Заголовок новостного медиатекста в зарубежном издании	Инфоповод	Реакция в российских СМИ
<p>“Russian forces at 70% of level needed for full Ukraine invasion, U.S. officials say” (6.02.2022, Reuters) [27]</p>	<p>«вероятность “вторжения на Украину” обусловлена необходимым для этого количеством сил и средств на границе»</p>	<p>«The Washington Post и Reuters оценили готовность России к вторжению на Украину в 70%» (6.02.2022, Известия) [30]</p>
		<p>«WP сообщила о стягивании 70% “сил вторжения” России к границам Украины» (6.02.2022, РБК) [33]</p>
		<p>«Набрасывают медиаповоды»: в США опасаются «вторжения» России на Украину в любой момент» (7.02.2022, RT) [11]</p>

В ходе анализа заголовка и содержания исходного медиатекста в издании Reuters обращает на себя внимание определение связи между микротемами: сложившаяся ситуация свидетельствует о том, что окно для дипломатии закрывается (“the window for diplomacy is shutting”); заявление России о неопределенных (“unspecified”) военных действиях, если требования её безопасности не будут выполнены – обещание того, что НАТО никогда не примет Украину, требование, которое Вашингтон и НАТО назвали неприемлемым (“a demand Washington and NATO have said is unacceptable”); статистика потерь украинских и российских военнослужащих в результате вооруженного столкновения и ключевой темой медиатекста в их соотношении с инфоповодом («событием»), а также связи с его медиалингвистическим отражением: использованием сослагательного наклонения при описании микротем.

Публикация-реакция в издании «Известия» носит характер информационного противодействия выдвинутому инфоповоду и основывается на микротемах-фактах, которые в соответствии со стандартами новостного медиатекста представлены в формате хронологической «перевернутой пирамиды». По этому же принципу построен и материал в РБК, однако принцип «перевернутой пирамиды» соблюдается за счет апеллирования к предыдущим событиям (итоги личной встречи президента

России и председателя КНР) и заявлениям российских официальных лиц (заместителя директора департамента информации и печати МИДа А. Зайцева и замминистра иностранных дел С. Рябкова). Информационная реакция в RT основывается на утверждениях Дж. Салливана, помощника президента США по национальной безопасности. Конструируется ноополитическая стратегия противодействия на основании того, что США уже готовы к введению контрмер, уже обвиняют Россию в эскалации вооруженного конфликта (еще до «вторжения»), уже подготовили ограничительные меры к функционированию «Северного потока – 2».

Таблица 2. Инфоповод о предполагаемой дате «нападения»

Заголовок новостного медиатекста в зарубежном издании	Инфоповод	Реакция в российских СМИ
“Putin could attack Ukraine on Feb. 16, Biden told allies” (11.02.2022, Politico) [22]	«предполагаемая дата “нападения” на Украину»	«Politico: Байден заявил, что Россия может “напасть на Украину” 16 февраля» (12.02.2022, RT) [21]
		«Politico: Байден заявил союзникам, что Россия якобы может напасть на Украину 16 февраля» (12.02.2022, ТАСС) [20]

Смысловая интерпретация медиатекста в Politico, транслирующего инфоповод, выявляет особые роли участников «события»: официальных лиц США – Дж. Салливана, помощника президента США по национальной безопасности, Дж. Байдена, президента США; представителей СМИ – корреспондента Н. Шифрина и журналистов издания Politico (их имена авторы материала не указывают); инсайдеров Politico. В связи с концепцией ноополитики прогноз событий представляется в западном медиапространстве как свершившийся факт («плохая история»): “... the idea of Putin ordering a new phase in his war on Ukraine”.

Представляется, что публикация-реакция на данный инфоповод в RT могла бы быть более эффективной и выявляла бы более четкое (в смысле ноополитической стратегии) декодирование смыслов, если бы включила расширенное число «своих» участников «события». В связи с этим апеллирование к официальному мнению «своего» официального лица, пресс-секретаря президента РФ Д. Пескову, в материале ТАСС, на наш взгляд, способствует если не информационному противодействию, то балансу.

Таблица 3. Инфоповод о выезде сотрудников посольства США из Украины

Заголовок новостного медиатекста в зарубежном издании	Инфоповод	Реакция в российских СМИ
“U.S. Orders Kyiv Embassy Staff Out After Warning on Russia” (11.02.2022, Bloomberg) [31]	«приказ сотрудникам посольства США покинуть Украину»	«Власти США вывезут большинство сотрудников своего посольства на Украине» (12.02.2022, Interfax) [6]
		«Госдеп приказал части персонала посольства покинуть Украину» (12.02.2022, РИА «Новости») [7]

Фрагменты исходного медиатекста в издании Bloomberg включают разнообразный ряд средств, фокусирующих внимание на ключевых аспектах «события»: предыстория связана с многолетним противостоянием в Донбассе; среди участников приводятся имена как «своих», так и «чужих» (для США и Европы) официальных лиц, воздействующих на принятие решений и освещение ситуации в медиа; уже в рамках сложившейся в ноополитическом смысле стратегии приводится «их» оценка перспектив и последствий, а отправка новых войск НАТО в соседнюю Польшу и уже присутствие 80 000 военнослужащих в Европе вызвано «исключительно оборонительными целями» (for “defensive purposes only”).

Материал-реакция в Interfax носит характер информационного сообщения. Элемент противодействия, по нашему мнению, представлен имплицитно (без явного использования лексических средств): «перевернутая пирамида» новости содержит подмену тезиса. Публикация о приказе сотрудникам американского посольства покинуть Украину завершается рекомендациями гражданам США, остающимся в стране, «заполнить онлайн-форму на сайте бюро и ожидать ответа Госдепа». Смысловой анализ медиатекста в РИА «Новости» демонстрирует более явно выраженное информационное противодействие: приводится количество дополнительных военнослужащих и военных кораблей, переброшенных из США в Европу; акцентируется внимание на несоблюдении Украиной Минских соглашений и использовании запрещенного оружия украинской властью в отношении ополченцев; подчеркиваются цели наращивания «иностранной группировки у российских границ». Так, в соответствии с концепцией ноополитики резюмируется, что «основная причина эскалации – действия США и НАТО, которые накачивают Украину вооружениями, тем самым подталкивая ее к военным авантюрам».

Таблица 4. Инфоповод о “highly likely” («хайли лайкли»)

Заголовок новостного медиатекста в зарубежном издании	Инфоповод	Реакция в СМИ
“Russia ‘Highly Likely’ to Invade Ukraine, Liz Trass Says” (15.02.2022, LBC Radio) [28]	“highly likely” («хайли лайкли»)	«Россия “highly likely” вторгнется на Украину, заявила глава МИД Британии» (15.02.2022, РИА «Новости») [15]
		«Лиз Трасс описала вероятность “вторжения России” “хайли лайкли”» (15.02.2022, RT) [10]

Смысловой анализ медиаматериала на радио LBC, генерирующего инфоповод, выявляет использование лексических средств с ярко выраженной прецедентной историей в медиапространстве: “highly likely” («хайли лайкли» / рус. «весьма вероятно»). Прецедентность связана с делом об отравлении в городе Солсбери экс-полковника ГРУ Сергея Скрипаля и его дочери Юлии в марте 2018 года; выражение “highly likely” произнесла премьер-министр Великобритании (в то время) Тереза Мэй в связи с предполагаемой причастностью к этому России при отсутствии неоспоримых доказательств. Событие привело к высылке российских дипломатов из Великобритании и ответным шагам со стороны РФ. Идея “highly likely”, закрепленная в медиапространстве, уже в связи с событиями специальной военной операции, по нашему мнению, встраивается в концепцию ноополитической стратегии, направленной на создание той самой «истории», которая победит.

В качестве информационно противодействующего аспекта публикации-реакции в РИА «Новости» можно выделить использование сообщений официальных лиц России, включая МИД РФ: «...заявления об “агрессии РФ” используются как предлог, чтобы разместить больше военной техники НАТО вблизи российских границ»; «В МИД РФ ранее отмечали, что заявления Запада о “российской агрессии” и возможности помочь Киеву защититься от нее – это и смешно, и опасно». В материале RT при интерпретации инфоповода акцент делается на возвращении российских военных в «пункты постоянной дислокации после завершения учений в Белоруссии» и на праве России проводить «учения на своей территории, это право не подлежит обсуждению». Таким, образом, по нашему мнению, моделируется ноополитическая стратегия противодействия в российском медиаполе.

ВЫВОДЫ

1. Концепция ноополитической информационной стратегии, обоснованная в США и получившая там развитие в начале XXI в., обусловила новые подходы к освещению, продвижению информации и ее использованию в медиапространстве для воздействия на массовое сознание общества в целях проведения внутренней и внешней политики государства-генератора инфоповодов.

2. Российские исследования в области ноополитики, кроме транслирования результатов работы американских ученых и целей, которые преследовали государственные заказчики данных исследований в Америке, детерминировали ключевую – ноополитическую – миссию международного журналиста, адресующего обществу информацию, которая определяет позицию его / ее страны в пределах мировой повестки.

3. Процедура смыслового анализа медиатекстов на основе репрезентации инфоповодов способствовала выявлению медиалингвистических и фактических средств, воздействующих на декодирование смыслов у адресатов медиа, и формирующих расстановку «своих» и «чужих» сил при восприятии событий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выстраивание ноополитической информационной стратегии противодействия подчиняется строгим структурным и содержательным требованиям: генерирование инфоповодов и объективное освещение фактов является одновременно механизмом продвижения «своей истории»; медиалингвистическая и смысловая составляющие текстов сообщений четко очерчивают границы «своих» и «чужих» акторов событий, определяют эмоционально-психологический градус их взаимодействия и имплицитно прогнозируют когнитивные и поведенческие эффекты воздействия медиаматериалов на социум.

В перспективе исследование ноополитической информационной стратегии планируется продолжить в рамках кибернетико-синергетической парадигмы.

Список литературы

1. *Байден пообещал остановить «Северный поток – 2» в случае «вторжения России на Украину»* – РТ на русском (rt.com). – Режим доступа: <https://russian.rt.com/business/news/959039-potok-baiden-rossiya>. – (Дата обращения: 31.01.2023)
2. *Байден пообещал, что “Северный поток 2” не будет работать в случае нападения РФ на Украину* (interfax.ru). – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/820742>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
3. *Байчик А. В., Никонов С. Б.* Ноополитика как глобальная информационная стратегия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2012. – №. 1. – С. 207–213.
4. *Болотнова, Н. С.* Методики смыслового и лингвопрагматического анализа медиатекста: учебное пособие: [16+]. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта, 2019. – 156 с. – Режим доступа: по

- подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=603174>. – (Дата обращения: 21.12.2022).
5. *Брейнингер О.* Ноополитика и манипулирование СМИ // *Современные медиа: процессы и контексты.* – 2016. – С. 19–22.
 6. *Власти США вывезут большинство сотрудников своего посольства на Украине (interfax.ru).* – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/world/821721>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 7. *Госдеп приказал части персонала посольства покинуть Украину* – РИА Новости, 12.02.2022 (ria.ru)]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20220212/ukraina-1772449730.html>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 8. *Гриняев С. Н.* Ноополитика–шаг на пути к созданию американской информационной стратегии. –Режим доступа: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/445/noopolitika-shag-na-puti-k-sozdaniyu-amerikanskoj-informacionnoj-strategii-550?ysclid=ld1pdct1ai501682521>. – (Дата публикации: 25-07-2001). – (Дата обращения: 01.02.2023).
 9. *Калугина, Е. Г.* Ноополитика и интернет–СМИ: информационное противостояние в сетевом пространстве. – М.: РУДН, 2020. – 287 с.
 10. *Лиз Трасс описала вероятность «вторжения России» на Украину фразой «хайли лайкли»* – РТ на русском (rt.com). – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/962607-trass-highly-likely>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 11. *«Набрасывают медиановоды»: в США опасаются «вторжения» России на Украину в любой момент.* – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/958433-ukraina-lukashenko-ssha-rossiya?ysclid=lde1ntwgrp3178319982>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 12. *Никонов С. Б.* Ноополитика в коммуникационном процессе внешнеполитической деятельности государств: дис. ... д. полит. наук: 10.01.10 / Никонов Сергей Борисович; СПбГУ – Санкт-Петербург, 2020. – 288 с.
 13. *Никонов С. Б.* Ноополитика как составляющая часть стратегии государственных конфликтов // *European Social Science Journal.* – 2012. – №. 2. – С. 467–472.
 14. *Обращение Президента Российской Федерации.* 24 февраля 2022 г. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 15. *Россия “highly likely” вторгнется на Украину, заявила глава МИД Британии* – РИА Новости, 15.02.2022 (ria.ru). – Режим доступа: <https://ria.ru/20220215/ukraina-1772937343.html>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 16. *Шилина А. Г., Субботина О. А.* Информационно-коммуникативная специальная операция: особенности функционирования прецедентных знаков Z, V, O в медиапространстве (на материале Telegram-канала и VK-страницы Министерства обороны Российской Федерации) // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки.* – 2022. – Т. 8. – №. 3. – С. 167–177.
 17. *Arquilla J. et al.* The emergence of noopolitik: Toward an American information strategy. – Rand Corporation, 1999.
 18. *Biden vows to stop Nord Stream 2 pipeline to Europe if Russia invades Ukraine* –The Washington Post. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/07/ukraine-russia-scholz-biden-macron/>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 19. *Nord Stream gas pipeline explosions prompt investigation into ‘sabotage’* – The Washington Post. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/09/27/nord-stream-gas-pipelines-damage-russia/>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
 20. *Politico: Байден заявил союзникам, что Россия якобы может напасть на Украину 16 февраля* – ТАСС (tass.ru). – Режим доступа: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13687789>. (Дата обращения: 31.01.2023).

21. *Politico: Байден заявил, что Россия может “напасть на Украину” 16 февраля* – RT. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/news/961064-ukraina-baiden-rossiya?ysclid=ldcmduwjko298910902>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
22. *Putin could attack Ukraine on Feb. 16, Biden told allies* – Politico. – Режим доступа: <https://www.politico.com/newsletters/national-security-daily/2022/02/11/putin-could-attack-ukraine-on-feb-16-biden-told-allies-00008344>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
23. *Ronfeldt D., Arquilla J. Noopolitik: A new paradigm for public diplomacy // Routledge handbook of public diplomacy.* – Routledge, 2008. – С. 372-386.
24. *Ronfeldt D., Arquilla J. Rethinking Strategy and Statecraft for the Information Age: Rise of the Noosphere and Noopolitik // Available at SSRN 3910628.* – 2021.
25. *Ronfeldt D., Arquilla J. The continuing promise of the noosphere and noopolitik: 20 years after // Routledge Handbook of Public Diplomacy.* – Routledge, 2020. – pp. 445-480.
26. *Russia could seize Kyiv in days and cause 50,000 civilian casualties in Ukraine, U.S. assessments find* – The Washington Post. – Режим доступа: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/05/ukraine-russia-nato-putin-germany/>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
27. *Russian forces at 70% of level needed for full Ukraine invasion, U.S. officials say | Reuters.* – Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/europe/russian-forces-70-level-needed-full-ukraine-invasion-us-officials-2022-02-05/>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
28. *Russia ‘Highly Likely’ to Invade Ukraine, Liz Trass Says* – Oreanda-News. – Режим доступа: https://www.oreanda-news.com/en/v_mire/russia-highly-likely-to-invade-ukraine-liz-trass-says/article1411809/. – (Дата обращения: 31.01.2023).
29. *Shilina, A., Subbotina, O. Media image prototyping in the transdisciplinary coordinates system // Dynamics of Media Systems.* – 2021. – Chelyabinsk. – pp. 405-414.
30. *The Washington Post и Reuters оценили готовность России к вторжению на Украину в 70% / Новости мира | Известия | 06.02.2022 (iz.ru).* – Режим доступа: <https://iz.ru/1287465/2022-02-06/washington-post-i-reuters-otcenili-gotovnost-rossii-k-vtorzheniiu-na-ukrainu-v-70>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
31. *U.S. Orders Kyiv Embassy Staff Out After Warning on Russia* – Bloomberg. – Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-11/u-s-warns-of-risk-that-russia-moves-against-ukraine-next-week>. – (Дата обращения: 31.01.2023).
32. *U.S. warns China risks embarrassment if it backs Russia on Ukraine* – The Washington Post. – Режим доступа: https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/05/ukraine-russia-nato-putin-germany/?utm_campaign=wp_main&utm_medium=social&utm_source=twitter. – (Дата обращения: 12.12.2022).
33. *WP сообщила о стягивании 70% «сил вторжения» России к границам Украины* – РБК (rbc.ru). – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/06/02/2022/61ff513b9a794701fbfb5af9>. – (Дата обращения: 31.01.2023)

References

1. *Biden poobeshchal ostanovit' «Severnyj potok – 2» v sluchae «vtorzheniya Rossii na Ukrainu» – RT na russkom (rt.com)* [Biden promised to stop “Nord Stream – 2” in case “Russian invasion in Ukraine” – RT in Russian]. – Available at: <https://russian.rt.com/business/news/959039-potok-baiden-rossiya> (accessed: 31.01.2023).
2. *Bajden poobeshchal, chto “Severnyj potok 2” ne budet rabotat’ v sluchae napadeniya RF na Ukrainu (interfax.ru).* – [Biden promised that “Nord Stream – 2” won’t work in case RF attack Ukraine]. – Available at: <https://www.interfax.ru/world/820742> (accessed: 31.01.2023).

3. Bajchik A. V., Nikonov S. B. *Noopolitika kak global'naya informacionnaya strategiya* [Noopolitik as global information strategy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*. 2012, no. 1, pp. 207-213.
4. Bolotnova, N. S. *Metodiki smyslovogo i lingvopragmaticheskogo analiza mediateksta: uchebnoe posobie* [Methods of semantic, linguistic and pragmatic analysis of the media text]. M., Flinta, 2019. 156 p. – Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=603174> (accessed: 21.12.2022).
5. Brejninger O. *Noopolitika i manipulirovanie SMI* [Noopolitik and media manipulation]. *Sovremennye media: processy i konteksty*, 2016, pp. 19-22.
6. *Vlasti SSHA vyvezut bol'shinstvo sotrudnikov svoego posol'stva na Ukraine (interfax.ru)* [The US authorities will remove most of their embassy employees in Ukraine (interfax.ru)]. – Available at: <https://www.interfax.ru/world/821721> (accessed: 31.01.2023).
7. *Gosdep prikazal chasti personala posol'stva pokinut' Ukrainu – RIA Novosti, 12.02.2022 (ria.ru)* [U. S. Department of State ordered part of the embassy staff to leave Ukraine – RIA News]. – Available at: <https://ria.ru/20220212/ukraina-1772449730.html> (accessed: 31.01.2023).
8. Grinyaev S. N. *Noopolitika – shag na puti k sozdaniyu amerikanskoj informacionnoj strategii* [Noopolitik is a step towards creating an American information strategy]. – Available at: <http://csef.ru/ru/nauka-i-obshchestvo/445/noopolitika-shag-na-puti-k-sozdaniyu-amerikanskoj-informacionnoj-strategii-550?ysclid=ld1pdct1ai501682521>. – (publishing date: 25-07-2001) (accessed: 01.02.2023).
9. Kalugina, E. G. *Noopolitika i internet-SMI: informacionnoe protivostoyanie v setevom prostranstve* [Noopolitik and Internet Media: information confrontation in the network space]. M., 2020. 287 p.
10. *Liz Trass opisala veroyatnost' "vtorzheniya Rossii" na Ukrainu frazoy "hajli lajkli" – RT na russkom (rt.com)* [Liz Truss described the likelihood of a “Russian invasion” of Ukraine with the phrase “highly likely” – RT in Russian (rt.com)]. – Available at: <https://russian.rt.com/world/news/962607-trass-highly-likely> (accessed: 31.01.2023).
11. *«Nabrasyvayut mediapovody»: v SSHA opasayutsya «vtorzheniya» Rossii na Ukrainu v lyuboj moment»* [“They are sketching newbreaks”: in the United States, they are afraid of Russia's “invasion” of Ukraine at any moment”] – Available at: <https://russian.rt.com/world/article/958433-ukraina-lukashenko-ssha-rossiya?ysclid=lde1ntwgp3178319982> (accessed: 31.01.2023).
12. Nikonov S. B. *Noopolitika v kommunikacionnom processe vneshnepoliticheskoy deyatel'nosti gosudarstv* [Noopolitik in the communication process of foreign policy activity of states]. Manuscript. Thesis abstract for degree of Doctor of Politics: 10.01.10. Saint Petersburg, 2020, 288 p.
13. Nikonov S. B. *Noopolitika kak sostavlyayushchaya chast' strategii gosudarstvennykh konfliktov* [Noopolitik as an integral part of the strategy of state conflicts]. *European Social Science Journal*, 2012, no. 2, pp. 467-472.
14. *Obrashchenie Prezidenta Rossijskoi Federatsii. 24.02.22* [Address of the President of the Russian Federation. 24.02.22]. – Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (accessed: 31.01.2023).
15. *Rossiya “highly likely” vtorgnetsya na Ukrainu, zayavila glava MID Britanii – RIA Novosti, 15.02.2022 (ria.ru)* [Russia is “highly likely” to invade Ukraine, the British Foreign Minister said]. – Available at: <https://ria.ru/20220215/ukraina-1772937343.html> (accessed: 31.01.2023).
16. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Informacionno-kommunikativnaya special'naya operaciya: osobennosti funkcionirovaniya precedentnykh znakov Z, V, O v mediaprostranstve (na materiale Telegram-kanala i VK-stranicy Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii)* [Information and communication special operation: functioning features of Z, V, O precedent signs in the media

- space (based on the telegram channel and VK page of Ministry of defence of the Russian Federation]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni VI Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, 2022, T. 8, no. 3, pp. 167-177.
17. Arquilla J. et al. *The emergence of noopolitik: Toward an American information strategy*. Rand Corporation, 1999.
 18. *Biden vows to stop Nord Stream 2 pipeline to Europe if Russia invades Ukraine - The Washington Post*. – Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/07/ukraine-russia-scholz-biden-macron/> (accessed: 31.01.2023).
 19. *Nord Stream gas pipeline explosions prompt investigation into 'sabotage' - The Washington Post*. – Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/09/27/nord-stream-gas-pipelines-damage-russia/> (accessed: 31.01.2023).
 20. *Politico: Bajden zayavil soyuznikam, chto Rossiya yakoby mozhet napast' na Ukrainu 16 fevralya - TASS (tass.ru)* [Politico: Biden told allies that Russia could allegedly attack Ukraine on February 16 - TASS (tass.ru)]. – Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13687789> (accessed: 31.01.2023).
 21. *Politico: Bajden zayavil, chto Rossiya mozhet "napast' na Ukrainu" 16 fevralya - RT* [Politico: Biden said Russia could "attack Ukraine" on February 16 - RT]. – Available at: <https://russian.rt.com/world/news/961064-ukraina-baiden-rossiya?ysclid=ldcmduwjko298910902> (accessed: 31.01.2023).
 22. *Putin could attack Ukraine on Feb. 16, Biden told allies - Politico*. – Available at: <https://www.politico.com/newsletters/national-security-daily/2022/02/11/putin-could-attack-ukraine-on-feb-16-biden-told-allies-00008344> (accessed: 31.01.2023).
 23. Ronfeldt D., Arquilla J. *Noopolitik: A new paradigm for public diplomacy*. Routledge handbook of public diplomacy. Routledge, 2008, pp. 372-386.
 24. Ronfeldt D., Arquilla J. *Rethinking Strategy and Statecraft for the Information Age: Rise of the Noosphere and Noopolitik*. Available at SSRN 3910628. 2021.
 25. Ronfeldt D., Arquilla J. *The continuing promise of the noosphere and noopolitik: 20 years after*. Routledge Handbook of Public Diplomacy. Routledge, 2020, pp. 445-480.
 26. *Russia could seize Kyiv in days and cause 50,000 civilian casualties in Ukraine, U.S. assessments find*. – Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/05/ukraine-russia-nato-putin-germany/> (accessed: 31.01.2023).
 27. *Russian forces at 70% of level needed for full Ukraine invasion, U.S. officials say | Reuters*. – Available at: <https://www.reuters.com/world/europe/russian-forces-70-level-needed-full-ukraine-invasion-us-officials-2022-02-05/> (accessed: 31.01.2023).
 28. *Russia 'Highly Likely' to Invade Ukraine, Liz Trass Says - Oreanda-News*. – Available at: https://www.oreanda-news.com/en/v_mire/rossia-highly-likely-to-invade-ukraine-liz-trass-says/article1411809/ (accessed: 31.01.2023).
 29. Shilina, A., Subbotina, O. *Media image prototyping in the transdisciplinary coordinates system*. Dynamics of Media Systems, 2021, Chelyabinsk, pp. 405-414.
 30. *The Washington Post i Reuters ocenili gotovnost' Rossii k vtorzheniyu na Ukrainu v 70% | Novosti mira | Izvestiya | 06.02.2022 (iz.ru)* [The Washington Post and Reuters estimated Russia's readiness to invade Ukraine at 70% | News of the World | Izvestia | 02/06/2022 (iz.ru)]. – Available at: <https://iz.ru/1287465/2022-02-06/washington-post-i-reuters-ocenili-gotovnost-rossii-k-vtorzheniiu-na-ukrainu-v-70> (accessed: 31.01.2023).
 31. *U.S. Orders Kyiv Embassy Staff Out After Warning on Russia - Bloomberg*. – Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-02-11/u-s-warns-of-risk-that-russia-moves-against-ukraine-next-week> – (accessed: 31.01.2023).
 32. *U.S. warns China risks embarrassment if it backs Russia on Ukraine - The Washington Post*. – Available at: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/02/05/ukraine-russia-nato-putin->

germany/?utm_campaign=wp_main&utm_medium=social&utm_source=twitter (accessed: 12.12.2022).

33. *WP soobshchila o styagivanii 70% «sil vtorzheniya» Rossii k granicam Ukrainy –RBC (rbc.ru)* [WP reported on the tightening of 70% of Russia's "invasion forces" to the borders of Ukraine – RBC (rbc.ru)]. – Available at: <https://www.rbc.ru/politics/06/02/2022/61ff513b9a794701fbfb5af9> (accessed: 31.01.2023).

**NOOPOLITIK STRATEGY:
MECHANISMS FOR INFORMATION AGENDA CONSTRUCTING
(EXPERIENCE OF STUDYING FOREIGN AND RUSSIAN MEDIA TEXTS
ON THE EVE OF THE SPECIAL MILITARY OPERATION)**

Subbotina O. A., Pasikovskaya V. R.

The article is devoted to the analysis of the international information agenda anticipating the special military operation in Ukraine. Methodological guidelines for the work are media studies that substantiate the concept of noopolitik and semantic analysis of the media text representing the category of “event”. The explication of the noopolitik information strategy in the media space models two opposing phenomena: “natives” and “aliens”. The values, motivations and actions taken by “natives” and “aliens” are regulated in the newsbreaks corresponding to “native” / “alien” noopolitik. The five-step procedure of the media text interpretation, the analysis of topics, microtopics and media linguistic means contribute to the identification of extralinguistic factors determining the “event” occurrence. The research includes media materials from Western media that generate newsbreaks, and Russian media texts that produce publications-reactions to these newsbreaks. The result of the reactions is the perception of information by the addressee, that is in axiologically and politically opposite coordinates, formation of its own media position and building of an opposing noopolitik strategy. The mechanisms of promoting “natives’ story” in the media space are determined not only by ideologically labeled incentives, but also by the actual, media linguistic, information and communicative content.

Key words: noopolitik information strategy; semantic analysis of the media text; information agenda; special military operation; “natives” / “aliens”.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алдухов Андрей Юрьевич – обучающийся факультета отраслевой и цифровой экономики ФГАОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск, Россия

Антонов Геннадий Николаевич – контр-адмирал, доктор технических наук, научный руководитель АО «СПМБМ «Малахит», г. Санкт-Петербург, Россия

Багно Всеволод Евгеньевич – член-корреспондент Российской академии наук, доктор филологических наук, научный руководитель Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, г. Санкт-Петербург, Россия

Вишнякова Светлана Алексеевна – доктор педагогических наук, профессор, АНО ВО «Университет при Межпарламентской ассамблее ЕврАзЭС, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин; вице-президент и председатель отделения русского языка Петровской академии наук и искусств, г. Санкт-Петербург, Россия

Владимирова Ольга Михайловна – старший преподаватель кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций факультета журналистики ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, Россия

Воронцова Юлия Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранные языки» ФГАОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск, Россия

Вышенская Юлия Павловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения ФГБОУ «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена», г. Санкт-Петербург, Россия

Лихачёв Эдуард Владимирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Лихачёва Екатерина Михайловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи ГОУ ВО ЛНР «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, Россия

Макарова Светлана Анатольевна – доктор филологических наук, редактор издательства «ЛЕКСРУС», г. Москва, Россия

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Орехов Владимир Викторович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Пасиковская Вероника – обучающаяся Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Плаксина Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Сафарова Зера Адиль-Гареевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», г. Симферополь, Россия

Смеюха Виктория Вячеславовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики массовой коммуникации ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Яблоновская Наталья Всеволодовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций Института медиакоммуникаций, медиатехнологий и дизайна ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Антонов Г. Н.

ФЕНОМЕН ПУШКИНА В ГЕОПОЛИТИКЕ XXI ВЕКА.
О СНОСЕ ПАМЯТНИКОВ ПУШКИНУ НА УКРАИНЕ.....3

Багно В. Е.

НОВАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
(КОНЦЕПЦИЯ, СРОКИ, ОБЪЕМЫ, УЧАСТНИКИ).....15

Вышенская Ю. П.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА «COGITO RISIBILE»
В ТЕКСТАХ ФАБЛИО.....24

Макарова С. А.

ОТ «ЧЕЛЮСКИНИАНЫ» – К «АРКТИКЕ»:
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭПИЧЕСКОГО ВОПЛОЩЕНИЯ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСТВЕ И. Л. СЕЛЬВИНСКОГО.....34

Орехов В. В.

БАРОН ДЕ БАЗАНКУР: ЛИТЕРАТОР, ИСТОРИК, ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ.
ЧАСТЬ II. «НЕИСТОВЫЕ» ЧЕРТЫ РОМАНА-ФЕЛЬЕТОНА.....48

Сафарова З. А.-Г.

ПРОСТРАНСТВО СОБЫТИЯ В РОМАНАХ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА.....73

2. СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА,
ПСИХОЛИНГВИСТИКА
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Воронцова Ю. А., Алдухов А. Ю.

ЛЕКСИКА ГЕЙМЕРОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ.....83

Лихачёв Э. В.

ПРОБЛЕМА КОНСТРУИРОВАНИЯ
ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
ГЕНЕРАТИВНЫМ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА).....92

**3. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ
В ПРОЦЕССЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ОБРАЗОВАНИЯ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ**

Вишнякова С. А.

АДАПТАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
К ВОСПРИЯТИЮ ТЕКСТА СПЕЦИАЛЬНОСТИ
ПОСРЕДСТВОМ МОДЕЛИРОВАНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ.....101

Лихачёва Е. М.

КУЛЬТУРА РЕЧИ: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ
В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....109

**4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

Владимирова О. М.

ТАКСОНОМИЯ КАК ПОДХОД К КЛАССИФИКАЦИИ БЛОГОСФЕРЫ.....115

Плаксина Е. С., Яблоновская Н. В.

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ
В СУДЕБНОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ П. А. АЛЕКСАНДРОВА.....125

Смеюха В. В.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В СМИ.....137

Субботина О. А., Пасиковская В. Р.

НООПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ:
МЕХАНИЗМЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОВЕСТКИ
(ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ И РОССИЙСКИХ МЕДИАТЕКСТОВ
НАКАНУНЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ).....149

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....165